

КОРНЕЛИЯ ФУНКЕ

ЧЕРНАЯ КРОВЬ

КАЖДАЯ ПРИДУМАННАЯ ИСТОРИЯ МОЖЕТ СТАТЬ РЕАЛЬНОСТЬЮ...

Чернильный мир и Зазеркалье

Корнелия Функе

Чернильная кровь

«Азбука-Аттикус»

2005

УДК 821.112.2-312.9-93
ББК 84(4 Гем)

Функе К.

Чернильная кровь / К. Функе — «Азбука-Аттикус»,
2005 — (Чернильный мир и Зазеркалье)

«Чернильная кровь» – вторая часть трилогии знаменитой немецкой писательницы Корнелии Функе. Все поклонники ее творчества с удовольствием прочтут продолжение детективной истории героев «Чернильного сердца», ставшего событием не только в истории жанра фэнтези, но и вообще в книжном мире. Во второй части рассказывается о приключениях героев, попавших в Чернильный мир – мир из бумаги и типографской краски. Сажерук возвращается домой. Фарид и Мегги следуют за ним, а вскоре туда отправляются и родители Мегги. В этом мире, сочиненном Фенолио, где живут феи и русалки, так легко погибнуть по произволу злого правителя. Героев ждут нелегкие испытания, но они достойно встречают их, обнаруживая в себе качества, о которых и не подозревали.

УДК 821.112.2-312.9-93

ББК 84(4 Гем)

© Функе К., 2005
© Азбука-Аттикус, 2005

Содержание

Слова, скроенные по мерке	6
Цыганское золото	11
Возвращение Сажерука	14
Дочь Волшебного Языка	19
Фарид	26
Привал комедиантов	33
Мегги принимает решение	41
Комедиантка	46
Мегги читает	53
Чернильный мир	58
Ушла	63
Незванные гости	66
Фенолио	72
Черный Принц	77
Чужие шорохи в чужой ночи	83
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Корнелия Функе

Чернильная кровь

© Cornelia Funke 2005

Illustrations © Cornelia Funke 2005

© Перевод на русский язык. Издание на русском языке.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2013

Machaon®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Брендану Фразеру, чей голос – сердце этой книги. Благодарю тебя за вдохновение и волшебство. Без тебя Мо никогда не переступил бы порог моего кабинета, и эта история осталась бы нерассказанной.

Райнеру Штрекеру, Волшебному Языку и Сажеруку в одном лице. Каждое слово в этой книге с нетерпением ждет того мгновения, когда попадетс я ему на глаза.

Наконец, но уж точно не в последнюю очередь, как всегда, – Анне, замечательной и прекрасной Анне, которая столько прогулок подряд слушала эту историю, ободряла меня и помогала понять, что в ней хорошо, а над чем нужно еще поработать (надеюсь, теперь истории Мегги и Фариды уделено достаточно внимания).

Если бы я знал, откуда приходят стихи, я сам бы туда отправился.

Майкл Лонгли

Слова, скроенные по мерке

*Строка за строкой,
Моя собственная пустыня.
Строка за строкой,
Мой рай.*

*Мария Луиза Кашиц,
Стихотворение*

Уже смеркалось, а Орфея все не было.

У Фарида лихорадочно билось сердце, как всегда, когда день, уходя, оставлял его наедине с темнотой. Черт бы побрал Сырную Голову! Где его только носит? Птичий гомон в кронах деревьев уже смолк, словно придушенный подступающей темнотой, а ближние горы окрасились черным, будто солнце, садясь, опалило им макушки. Скоро весь мир станет черным, как вороново крыло, даже трава под босыми ногами Фарида, и тогда духи поднимут свой шепот. Лишь в одном месте Фарид чувствовал себя от них в безопасности: за спиной у Сажерука, так близко, чтобы ощущать тепло его тела. Сажерук темноты не боялся, он даже любил ее.

– Ты что, опять их слышишь? – спрашивал он, когда Фарид прижимался к нему. – Сколько раз тебе говорить? В этом мире нет духов. Это одно из немногих его преимуществ.

Сажерук стоял, прислонившись к дереву, и смотрел на поднимающуюся по склону пустынную дорогу. Выше фонарь светил на растрескавшийся асфальт, там, где к подножию темных гор лепились дома – десяток, не больше, – тесно прижавшись друг к другу, как будто и они боялись ночи не меньше чем Фарид. Сырная Голова жил в первом доме по дороге. В окне горел свет. Сажерук уже больше часа неотрывно смотрел на этот огонек. Фарид пытался стоять так же неподвижно, но руки и ноги просто отказывались ему повиноваться.

– Пойду посмотрю, куда он запропастился, – сказал Фарид.

– Никуда ты не пойдешь.

Лицо Сажерука было бесстрастным, как всегда, но его выдавал голос. В нем Фариду послышалось нетерпение... и надежда, ни за что не желавшая умирать, хотя уже столько раз обманывалась.

– Ты уверен, что он сказал «в пятницу»?

– Да! Сегодня ведь пятница, верно?

Сажерук молча кивнул и откинул с лица длинные волосы. Фарид тоже пытался отрастить волосы до плеч, но они так упрямо курчавились и лезли во все стороны, что в конце концов он просто отрезал торчавшие пряди ножом.

– Он сказал: «В пятницу, ниже деревни, в четыре часа», а его пес в это время рычал на меня так, будто больше всего на свете ему хочется закусить свеженьким смуглым мальчиком!

Ветер забирался под тонкий свитер Фарида, и мальчишка зябко потирал руки. Костер, горячий, потрескивающий, – вот чего ему сейчас не хватает, но при таком ветре Сажерук не позволит зажечь даже спичку. Четыре часа... Фарид тихо чертыхнулся и поглядел на небо. Он и без часов знал, что сейчас намного позже.

– Я тебе говорю, он нарочно заставляет нас ждать, этот надутый дурак!

Тонкие губы Сажерука скривились в улыбку. В последнее время он все чаще улыбался словам Фарида. Может быть, поэтому он и обещал взять мальчика с собой, если Сырная Голова и вправду отправит его назад, назад в его мир, созданный из бумаги, типографской краски и слов старика.

«Вот еще! – думал Фарид. – С чего бы этот Орфей сумел сделать то, что не удалось всем остальным? Столько людей пыталось... Заика, Златоглаз, Вороний Язык... обманщики, забиравшие наши деньги...»

Свет в окне Орфея погас. Сажерук резко выпрямился. Хлопнула дверь. В темноте послышались шаги, поспешные, неровные. И наконец в свете одинокого фонаря перед ними возник Орфей – Сырная Голова, как называл его про себя Фарид за бледную кожу и за то, что он потел на солнце, как кусок сыра. Тяжело дыша, он спускался по крутому склону, а рядом с ним бежал его адский пес, уродливый, как гиена. Увидев на обочине Сажерука, Орфей остановился и помахал ему, широко улыбаясь.

Фарид схватил Сажерука за локоть и шепнул:

– Ты только посмотри на эту глупую ухмылку! Лживая, как цыганское золото! Как ты можешь ему верить!

– Кто тебе сказал, что я ему верю? Что с тобой? Ты весь извертелся. Может быть, ты хочешь остаться здесь? Автомобили, движущиеся картинки, музыка из ящика, свет, разгоняющий ночь... – Сажерук поднялся на бортик, окаймлявший дорогу. – Тебе ведь все это нравится. Тебе будет скучно там, куда я хочу попасть.

О чем он говорит? Как будто не знает доподлинно, что у Фариды есть только одно желание – быть с ним. Мальчик хотел ответить что-то сердитое, но тут раздался треск, словно ветка хрустнула под сапогом. Фарид вздрогнул.

Сажерук тоже слышал этот треск. Он замер и прислушался. Но между деревьями ничего не было видно, только ветки шевелились от ветра и ночная бабочка, бледная, как призрак, порхнула Фариду в лицо.

– Извините! Я припозднился! – крикнул Орфей.

Фарид все никак не мог привыкнуть, что этот голос выходит из этого рта. В нескольких деревнях подряд им рассказывали о чудесном чтеце, и Сажерук сразу отправился на поиски, но только неделю назад им удалось отыскать Орфея в одной библиотеке, где он читал вслух сказки кучке детей, из которых, кажется, ни один не заметил гнома, вдруг вынырнувшего из-за полки с растрепанными книжками. Но Сажерук его видел. Он подстерег Орфея, уже садившегося в свою машину, и показал ему наконец книгу, которую Фарид проклинал чаще, чем что бы то ни было.

– Да, эту книгу я знаю, – тихо сказал Орфей. – И тебя, – добавил он почти торжественно и поглядел на Сажерука, словно хотел взглядом свести шрамы с его лица, – тебя я тоже знаю. Ты – лучшее, что там есть. Сажерук! Огненный жонглер! И кто только вычитал тебя сюда, в эту печальнейшую из всех историй? Молчи, ни слова! Ты хочешь вернуться, но не можешь отыскать дверь, дверь между буквами? Ничего, я могу прорубить тебе новую, из скроенных по мерке слов! За сходную цену, если ты действительно тот, за кого я тебя принимаю!

Сходная цена! Куда там. Им пришлось пообещать ему почти все, что у них было, да вдобавок еще ждать его много часов в этой забытой богом дыре, на ветру, в вечерней тьме, пахнувшей призраками.

– А куница с тобой? – Орфей направил фонарик на рюкзак Сажерука. – Мой пес его не любит, знаешь.

– Нет, он как раз отправился искать себе пропитание. – Взгляд Сажерука перешел на книгу, которую Орфей держал под мышкой. – Ну как? Ты... справился?

– Конечно!

Адский пес оскалил зубы и уставился на Фариду.

– Слова сперва немного упрямылись. Может быть, потому что я слишком нервничал. Я ведь говорил тебе при первой нашей встрече: эта книга, – Орфей провел пальцами по корешку, – была любимой моей книгой в детстве. В последний раз я видел ее, когда мне было одиннадцать лет. Ее украли из маленькой библиотеки, где я ее столько раз брал. У меня

самого, к сожалению, на воровство смелости не хватило, но книгу эту я никогда не забывал. Она впервые научила меня тому, как легко с помощью слов уйти от этого мира. И найти между страницами друзей – чудесных друзей, таких, как ты, огненный жонглер, и великанов, и фей! Знаешь, как горько я плакал, читая о твоей смерти? Но ты жив и все будет хорошо! Ты расскажешь историю заново...

– Я? – перебил Сажерук с насмешливой улыбкой. – Нет уж, этим, поверь, займутся другие...

– Ну, может быть. – Орфей откашлялся, похоже, смутившись, что так откровенно выказал свои чувства. – Как бы то ни было, досадно, что я не могу пойти с тобой.

Он двинулся своей странно неуклюжей походкой к каменной придорожной ограде.

– Тот, кто читает, остается здесь. Это железное правило. Чего только я не делал, чтобы самому проскользнуть в какую-нибудь книжку, – нет, это невозможно.

Он со вздохом остановился, сунул руку под плохо сидевшую куртку и достал лист бумаги.

– Вот то, что ты заказывал, – сказал он Сажеруку. – Замечательные слова, специально для тебя, тропа из слов, которая прямо отведет тебя на место. На, читай!

Поколебавшись, Сажерук взял листок, испещренный изящными наклонными буквами, переплетающимися, как нити вышивки. Сажерук водил пальцем по строчкам, как будто указывая своим глазам на каждую букву, а Орфей смотрел на него, словно ученик, ожидающий оценки.

Когда Сажерук наконец снова поднял голову, голос его звучал удивленно:

– А ты отлично пишешь! Чудесные слова...

Сырная Голова покраснел так, словно ему в лицо плеснули клюквенным соком.

– Я рад, что тебе нравится!

– Да, мне очень нравится. Все точно так, как я тебе описал, только звучит немного лучше.

Со смущенной улыбкой Орфей забрал листок у Сажерука.

– Не могу обещать, что время суток будет то же, – сказал он тихо. – Законы моего искусства постигнуть трудно, но поверь, больше меня о них никто не знает. Например, чтобы изменить или продолжить книгу, нужно использовать только те слова, которые в ней уже встречаются. При слишком большой примеси чужих слов ничего не получается или получается совсем не то, чего хотели! Вероятно, если бы сам автор...

– Ради всех фей на свете! Слов в тебе, конечно, больше, чем в целой библиотеке, – нетерпеливо перебил Сажерук. – Может быть, ты просто начнешь читать?

Орфей резко замолчал, проглотив остаток фразы.

– Конечно. – Теперь в его голосе звучала легкая обида. – Вот увидишь, с моей помощью книга примет тебя с распростертыми объятиями, как блудного сына. Она впитает тебя, как бумага чернила.

Сажерук молча кивнул и посмотрел вверх на пустую дорогу. Фарид чувствовал, как хочется ему верить Сырной Голове – и как боится он нового разочарования.

– А как же я? – Фарид встал рядом с ним. – Обо мне он тоже написал? Ты проверил?

Орфей бросил на мальчика недоброжелательный взгляд.

– Ах ты боже мой! – насмешливо сказал он Сажеруку. – Мальчишка, похоже, действительно к тебе привязан. Где ты его подцепил? На дороге?

– Фарид вытащил из его истории тот же человек, который и мне этим удружил, – ответил Сажерук.

– Этот... Волшебный Язык? – Орфей произнес это прозвище с такой иронией, будто не верил, что кто-то может его заслуживать.

– Да. Так его зовут. А ты откуда знаешь? – Сажерук не мог скрыть удивления.

Адский пес обнюхивал босые ноги Фариды. Орфей пожал плечами:

– Рано или поздно узнаешь о каждом, кто способен вдохнуть жизнь в буквы.

– В самом деле?

В голосе Сажерука слышалось недоверие, но от дальнейших вопросов он воздержался. Он неотрывно смотрел на листок, исписанный изящным почерком Орфея.

Сырная Голова не спускал глаз с Фарида.

– Из какой книги ты родом? – спросил он. – И почему ты хочешь вернуться не в свою собственную историю, а в его, где тебе совершенно нечего делать?

– Тебе-то что? – буркнул Фарид.

Сырная Голова нравился ему все меньше. Больно уж он любопытен и, безусловно, чересчур сообразителен.

Но Сажерук лишь тихо рассмеялся:

– Его собственная история? Нет, вот уж туда Фарид совсем не стремится. Мальчишка меняет истории, как змея – кожу.

Фариду показалось, что он сказал это чуть ли не с восхищением.

– Ах вот как?!

Орфей снова бросил на Фарида такой высокомерный взгляд, что мальчику больше всего хотелось пнуть его под толстые колени, но рядом с ним таращился голодными глазами адский пес.

– Ну ладно, – сказал Орфей, присаживаясь на каменную ограду. – Но я все же должен тебя предупредить. Вчитать тебя обратно мне ничего не стоит, но мальчишке совершенно нечего делать в этой истории. Я даже не могу назвать его по имени. Ты сам видел, речь там идет просто о мальчике, и я не могу гарантировать, что все получится. Но даже если получится, от него там, вероятно, будут одни неприятности. Он даже может навлечь на тебя несчастье!

О чем толкует этот чертов тип? Фарид посмотрел на Сажерука. «Пожалуйста! – думал он. – Ну пожалуйста! Не слушай его! Возьми меня с собой!»

Сажерук поймал его взгляд и улыбнулся.

– Несчастье? – По его тону слышно было, что это слово ему разъяснять не надо. – Чушь! Мальчик приносит мне счастье. Кроме того, он неплохо выучился глотать огонь. Я возьму его с собой. И еще вот это.

Прежде чем Орфей успел понять, о чем речь, Сажерук схватил книгу, которую Сырная Голова положил рядом с собой на ограду.

– Тебе ведь она больше не нужна, а я буду спать куда спокойнее, если книга будет у меня.

– Но... – Орфей удрученно посмотрел на него. – Я ведь тебе говорил, это моя любимая книга. Мне очень хочется оставить ее у себя.

– Мне тоже, – коротко возразил Сажерук и протянул книгу Фариду. – На! И держи крепче.

Фарид прижал книгу к груди и кивнул.

– Надо позвать Гвина, – сказал он.

Но, когда он полез в карман за хлебной коркой, собираясь позвать куницу, Сажерук зажал ему рот рукой:

– Гвин останется здесь!

Скажи он, что хочет оставить здесь свою правую руку, Фарид удивился бы меньше.

– Ну что ты так вытаращился? Мы поймаем себе там другую куницу, не такую кусачую.

– Ну хоть в этом ты ведешь себя благоразумно, – сказал Орфей.

О чем он говорит?

Но Сажерук не ответил на вопросительный взгляд Фарида.

– А теперь начинай наконец читать, – резко бросил он Орфею. – Или мы собираемся торчать тут до рассвета?

Орфей с минуту смотрел на него, словно хотел сказать еще что-то, потом откашлялся:

– Да. Да, ты прав. Десять лет в чужой истории – это много. Будем читать.

Слова наполнили ночь, как запах невидимых цветов.

Слова, скроенные точно по мерке, слова, взятые из книги, которую крепко держал Фарид, скрепленные бледными руками Орфея в новые фразы. Они рассказывали о другом мире, полном чудес и ужасов. И Фарид, заслушавшись, забыл о времени. Он не ощущал больше его течения. На свете был только голос Орфея, звучащий из совсем не подходящего к нему рта. И от звуков этого голоса все исчезло: разбитая дорога и бедные домишки вдоль нее, фонарь, ограда, на которой сидел Орфей, и даже луна между черными деревьями. И воздух вдруг наполнился незнакомым сладким ароматом.

«Он умеет, он правда умеет», – думал Фарид, а голос Орфея делал его слепым и глухим ко всему на свете, что не состоит из букв. Когда Сырная Голова вдруг замолчал, мальчик растерянно оглянулся, не сразу стряхивая с себя чары слов. Но почему дома и ржавый от дождя и ветра фонарь по-прежнему здесь? И Орфей был здесь со своим адским псом.

Не хватало только одного – Сажерука.

А Фарид по-прежнему стоял на той же пустынной дороге. Не в том мире.

Цыганское золото

Им сделалось ясно, что этот негодяй Джо продал душу дьяволу, а с дьяволом шутки плохи: только сунься в его дела – и сгинеешь на веки веков.

Марк Твен. Приключения Тома Сойера¹

– Нет! – Фарид слышал ужас в своем голосе. – Нет! Что ты наделал? Где он?

Орфей не спеша поднялся с ограды, держа в руке проклятый листок, и улыбнулся:

– Дома. Где же еще?

– А я? Как же я? Читай дальше! Ну читай же!

Все исчезло за пеленой слез.

Он был один, совсем один, как раньше, пока не встретил Сажерука. Фариду стала бить дрожь, до того сильная, что он даже не заметил, как Орфей вытянул у него из рук книгу.

– И вот новое доказательство, – услышал мальчик его бормотание. – Я не зря ношу свое имя. Я – властелин любых слов, и написанных, и произнесенных. Никто не может со мной сравниться.

– Властелин? О чем ты говоришь! – Фарид кричал так, что даже адский пес пригнул голову. – Если ты хоть что-нибудь смыслишь в своем ремесле, почему я еще здесь? Читай все сначала, живо! А книгу мне отдай!

Он протянул руку, но Орфей увернулся с неожиданной ловкостью.

– Книгу? Почему я должен тебе ее отдавать? Ты ведь небось и читать-то не умеешь! Должен тебе кое в чем признаться. Если бы я хотел отправить тебя с ним, ты был бы уже там, но тебе нечего делать в его истории, поэтому фразы о тебе я просто не стал читать. Понял? А теперь мотай отсюда, пока я не натравил на тебя своего пса. Мальчишки вроде тебя бросали в него камни, когда он был щенком, и с тех пор он гоняет таких с большой охотой!

– Ах ты сукин сын! Лжец! Обманщик! – У Фариды сорвался голос.

Ведь он знал! Ведь он говорил Сажеруку! Сырная Голова был фальшивый насквозь, как цыганское золото. Что-то пушистое, круглоносое, с рожками на голове протиснулось между его ногами. Куница. «Гвин, он ушел! – подумал Фарид. – Сажерук ушел. Мы его больше никогда не увидим!»

Адский пес пригнул неуклюжую голову и неуверенно шагнул к кунице, но Гвин оскалил острые, как иглы, зубы, и огромный пес удивленно убрал нос.

Его страх придал Фариду храбрости.

– Давай сюда, живо! – Он уперся Орфею в грудь тощим кулаком. – И книгу, и листок! Или я тебя сейчас на куски разрежу, честное слово!

Невольное рыдание сделало угрозу менее убедительной, чем хотелось мальчику.

Орфей погладил по голове своего пса и сунул книгу за пояс.

– Как мы испугались! А, Цербер?

Гвин прижался к ногам Фариды, тревожно поводя хвостом. Фарид думал, что это он из-за собаки, он продолжал так думать, когда куница метнулась на дорогу и исчезла среди деревьев на другой стороне. «Слепая, глухая тетеря! – часто повторял он себе потом. – У тебя ни глаз, ни ушей, Фарид».

Орфей улыбался как человек, знающий больше, чем его собеседник.

– Видишь ли, мой юный друг, – сказал он, – я и вправду до смерти испугался, когда Сажерук потребовал книгу обратно. К счастью, он отдал ее тебе, а то бы я ничего не смог для него

¹ Перевод К. Чуковского.

сделать. Я и так с трудом уговорил своих заказчиков не убивать его, однако они вынуждены были пообещать мне его жизнь. Только при этом условии я согласился послужить приманкой... приманкой для книги, потому что в ней все дело, если ты этого до сих пор не понял. Дело только в книге, и больше ни в чем. Да, они пообещали мне, что волос не упадет с головы Сажерука, но о тебе, к сожалению, мы не договаривались.

Прежде чем Фарид понял, о чем толкует Сырная Голова, он почувствовал у горла нож, острый, как осока, и холодный, как туман в лесу.

– Какая встреча! – зарокотал ему в ухо незабываемый голос. – Последний раз я видел тебя, кажется, у Волшебного Языка? И все же ты, говорят, помог Сажеруку украсть у него книгу? До чего милый мальчик!

Нож врезался Фариду в кожу, и в лицо ему пахнуло мятным дыханием. Нож и листики мяты – ни с тем, ни с другим Баста не расставался. Он жевал листья, а потом выплевывал остатки себе под ноги. Он был опасен, как бешеная собака, и не очень умен. Но как он сюда попал? Как он их нашел?

– Ну, как тебе мой новый ножик? – прошипел он в ухо Фариду. – Я бы с удовольствием продемонстрировал его и нашему Огнеглоту, но Орфей питает к нему слабость. Ну и пусть, до Сажерука я еще доберусь. До него, до Волшебного Языка и его ведьмы-дочки. Они мне за все заплатят!..

– За что? – выдохнул Фарид. – За то, что спасли тебя от Призрака?

Но Баста только плотнее прижал нож к его горлу.

– Спасли? Они принесли мне несчастье, одно несчастье!

– Убери ты свой нож, бога ради. – В голосе Орфея звучало отвращение. – Это просто мальчишка. Отпусти его. Книга у меня, как договорились, так что...

– Отпустить? – Баста рассмеялся, но смех застрял у него в горле.

В лесу раздалось фыркание, от которого адский пес прижал уши. Баста вздрогнул.

– Что за черт? Идиот проклятый! Что ты там еще выпустил из книги?

Фарида это не интересовало. Он только почувствовал, что Баста на мгновение ослабил хватку. Этого было достаточно. Он с такой силой впился ему в руку зубами, что ощутил на языке вкус крови.

Баста вскрикнул и выронил нож.

Фарид вырвался, толкнул его в грудь и бросился бежать. Он совсем забыл о придорожной ограде. Налетев на нее, мальчик упал так, что у него перехватило дух. С трудом поднявшись, он заметил на асфальте бумагу, тот самый листок, что отправил Сажерука домой. Его, видимо, отнесло на дорогу ветром. Фарид проворно схватил листок. «Поэтому фразы о тебе я просто не стал читать. Понял?» – прозвучал в его памяти насмешливый голос Орфея. Фарид прижал листок к груди и помчался дальше, через дорогу, к деревьям, темневшим по ту сторону. Где-то позади рычал и лаял адский пес, потом раздался вой. Орфей вскрикнул – от страха его голос звучал пронзительно и совсем некрасиво. Баста громко выругался, а потом снова послышалось фыркание – так фыркали большие кошки, водившиеся в старом мире Фарида.

«Не оборачиваться! – думал мальчик. – Бегите, ну бегите же! – велел он своим ногам. – Пусть кошка сожрет адского пса, пусть она сожрет их всех, Басту и Сырную Голову заодно, а вы бегите!»

Опавшие листья между деревьями промокли от дождя и приглушали шаги, зато они были скользкими, и Фарид не удержался на ногах и покатился вниз по крутому склону. Ему удалось зацепиться за дерево. Весь дрожа, он отчаянно вцепился в ствол и стал вслушиваться в темноту. Что, если Баста слышит его тяжелое дыхание?

У него вдруг вырвался вскрик, и он прижал руки ко рту. Книга, книга осталась у Басты! Разве ему не поручено было держать ее крепче! И как же он теперь отыщет Сажерука? Фарид

разгладил исписанный листок, который все еще прижимал к груди. Промокший, грязный клочок бумаги – его единственная надежда.

– Эй, ты, ублюдок кусачий! – раздался в ночной тишине голос Басты. – Беги-беги, я до тебя еще доберусь, слышишь? До тебя, до Огнеглота, до Волшебного Языка и его сильно умной дочки и до старика, который написал эту треклятую муть. Я убью вас всех! Одного за другим! Так же, как я сейчас убил зверя, вышедшего из книги!

Фарид затаил дыхание.

«Дальше! – думал он. – Беги дальше! Баста тебя не видит».

Дрожа, он нащупал соседнее дерево и оперся о него, благодаря ветер за то, что тот обрывает листву над головой и заглушает своим шумом его шаги. «Сколько раз тебе говорить? В этом мире нет духов. Это одно из немногих его преимуществ». Он слышал голос Сажерука, словно жонглер шел рядом. Фарид снова и снова повторял эти слова, а слезы застилали ему лицо и колючки впивались в ноги. «Нет духов, нет духов!»

Ветка так сильно хлестнула его по лицу, что он чуть не вскрикнул. Гонятся за ним еще? В ушах свистел ветер, заглушая другие звуки. Снова поскользнувшись, Фарид кубарем покатылся по склону. Крапива обжигала ему ноги, репейник вцеплялся в волосы. И вдруг что-то теплое и пушистое прыгнуло на него и уткнулось носом ему в лицо.

– Гвин?

Фарид ощупал маленькую головку. Да, вот они, рожки. Он прижался щекой к мягкому меху.

– Баста вернулся, Гвин! – прошептал он. – И книга у него! Что, если Орфей теперь вчитает его туда? Рано или поздно он туда вернется, правда? Как ты думаешь? Как нам теперь предостеречь от него Сажерука?

Еще дважды Фарид выбредал на дорогу, серпантинном спускавшуюся по склону, но так и не отважился идти по ней, а решил пробиваться сквозь колючий подлесок. Он так запыхался, что каждый вздох причинял ему боль, и все же он шел вперед не останавливаясь. И лишь когда сквозь кроны деревьев пробились первые лучи солнца, Фарид понял, что ушел от своих преследователей.

«Ну а дальше что? – думал он, лежа в сухой траве и тяжело дыша. – Что дальше?»

И вдруг ему вспомнился другой голос, голос, приведший его в этот мир. Волшебный Язык. Конечно. Только он может теперь ему помочь, он или его дочь, Мегги. Они теперь живут у Книгожорки, Фарид был там однажды с Сажеруком. Путь неблизкий, особенно для израненных ног. Но он должен добраться туда раньше Басты...

Возвращение Сажерука

– Что такое? – спросил Леопард. – Здесь так ужасно темно и при этом так много светлых пятен?

Р. Киплинг. Как Леопард стал пятнистым²

На мгновение Сажеруку показалось, что он никогда и не покидал эти края, – как будто ему просто приснился дурной сон, оставив неприятный вкус на языке, легкую тень на сердце и больше ничего... Вдруг все вернулось: знакомые звуки и запахи, которых он никогда не забывал, стволы деревьев в пятнах утреннего света, тень листьев на его лице. Листья уже окрасились желтым и красным, как и в том, другом мире, здесь тоже близилась осень, но воздух был еще совсем теплым. Он пах переспелыми ягодами, увядающими цветами – их были тысячи, их аромат кружил голову: бледные, как воск, соцветия, мерцающие в сумраке леса, голубые звездочки на тоненьких стебельках, такие нежные, что Сажерук ступал осторожнее, чтобы не растоптать их. Дубы, платаны, магнолии вокруг – как они устремлялись в небо! Он почти забыл, какими большими могут быть деревья, как толсты и высоки их стволы, как развесисты кроны, в тени которых могла бы укрыться целая кавалькада. Леса в том, другом мире были совсем молодыми. Он всегда чувствовал себя в них старым, ужасно старым, покрытым годами, словно ржавчиной. А здесь он снова был молод, лишь чуточку старше, чем грибы между корнями, лишь чуть выше, чем чертополох и крапива.

Но где же мальчик?

Сажерук оглянулся, ища его, и позвал:

– Фарид! Фарид!

Это имя стало ему за последние месяцы почти так же привычно, как свое. Но никто не отозвался. Лишь его собственный голос эхом прокатился между деревьями.

Значит, это все же случилось. Мальчик остался в том мире. Что же бедняга будет там делать один-одинешенек? «Ну ладно, – думал Сажерук, в последний раз оглядываясь по сторонам, – он справится там куда лучше, чем ты. Ему ведь нравятся шум, скорость, многолюдность. К тому же ты его многому научил. С огнем он играет теперь почти так же ловко. Да, мальчик не пропадет». И все же на мгновение радость увяла в груди Сажерука, как растоптанный цветок, и утренний свет, только что веселый и приветный, показался безжизненным и бледным. Тот, другой мир снова обманул его. Да, тот мир и вправду отпустил его после стольких лет, но за это отобрал единственное, к чему он там привязался всем сердцем...

«Ну и какой же из этого опять-таки следует урок? – думал он, опускаясь на колени в мокрой от росы траве. – Лучше держи свое сердце при себе, Сажерук». Он поднял красный лист, полыхавший на темном мху, как язычок пламени. В том, другом мире таких листьев нет, правда? Да что это с ним? Он сердито выпрямился. «Эй, Сажерук! Ты вернулся! вернулся! – прикрикнул он на себя. – Забудь мальчишку! Да, его ты потерял, но за это получил обратно свой мир, целый мир! Ты получил его обратно! Поверь в это наконец! Поверь!»

Это оказалось непросто. Куда легче было поверить в несчастье, чем в счастье. Ему пришлось потрогать каждый цветок, прикоснуться к каждому стволу, растереть землю пальцами и почувствовать первый комариный укус, прежде чем он сумел наконец в это поверить.

Да, он вернулся. Он вправду вернулся. Наконец-то. И вдруг счастье ударило ему в голову, как бокал крепкого вина. Даже мысль о Фариде не могла теперь его омрачить. Страшный сон, продолжавшийся десять лет, кончился. Каким легким он себя чувствовал, легким, словно лист, из тех, что струились на него с деревьев золотым дождем.

² Перевод Р. Померанцевой.

Счастлив.

Запомни, Сажерук, каково оно на вкус, счастье.

Орфей действительно вчитал его на то место, которое он ему описал. Там было озерцо, поблескивающее между серо-белыми камнями в окаймлении цветущих олеандров, а в нескольких шагах от озера стоял платан, на котором жили огненные эльфы. Их гнезда лепились к светлостволу даже гуще, чем в его воспоминаниях. Непривычный взгляд принял бы их за осиные гнезда, но они были меньше и немного светлее, почти такие же светлые, как кора, отстававшая от высокого ствола.

Сажерук оглянулся и снова вдохнул воздух, по которому тосковал десять лет. Почти забытые ароматы мешались с теми, что бывали и в другом мире. Деревья, росшие у озерца, встречались и там, только намного моложе и меньше: эвкалипты и ольха склонялись к воде своими ветви, словно хотели окунуть листья в ее прохладу. Сажерук осторожно протиснулся сквозь их заросли на берег. Его тень упала на черепаху, и она неуклюже двинулась прочь. На камне сидела жаба, время от времени выстреливая длинным языком; она как раз заглотнула огненного эльфа. Эльфы роями носились над водой, издавая характерное жужжание, всегда звучавшее очень сердито.

Пора украсть у них кое-что.

Сажерук опустил колено на влажный камень. За его спиной послышался шорох, и он поймал себя на том, что ищет глазами темную шевелюру Фарида и рогатую голову Гвина. Но это продолжалось лишь мгновение, потом он разглядел ящерицу, взбирающуюся на соседний камень, чтобы погреться на осеннем солнце. «Дурак! – сказал он себе. – Забудь о мальчишке, а куница, уж конечно, по тебе не скучает. Кроме того, у тебя были причины оставить ее там, веские причины».

Его отражение дрожало на темной воде. Лицо было прежним. Шрамы, конечно, никуда не делись, но новых повреждений, слава богу, не появилось: ни вдавленного носа, ни негнувшейся ноги, как у Кокереля. Все на месте. Даже голос... Этот Орфей, похоже, и вправду свое дело знает.

Сажерук ниже склонился над водой. Где они сейчас? Помнят ли его? Синие феи не помнили лиц уже через несколько минут. А эти? Десять лет – долгий срок, но считают ли они годы?

Вода дрогнула, и в его отражении проглянули другие черты. Лягушачьи глаза на почти человеческом лице, длинные волосы, путающиеся в воде, словно водоросли, такие же зеленые и тонкие. Сажерук окунул пальцы в холодную воду, и оттуда высунулась другая рука, узкая и тонкая, как у ребенка, покрытая крошечными, почти незаметными чешуйками. Влажный пальчик, холодный, как вода, из которой он поднялся, коснулся его лица и заскользил по шрамам.

– Да, мое лицо не скоро забудешь, правда? – Сажерук говорил тихо, почти шепотом. Русалки не любят громких голосов. – Значит, ты помнишь шрамы. А помнишь ли ты, о чем я всегда просил вас, приходя сюда?

Лягушачьи глаза блеснули на него чернотой и золотом, и русалка исчезла, словно только привиделась ему. Спустя несколько минут уже три их всплыло над темной водой. Плечи, белые, как лепестки лилии, виднелись у самой поверхности, а хвосты, покрытые разноцветной чешуей, как брюхо окуня, извивались в глубине, теряясь из глаз.

Мошкара, кружившая над водой, впивалась в лицо и пальцы Сажерука, будто только его и ждала все время, но он почти не замечал укусов. Русалки не забыли его: ни его лица, ни того, что ему от них требовалось, чтобы приручить огонь.

Они протянули к нему руки из воды. Крошечные пузырьки воздуха поднялись на поверхность, неся с собой их беззвучный смех. Русалки взяли его руки в свои и принялись гладить его плечи, лицо и шею, пока его кожа не стала такой же прохладной, как у них, и не покрылась таким же тонким защитным слоем ила, как их чешуя.

И вдруг они исчезли – так же внезапно, как появились. Их лица ушли в темную глубь озера, и Сажерук готов был, как всегда, поверить, что русалки ему просто приснились – если бы не эта прохлада на коже, не легкий блеск рук.

– Спасибо! – шепнул он, хотя на поверхности воды дрожало лишь его собственное отражение.

Он пробрался через олеандровые кусты и беззвучно зашагал к огненному дереву. Был бы здесь Фарид, он бы сейчас скакал от восторга по мокрой траве, как жеребенок...

Платье Сажерука, когда он остановился у платана, было облеплено влажной от росы паутиной. Нижние гнезда висели так близко, что он без труда мог засунуть руку в отверстие. Он запустил в гнездо смоченные русалками пальцы, и эльфы сердито метнулись было ему в лицо, но он успокоил их ласковым жужжанием. Если взять верную ноту, их возбужденное кружение быстро замедлялось, жужжание и брань становились сонными, и в конце концов их крошечные горячие тела опускались ему на плечи, обжигая кожу. Но как бы больно Сажеруку ни было, он не смел дернуться или стряхнуть эльфов, а только засовывал пальцы поглубже в гнездо, пока не нащупывал то, что искал: их огненный мед. Пчелы кусаются, а огненные эльфы прожгли бы ему кожу насквозь, если бы над ней раньше не потрудились русалки. Но даже с такой защитой лучше было не проявлять чрезмерной жадности, обворовывая эльфов. Если возьмешь слишком много, они кинутся тебе в лицо, спалят кожу и волосы и не отвяжутся от грабителя, пока он не свалится, корчась от боли, у корней их дерева.

Но Сажерук никогда не бывал так жаден, чтобы рассердить их. Он доставал из гнезда лишь крошечный комочек, размером с ноготь, больше ему пока и не нужно было. Продолжая тихонько жужжать, он заворачивал липкую добычу в древесный лист.

Огненные эльфы очнулись, едва Сажерук замолк, и принялись носиться вокруг него все быстрее и быстрее, а голоса их становились все громче, как угрожающее бурчание шмеля. Но нападать на него они все же не стали. Нельзя было смотреть на них, нужно было притворяться, будто вовсе их не замечаешь, неспешно повернуться и идти прочь медленным, очень медленным шагом.

Эльфы еще немного покружились над ним, но потом отстали, и Сажерук зашагал вниз по течению ручья, вытекавшего из русалочьего озера и вившегося между ивами, ольхой и зарослями тростника.

Он знал, куда течет ручей: на север, из Непроходимой Чащи, в которую редко забредал человек, туда, где лес принадлежал людям и где топор так быстро прореживал заросли, что деревья по большей части умирали раньше, чем их кроны могли бы укрыть от непогоды хотя бы одного всадника. Ручей поведет его по постепенно расширявшейся долине между холмами, на которые не ступала нога человека, потому что там живут великаны, медведи и существа, которым никто еще не дал имени. Когда-нибудь на этих склонах появится первая хижина угольщика, первая прогалина в густых лесных зарослях, и есть надежда, что Сажерук найдет там не только фей и русалок, но и нескольких давно пропавших людей.

Он пригнулся, когда между двумя деревьями вдаль показался сонный волк. Не шевелясь, Сажерук ждал, пока серая морда скроется в чаще. Да, медведи и волки... Он должен снова научиться слышать их шаги, чувствовать их приближение раньше, чем они его заметят, не говоря уж о больших диких кошках, сливавшихся пятнами своего меха с солнечными бликами на стволах деревьев, и змеях, зеленых, как скрывавшая их листва. Змеи сползали с ветвей тише, чем он стряхивал упавший лист с плеча. Великаны, к счастью, обычно оставались на холмах, куда даже Сажерук забираться не решался. Только зимой они иногда спускались вниз. Но были и другие существа, не такие нежные, как русалки, и которых не успокоишь песенкой, как огненных эльфов. Обычно они оставались невидимы, надежно укрывшись среди стволов и листьев, и все же были опасны: лесные человечки, дырочники, черные духи, буканы, приносящие дурные сны... Некоторые из них порой забирались даже в хижины угольщиков.

– Ну-ка поосторожнее! – прошептал Сажерук. – Ты ведь не хочешь, чтобы твой первый день дома стал и последним.

Пьянящий восторг возвращения постепенно развеивался, и мысли его прояснились. Но счастье по-прежнему окутывало сердце мягко и нежно, словно птичий пух.

У ручья он разделся, смыл с себя русалочью слизь, сажу огненных эльфов, грязь другого мира и снова надел одежду, которую не носил десять лет. Он тщательно берег ее, и все же моль проела несколько дырочек в черной ткани, а рукава были потертыми уже тогда, когда пришлось сменить этот наряд на одежду другого мира. Такой черно-красный костюм носили огненные жонглеры, а канатные плясуны, например, одевались в небесно-голубое. Он провел рукой по грубой ткани, расправил камзол с широкими рукавами и бросил на плечи черную накидку. К счастью, одежда сидела на нем все так же хорошо, шить новое платье было бы очень дорого, даже если, по обычаю комедиантов, отдать портному старые лохмотья, чтобы он перелицевал их.

С наступлением сумерек Сажерук стал присматривать безопасное место для ночлега. В конце концов его привлек упавший дуб, корни которого так высоко торчали из земли, что между ними можно было удобно устроиться на ночь. Дерево словно превратилось в стену и в то же время так судорожно цеплялось за землю, будто пыталось отчаянным усилием удержать жизнь. Его крона зеленела свежей листвой, хотя не устремлялась теперь в небо, а раскинулась по земле. Сажерук ловко взобрался по мощному стволу вверх, цепляясь пальцами за шершавую кору.

Когда он добрался до корней, тянувшихся в воздух, словно пытаясь найти там пропитание, ему навстречу с бранью порхнули несколько фей, собиравших здесь, видно, материал для своих гнезд. Ну конечно, ведь уже осень, а значит, время позаботиться о теплом убежище. Весной синекотие феи строили гнезда без особого тщания, но стоило мелькнуть на деревьях первому желтому листу, как они принимались выстилать и утеплять их звериным мехом и птичьими перьями, вплетать в стены травинки и прутья, конопатить мхом и собственной слюной.

Две синие крохи не упорхнули, увидев его. Они с жадностью глядели на его русую шевелюру, а закат, сочившийся сквозь листву, окрашивал их крылья красным.

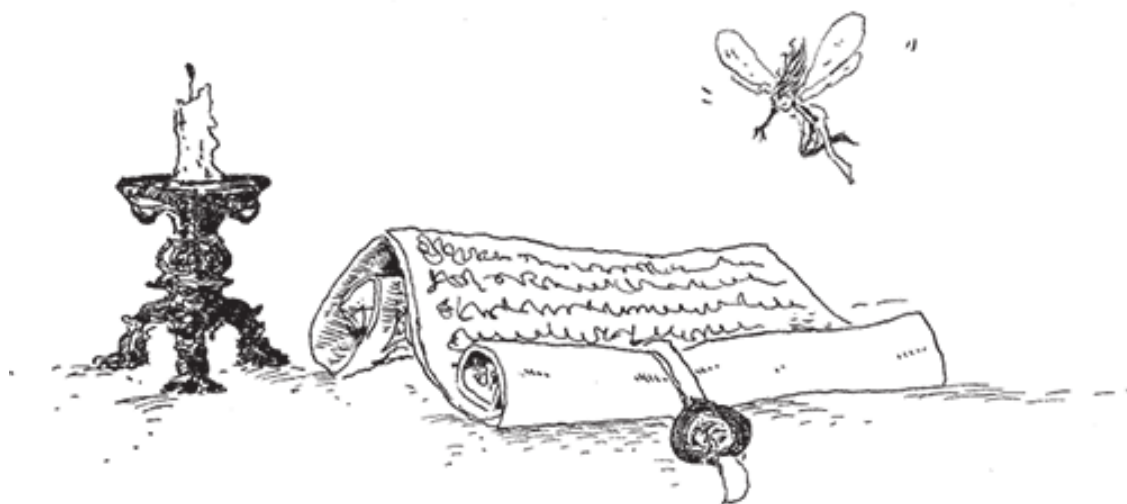
– Ну конечно! – Сажерук тихонько засмеялся. – По-вашему, мои волосы вам бы оченьгодились для гнезда!

Он отрезал ножом прядку и протянул феям. Сначала одна ухватила несколько волосков тонкими, как у жука, ручками, потом ее примеру последовала вторая, до того крошечная, что она, наверное, только что вылупилась из перламутрового яйца. Ах, как же он соскучился по этим нахальным синим крохам!

Внизу под деревьями уже стемнело, хотя макушки еще краснели в лучах заходящего солнца, как листья щавеля на летнем лугу. Скоро феи уснут в своих гнездах, мыши и кролики – в своих норах, ящерицы застынут в прохладе ночи, а хищные звери выйдут на охоту, и глаза их засветятся во мраке ночи, как желтые фонарики. «Будем надеяться, что им не захочется закусить огнеглотателем», – думал Сажерук, вытягиваясь на опрокинутом стволе. Он воткнул нож рядом с собой в сухую кору, набросил на плечи накидку, которую не носил десять лет, и посмотрел вверх, на быстро темнеющие листья. С одного из дубов вспорхнула сова и бесшумно полетела прочь, словно тень, едва различимая среди ветвей. Когда день угас, дерево прошептало во сне слова, невнятные для людских ушей.

Сажерук закрыл глаза и прислушался.

Он снова был дома.

Дочь Волшебного Языка

Может быть, на самом деле существует лишь один-единственный мир, которому как будто снятся остальные?

Филип Пулман.

*Чудесный нож*³

Мегги очень не любила ссориться с Мо. У нее потом все тряслось внутри, и ничто не могло ее утешить: ни ласки матери, ни лакричные леденцы, которые совала ей Элино́р, если повышенные голоса отца и дочери проникали к ней в библиотеку, ни Дариус, веривший в таких случаях в благотворное действие горячего молока с медом.

Ничто.

На этот раз все было особенно скверно, потому что Мо зашел к ней попрощаться. Его ждал новый заказ – больные книги, слишком древние и ценные, чтобы можно было послать их к переплетчику. Раньше Мегги всегда ездила с ним, но на этот раз она решила остаться с матерью и Элино́р.

Ну почему он зашел к ней в комнату как раз в тот момент, когда она опять читала свои блокноты с записями?

Они часто ссорились в последнее время из-за этих блокнотов, хотя Мо так же не любил ссориться, как она. Обычно он исчезал после этого в мастерской, которую Элино́р распорядилась построить для него за домом, и, когда Мегги не могла больше на него сердиться, она отправлялась туда вслед за ним. Отец не поднимал головы от работы, когда она проскальзывала в дверь, и Мегги молча садилась рядом с ним на всегда ожидавшийся ее стул и смотрела, как он работает. Так она делала еще тогда, когда и читать-то не умела. Она любила наблюдать, как руки Мо освобождают книгу от растрепавшегося платья, отделяют друг от друга покрытые пятнами страницы, распутывают нити, скрепляющие попорченную тетрадь, или размачивают старинную переплетную бумагу, чтобы заклеить разорванную страницу. Вскоре Мо оборачивался и спрашивал у нее что-нибудь: нравится ли ей цвет, который он выбрал для льняного переплета, или не слишком ли темной получилась бумажная кашица, которую он заварил, чтобы латать поврежденные места. Такой уж был у него способ просить прощения. Это значило: не будем больше ссориться, Мегги, забудем, что мы друг другу наговорили...

Но сегодня так не получится. Мо ведь ушел не в мастерскую – он уехал к какому-то коллекционеру, чтобы продлить жизнь его печатным сокровищам. На этот раз он не придет к ней вечером с примирительным подарком – книжкой, откопанной у букиниста, или закладкой, украшенной перышками сойки, которые он подобрал в саду Элино́р...

Ну почему она не читала что-нибудь другое в ту минуту, когда он вошел?

– О Господи, Мегги, ты уже вообще ни о чем не думаешь, кроме этих блокнотов! – возмутился отец, как всегда в последнее время, когда заставлял ее так – лежащей на ковре посреди комнаты. В такие минуты Мегги ничего не замечала вокруг себя, уткнувшись в страницы, на которых она записала рассказы Резы о пережитом «там», как с горечью называл это Мо.

Там.

Чернильным миром называла Мегги то место, о котором Мо нередко говорил с раздражением, а мать – с тоской... Чернильный мир – по книге, рассказывавшей о нем: «Чернильное сердце». Книги больше не было, но мать помнила все так живо, словно дня еще не прошло с тех пор, как она была там – в том мире из бумаги и типографской краски, где встречались феи и князья, русалки, огненные феи и деревья, достававшие, казалось, до самого неба.

³ Перевод В. Бабкова.

Несчетное число дней и ночей просидела Мегги рядом с Резой, записывая то, что мать рассказывала ей на пальцах. Голос Резы так и остался в Чернильном мире, и потому она рассказывала о нем дочери то жестами, то с помощью карандаша и бумаги – о страшных и чудесных годах, как она это называла. Иногда она рисовала то, что видела собственными глазами, но не могла теперь описать вслух – фей, птиц, невиданные цветы. Всего лишь несколько линий на листе бумаги, и все же они получались такими живыми, что Мегги казалось, будто она видела все это своими глазами.

Сначала Мо сам делал переплеты для блокнотов, куда Мегги записывала воспоминания Резы, – один красивее другого. Но со временем Мегги заметила, как озабоченно он на нее смотрит, когда она листает свои записи, полностью погружившись в слова и рисунки. Конечно, она понимала, что Мо это, наверное, неприятно, ведь его жена на долгие годы потерялась в мире из букв и бумаги. Как же могло ему понравиться, что теперь его дочь ни о чем другом не может думать? Да, Мегги отлично понимала, что творится с отцом, и все же никак не могла сделать то, чего он хотел, – отложить блокноты и на время забыть о Чернильном мире.

Может быть, она бы меньше тосковала по нему, если бы феи, кобольды и прочие странные существа, вывезенные из проклятой деревни Каприкорна, по-прежнему жили в саду у Элинора. Но там уже никого не осталось. К деревьям еще лепились пустые гнезда фей, еще не обвалились выкопанные кобольдами норы, но обитатели их исчезли. Элинор подумала было, что они сбежали или похищены, но потом увидела пепел. Мелкий, как пыль, серый пепел покрывал траву в саду – серый, как Призрак, из которого вышли когда-то необычные гости Элинора. И Мегги поняла, что возврата из смерти нет, даже для существ, рожденных лишь словом.

Но Элинор не могла примириться с этой мыслью. Охваченная упрямым отчаянием, она поехала назад в деревню Каприкорна и нашла там пустые улицы, сожженные дома и ни одной живой души.

– Знаешь, Элинор, – сказала ей Мегги, когда тетушка вернулась вся в слезах, – я с самого начала боялась, что так будет. Я никогда не могла до конца поверить, что есть слова, воскрешающие мертвых. И потом – признаемся честно – они не годились для этого мира.

– Я тоже для него не гожусь, – только и сказала Элинор.

В следующие недели Мегги, проскальзывая вечером в библиотеку, нередко слышала всхлипы из комнаты Элинора. С тех пор прошло много месяцев, почти целый год провели они все вместе в просторном доме, и Элинор – так казалось Мегги – рада была, что не живет больше наедине со своими книгами. Она предоставила им лучшие комнаты (для этого коллекции старых учебников и собрания нескольких писателей, которых она разлюбила, пришлось переселить на чердак). Мегги видела из своего окна покрытые снегом вершины гор, а спальня родителей выходила на озеро, над мерцающей гладью которого так часто порхали феи.

Никогда еще Мо не уезжал так, как сегодня, – не сказав ни слова на прощание, не помирившись...

«Надо, наверное, пойти вниз и помочь Дариусу в библиотеке», – подумала Мегги, утирая слезы с лица. Она никогда не плакала, когда спорила с Мо, слезы приходили потом... А он, увидев заплаканные глаза дочери, всякий раз заглядывал в них со страшно виноватым видом.

Конечно, все опять слышали, как они ссорятся. Дариус, наверное, уже поставил на плиту кастрюльку с молоком, а Элинор, как только Мегги появится в дверях кухни, примется ругать Мо и мужчин вообще. Нет уж, лучше она останется у себя.

Ах, Мо! Он вырвал у нее из рук блокнот и унес с собой. Как нарочно, тот самый блокнот, куда она записывала замыслы собственных историй, первые строки, всегда остававшиеся без продолжения, вступительные слова, зачеркнутые фразы, все свои напрасные попытки... Ну как он мог взять и отобрать у нее блокнот? Ей не хотелось, чтобы Мо заглянул туда и увидел, как беспомощно и неуклюже пытается она выстраивать собственные слова, хотя чужие лились у нее с языка таким стремительным и мощным потоком... Да, Мегги умела записывать то,

о чем рассказывала мать, она заполняла несметные страницы повествованиями Резы. Но, когда она пыталась сочинить что-нибудь новое, какую-нибудь свою историю, ей просто ничего не приходило в голову. Слова вдруг пропадали у нее из головы, как снежинки, от которых остается только мокрое пятно на ладони, стоит протянуть за ними руку.

В дверь постучали.

– Да! – буркнула Мегги, роясь по карманам в поисках подаренного Элинон старомодного носового платка. («Это платки моей сестры. Ее имя начиналось на «М», как у тебя. Видишь, в уголке вышито «М»? Я решила, пусть они лучше будут у тебя, чем их моль съест».)

В дверях показалась ее мать.

Мегги попыталась улыбнуться, но у нее ничего не вышло.

– Можно к тебе? – Пальцы Резы чертили слова в воздухе быстрее, чем Дариус шевелил языком и губами.

Мегги кивнула. Она понимала язык знаков, которым пользовалась мать, не хуже, чем буквы алфавита, лучше, чем Мо и Дариус, и намного лучше, чем Элинон, которая порой, если пальцы Резы говорили слишком быстро, в отчаянии звала на помощь Мегги.

Реза закрыла за собой дверь и присела к ней на подоконник. Мегги всегда называла мать по имени, может быть, потому, что десять лет у нее не было матери, а может быть, по той же необъяснимой причине, по которой отец всегда был для нее Мо.

Мегги сразу узнала блокнот, который Реза положила ей на колени. Тот самый, который Мо вырвал у нее из рук.

– Он лежал у тебя под дверью, – сказали пальцы матери.

Мегги погладила узорчатую обложку. Значит, Мо принес его обратно. Но почему же он не зашел? Потому что все еще сердился или потому, что ему было стыдно?

– Он хочет, чтобы я отправила эти блокноты на чердак. Хотя бы на время. – Мегги вдруг почувствовала себя такой маленькой и в то же время такой старой. – «Может, мне превратиться в стеклянного человечка? – сказал он. – Или выкраситься в синий цвет? Раз моей жене и дочери феи и стеклянные человечки, судя по всему, намного нужнее, чем я».

Реза улыбнулась и погладила ее пальцем по носу.

– Да, я понимаю, что он на самом деле так не думает! Но он так сердится каждый раз, как видит меня с этими блокнотами...

Реза посмотрела через открытое окно в сад. Он был такой большой, что не видно было ни начала, ни конца – только высокие деревья и старые кусты рододендрона, окружавшие дом Элинон вечнозеленой стеной. Прямо под окном Мегги тянулся небольшой газон, окаймленный узкой гравийной дорожкой. На краю его стояла скамейка. Мегги хорошо помнила ту ночь, когда, сидя на ней, смотрела огненное представление Сажерука.

Ворчливый садовник Элинон только что убрал с газона жухлую листву. Посередине еще виднелось выжженное пятно на том месте, где молодчики Каприкорна сожгли лучшие книги Элинон. Садовник все уговаривал ее посадить там что-нибудь или посеять новый газон, но хозяйка всякий раз только энергично встряхивала головой.

– С каких это пор на могилах разбивают газоны? – сердито ответила она ему недавно и велела к тому же не трогать тысячелистник, пышно разросшийся с того времени по краям выгоревшей земли, словно желая плоскими зонтиками своих цветов увековечить память той ночи, когда погибли в пламени бумажные дети Элинон.

Солнце закатилось за горы, полыхнув такой яркой краснотой, будто и оно хотело напомнить о давнем пожаре, и в окно повеял холодный ветер, от которого Реза вздрогнула.

Мегги закрыла окно. Ветер прибил к стеклу несколько увядших лепестков розы, бледно-желтых, почти прозрачных.

– Я не хочу с ним ссориться, – прошептала она. – Я раньше никогда не ссорилась с Мо, ну почти никогда...

– Может, он и прав.

Реза откинула волосы со лба. Они были такие же длинные, как у Мегги, только темнее, словно их окутала тень. Обычно она закалывала их наверх, и Мегги теперь часто делала такую же прическу. Иногда ей казалось, что из зеркала в платяном шкафу на нее глядит не собственное отражение, а помолодевшее лицо матери.

– Еще годик, и она тебя перерастет, – говаривал Мо, когда хотел поддразнить Резу, а близорукому Дариусу уже не раз случалось путать Мегги с матерью.

Реза провела пальцем по стеклу, словно обводя прилипшие к нему лепестки. Потом пальцы ее снова заговорили, медленно и неуверенно, как это бывает порой и с губами.

– Я понимаю твоего отца, Мегги, – сказали они. – Мне тоже иногда кажется, что мы с тобой слишком много говорим о том мире. Мне самой странно, что я снова и снова к нему возвращаюсь. И все время рассказываю тебе о том, что там было хорошего, вместо того чтобы вспомнить о других вещах: о сидении взаперти, о наказаниях Мортолы, о том, как у меня болели от работы колени и руки – так болели, что я не могла спать по ночам... Рассказывала я тебе когда-нибудь о служанке, которая умерла от страха, потому что к нам в комнату забрался бужан?

– Да, рассказывала.

Мегги крепче прижалась к ней, но пальцы матери молчали. Они все еще были грубыми от всех тех лет, что она пробыла прислужгой, сначала у Мортолы, потом у Каприкорна.

– Ты мне все рассказывала, – сказала Мегги, – и плохое тоже, но Мо не хочет этому верить.

– Потому что он чувствует, что мы все равно по-прежнему мечтаем о чудесах. Как будто мало мне их было. – Реза покачала головой. Ее пальцы снова надолго замолчали, прежде чем продолжить: – Мне приходилось урывать время, секунды, минуты, порой драгоценный час, когда нас выпускали в лес собирать травы, нужные Мортале для ее страшного питья...

– Но ведь были и годы, когда ты была свободна! Когда ты, переодетая, работала писцом на рынках. Переодетая мужчиной...

Мегги часто воображала себе эту картину: мама с короткими волосами, в темном костюме писца, с чернильными пятнами на пальцах и самым красивым почерком, какой только можно отыскать в Чернильном мире. Так ей рассказывала Реза. Таким образом она зарабатывала себе на хлеб в том мире, где это было для женщин нелегко. Мегги с удовольствием послушала бы сейчас эту историю еще раз, несмотря на печальный конец – ведь после этого начались дурные годы. Но разве и там не случалось хорошего? Например, большой праздник в замке Жирного Герцога, куда Мортала прихватила и своих служанок и где Реза видела и Жирного Герцога, и Черного Принца с его медведем, и канатоходца, Небесного Плясуна...

Но Реза пришла не за тем, чтобы снова рассказывать все это. Она молчала. И когда ее пальцы опять заговорили, они двигались медленнее обычного.

– Забудь Чернильный мир, Мегги, – сказала она. – Забудем его вместе, хотя бы на время. Ради твоего отца... и ради тебя самой. Иначе ты в конце концов окажешься слепой к красоте, которая окружает тебя здесь. – Она снова взглянула за окно, в сгущающиеся сумерки. – Я ведь все тебе рассказала, все, о чем ты спрашивала.

Да, это правда. Мегги спрашивала о тысяче тысяч вещей: а великана ты когда-нибудь видела? А какие у тебя были платья? А какая она была, эта крепость в лесу, куда тебя возила Мортала, и герцог, этот Жирный Герцог – что, замок у него такой же огромный и великолепный, как Дворец Ночи? Расскажи мне о его сыне, Козимо Прекрасном, и о Змееглаве и его латниках. У него во дворце правда все из серебра? А медведь, которого всегда держит при себе Черный Принц, – он большой? А деревья что, правда умеют говорить? А та старуха, которую они все зовут Крапивой? Правда, что она умеет летать?

Реза старательно отвечала на все ее вопросы, но даже из тысячи ответов не соберешь десять лет, а кое о чем Мегги и не спрашивала. Например, она ни разу не спросила о Сажеруке. И все же Реза рассказывала о нем: о том, что в Чернильном мире его имя знал всякий, даже спустя много лет после его исчезновения, что его называли огненным жонглером и что Реза поэтому сразу его узнала, когда впервые встретилась с ним в этом мире...

Был еще один вопрос, которого Мегги не задавала, хотя он ее нередко мучил, – Реза все равно не могла бы на него ответить. Каково живется там Фенолио, автору книги, засосавшей в свои страницы сначала ее мать, а потом и самого своего создателя?

Прошло уже больше года с тех пор, как голос Мегги обволок Фенолио им же написанными словами, – и он исчез, точно слова пожрали его. Иногда Мегги видела во сне его морщинистое лицо, но никогда не могла понять, веселое или печальное у него выражение. Впрочем, по черепашной физиономии Фенолио это и раньше нелегко было установить. Однажды ночью, проснувшись в страхе от такого сна и не в силах больше заснуть, она начала сочинять в своем блокноте историю о том, как Фенолио там пишет книгу, которая вернет его домой, к внукам, в ту деревню, где Мегги впервые его увидела. Но дальше трех первых предложений дело не пошло, как и со всеми историями, которые она начинала.

Мегги полистала блокнот, который отобрал у нее Мо, и снова захлопнула его.

Реза приподняла ладонью ее подбородок и заглянула дочери в глаза:

– Не сердись на него.

– Я никогда на него долго не сержусь! И он это знает. На сколько он уехал?

– Дней на десять, может быть, немного дольше.

Десять дней! Мегги посмотрела на полку у своей кровати. Вот они стоят аккуратным рядом, «плохие книжки», как она теперь называла их про себя, наполненные историями Резы, стеклянными человечками, русалками, огненными эльфами, буканами, белыми женщинами и прочими странными существами, которых описывала ей мать.

– Ну что поделаешь. Я ему позвоню. Скажу, чтобы он сделал для них сундук, когда придет. Но ключ останется у меня.

Реза поцеловала ее в лоб и провела ладонью по блокноту на коленях у Мегги.

«Разве есть на свете человек, умеющий переплестать книги красивее, чем твой отец?» – спросили ее пальцы.

Мегги с улыбкой покачала головой:

– Нет, ни в этом мире, ни в любом другом.

Реза пошла вниз помочь Элиноর и Дариусу с ужином, а Мегги осталась сидеть у окна, глядя, как сад постепенно погружается в темноту. Когда по газону пробежала белочка, вытянув пушистый хвост, Мегги невольно вспомнила Гвина, ручную куницу Сажерука. Как странно, что она теперь понимает тоску, так часто читавшуюся на лице хозяина странной зверюшки.

Да, наверное, Мо прав. Она слишком много думала о мире Сажерука – слишком, слишком. Разве не читала она порой истории Резы вслух, хотя знала, как опасно может ее голос соединиться с буквами на бумаге? Разве не надеялась она втайне – если быть честной, честной до конца, как люди редко бывают, – что слова унесут ее с собой? Что сделал бы Мо, если бы узнал об этой надежде? Закопал бы ее блокноты в саду или бросил в озеро, как он иногда грозил бродячим кошкам, забредавшим к нему в мастерскую?

«Да. Я их запру подальше! – думала Мегги, пока на небе загорались первые звезды. – Как только Мо сделает для них сундук». Сундук, который Мо соорудил для ее любимых книг, был уже полон до краев. Он был красного цвета, красный, как мак, Мо недавно заново его покрасил. Сундук для блокнотов будет другого цвета, лучше всего зеленого, как Непроходимая Чаща, о которой так часто рассказывала Реза. И плащи у стражников во дворце Жирного Герцога тоже зеленые.

Мошка метнулась в окно, напомнив Мегги о синеккожих феях и о самой лучшей из историй Резы: как феи залечили лицо Сажерука, когда Баста исполосовал его ножом. Феи сделали это в благодарность за то, что Сажерук часто освобождал их сестер из проволочных клеток, куда их сажали злые люди, чтобы продать на рынке как амулет, приносящий счастье. Сажерук отправился тогда в самую глубь Непроходимой Чащи... Хватит!

Мегги прижалась лбом к холодному оконному стеклу.

Хватит.

«Я отнесу их все в кабинет Мо – сию же минуту, – подумала она. – А когда он вернется, я попрошу его переплести мне новый блокнот – для историй об этом мире». Она уже начинала такие: о саде Элинора, о ее библиотеке, о крепости внизу у озера. Там когда-то жили разбойники, Элинора рассказывала ей о них – на свой излюбленный манер. Ее истории были всегда полны таких кровавых подробностей, что Дариус застыл над стопкой неразложенных книг и его глаза за толстыми стеклами очков расширились от ужаса.

– Мегги, ужинать!

Голос Элинора гулко прокатился по лестнице. Он у нее был мощный. Громче гудка «Титаника», говаривал Мо.

Мегги соскочила с подоконника.

– Иду! – крикнула она, выбегая в коридор.

Потом метнулась обратно к себе в комнату, сняла с полки блокноты, один за другим, пока на руках у нее не оказалась высоченная стопка, и, с трудом удерживая их, потащила в кабинет Мо. Когда-то здесь была спальня Мегги, здесь она жила, когда они приехали к Элинора с Мо и Сажеруком, но из окна этой комнаты видна была только посыпанная гравием площадка перед домом, елки, большой каштан и зеленый «комби» Элинора, стоявший тут при любой погоде, поскольку Элинора придерживалась мнения, что, если баловать машины гаражами, они от этого только быстрее ржавеют. Когда Мегги решила поселиться у Элинора насовсем, ей захотелось комнату с окнами в сад. И поэтому теперь Мо, обложившись путеводителями и справочниками, возился со своими бумагами там, где спала Мегги в их первый приезд – когда она еще не побывала в деревне Каприкорна, когда у нее еще не было матери, когда она редко ссорилась с Мо...

– Мегги, ну где же ты?

В голосе Элинора слышалось нетерпение. В последнее время у нее часто болели ноги, но она не хотела идти к врачу. («Что туда ходить? – говорила она. – Таблеток от старости вроде пока не изобрели».)

– Иду! – крикнула Мегги, осторожно складывая блокноты на стол Мо.

Два блокнота выскользнули из стопки и чуть не опрокинули вазу с осенними цветами, которую Реза поставила перед окном. Мегги успела ее подхватить, пока вода не пролилась на счета и квитанции за бензин. Стоя у окна с вазой в руках, перепачканных цветочной пылью, она вдруг увидела на дороге между деревьями человеческую фигуру. Сердце у нее забило так сильно, что ваза все же выскользнула из рук.

Вот оно, доказательство: Мо был прав. «Мегги, выбрось из головы эти книги, а то скоро ты перестанешь отличать свои фантазии от действительности». Он это часто повторял, и вот пожалуйста. Ведь она как раз думала о Сажеруке, и теперь ей кажется, что там, в темноте, кто-то стоит, как в ту ночь, когда он так же неподвижно ждал перед их домом...

– Мегги, черт побери, сколько можно тебя звать? – Элинора запыхалась, поднимаясь по лестнице. – Что ты там застыла, как к земле приросла? Ты что, меня... Батюшки, кто это там?

– Ты его тоже видишь? – Мегги почувствовала такое облегчение, что чуть не бросилась Элинора на шею.

– Конечно.

Фигура шевельнулась и быстро побежала по светлому гравию. Она была босая.

– Да это же тот мальчишка! – Вид у Элинора был ошарашенный. – Который помог Пожирателю спичек украсть у твоего отца книгу. И у него хватило наглости сюда явиться! Он что, думает, я его пушу в дом? А может, и Огнеглот тоже тут?

Элинора озабоченно приникла к окну, но Мегги уже не было в комнате. Она вихрем сбежала по лестнице и понеслась к входной двери. Ее мать показалась из коридора, ведущего в кухню.

– Реза! – крикнула ей Мегги. – Реза, там Фарид! Фарид!

Фарид

*Он был упрям, как мул, хитер, как обезьяна, и проворен, как заяц.
Луи Перго. Война пуговиц*

Реза повела Фариду на кухню и для начала занялась его босыми ногами. На них было страшно смотреть – все изранено и стерто в кровь. Пока Реза промывала раны и наклеивала пластырь, Фарид начал рассказывать, с трудом ворочая языком от усталости.

Мегги очень старалась не глядеть на него во все глаза. Он был по-прежнему немного выше ее, хотя она сильно выросла с тех пор, как они виделись в последний раз... той ночью, когда он сбежал с Сажеруком и с книгой... Она никогда не забывала его лицо, как и тот день, когда Мо вычитал его из «Тысячи и одной ночи», его родной истории. Она никогда не встречала мальчика с такими красивыми, почти девичьими, глазами, черными, как и волосы, которые он носил теперь короче, чем тогда. От этого он выглядел старше. Фарид. Мегги чувствовала, как тает у нее на языке это имя, и поспешно отворачивалась, когда он поднимал на нее глаза.

Зато Элинор смотрела на мальчика в упор без всякого стеснения, тем же враждебным взглядом, каким встречала когда-то Сажерука, который сидел у нее за столом и кормил свою куницу хлебом и ветчиной. Фариду она даже не разрешила занести зверька в дом.

– Не дай бог, он сожрет хоть одну певчую птичку в моем саду! – сказала она, провожая глазами метнувшуюся прочь по светлому гравию куницу, и закрыла дверь на задвижку, как будто Гвин умел открывать запертые двери с такой же легкостью, как его хозяин.

Рассказывая, Фарид вертел в руках коробок спичек.

– Ты только посмотри! – прошипела Элинор в ухо Мегги. – Совсем как Пожиратель спичек! Тебе не кажется, что он стал на него похож?

Но Мегги не ответила. Она боялась упустить хоть слово из того, что рассказывал Фарид. Ей хотелось знать все о возвращении Сажерука, о новом чтеце и его адском псе, о фыркающем существе, которое было, наверное, одной из диких кошек Непроходимой Чащи, и о том, что кричал Баста вслед Фариду: «Беги-беги, я до тебя еще доберусь, слышишь? До тебя, до Огнеглотателя, до Волшебного Языка и его сильно умной дочки и до старика, который написал эту треклятую муть. Я убью вас всех! Одного за другим! Так же, как я сейчас убил зверя, вышедшего из книги!»

Пока Фарид рассказывал, Реза все посматривала на грязный измятый листок, который он положил на кухонный стол. Казалось, этот клочок бумаги ее пугает, как будто слова на нем могли и ее увести с собой – обратно в Чернильный мир. Когда Фарид рассказал об угрозе Басты, она обхватила Мегги и прижала к себе. А Дариус, все время сидевший молча рядом с Элинор, закрыл лицо руками.

Фарид не стал распространяться о том, как он добрался своими босыми, сбитыми в кровь ногами до дома Элинор. На расспросы Мегги он пробормотал что-то невнятное о грузовике, который его подвез. Рассказ его внезапно оборвался, будто запас слов вдруг иссяк, – и в большой кухне стало очень тихо.

Фарид привел с собой невидимого гостя. Страх.

– Дариус, поставь еще кофе! – распорядилась Элинор, мрачно глядя на накрытый стол с ужином, к которому никто не притронулся. – Этот уже в лед превратился.

Дариус, похожий на торопливую и старательную белочку в очках, бросился исполнять приказание, а Элинор посмотрела на Фариду так холодно, как будто он лично ответствен за дурные вести, которые принес. Мегги еще помнила, как пугал ее раньше этот взгляд. «Женщина с каменным взглядом», – называла она ее тогда про себя. Иногда это прозвище вспоминалось ей и теперь.

– Какая замечательная история! – сказала Элино́р, пока Реза помогала Дариусу.

Рассказ Фарида до того напугал беднягу, что он никак не мог насыпать в кофеварку кофе. Когда Реза мягко взяла у него из рук мерную ложку, он в третий раз пытался сосчитать, сколько порошка он уже засыпал в фильтр.

– Значит, Баста вернулся с новехоньким ножиком и, надо думать, полным ртом свежей мяты. Вот черт! – Элино́р любила чертыхнуться, когда что-то ее заботило или сердило. – Как будто мало того, что я каждую третью ночь просыпаюсь в холодном поту, потому что мне при-
снилась его мерзкая физиономия, не говоря уж о ноже. Ну ладно, попробуем сохранять спо-
койствие. Дело обстоит так: Баста знает, где я живу, но ищет он, судя по всему, только вас, а не
меня. Так что вы можете жить тут спокойно, как на лоне Авраамовом. Откуда ему, в конце
концов, знать, что вы поселились у меня?

Она торжествующе посмотрела на Резу и Мегги, словно найдя спасение от всех бед.

Однако ответ Мегги заставил ее тут же снова помрачнеть:

– Фарид ведь знал об этом.

– Действительно, – буркнула Элино́р, снова поворачиваясь к Фариду, – ты об этом знал.
Откуда?

Ее слова прозвучали так резко, что Фарид невольно втянул голову в плечи.

– Нам рассказала одна старуха, – сказал он смущенно. – Мы были еще раз в деревне,
после того как феи, которых унес с собой Сажерук, взяли и рассыпались пеплом. Он хотел
посмотреть, что случилось с теми, что остались. Деревня оказалась совершенно пуста, ни одной
живой души, даже бродячей собаки... Только пепел, всюду пепел. Тогда мы попытались раз-
узнать в соседней деревне, что же произошло и... В общем, нам рассказали, что толстая жен-
щина что-то говорила у них о мертвых феях и о том, что, к счастью, не умерли хотя бы люди,
которые сейчас у нее живут...

Элино́р пристыженно опустила глаза и провела пальцем по тарелке.

– Черт побери, – пробормотала она. – Я, видимо, слишком много болтала в той лавочке,
откуда вам звонила. У меня до того все смешалось в голове, когда я увидела эту пустую
деревню! Откуда ж мне было знать, что эти сплетницы расскажут обо мне Сажеруку? С каких
пор старухи вообще разговаривают с такими, как он?

«Или с такими, как Баста», – мысленно добавила Мегги.

Фарид только пожал плечами и заковылял по кухне на залепленных пластырем ногах.

– Сажерук и без того думал, что вы все тут. Мы даже один раз приходили сюда, потому
что он хотел узнать, как ей живется. – Он кивнул на Резу.

Элино́р презрительно фыркнула:

– Вот как? Очень мило с его стороны.

Она всегда недолюбливала Сажерука, а когда он украл у Мо книгу и исчез с ней, ее непри-
язнь к нему стала еще острее. Зато Реза улыбнулась на слова Фарида, хотя и попыталась скрыть
это от Элино́р. Мегги прекрасно помнила то утро, когда Дариус принес ее матери странный
маленький сверток, который он нашел перед входной дверью: свеча, несколько карандашей
и коробок спичек, перевитые голубыми незабудками. Мегги сразу догадалась, от кого это. Реза
тоже.

– Ну что ж, – сказала Элино́р, постукивая ручкой ножа по своей тарелке, – я рада,
что Пожиратель спичек отправился туда, где ему следует быть. Как подумаю, что он бродит
по ночам возле моего дома!.. Жаль только, что он не прихватил с собой Басту.

Баста. Когда Элино́р произнесла это имя, Реза вскочила со стула, выбежала в коридор
и вернулась с телефоном. Она протянула его Мегги и начала так возбужденно объяснять что-
то другой рукой, что даже Мегги не сразу поняла ее. Потом она догадалась: нужно позвонить
Мо. Ну конечно.

Он бесконечно долго не подходил к телефону. Наверное, сидел за работой. Когда Мо бывал в отлучке, он всегда работал до поздней ночи, чтобы поскорее вернуться домой.

– Мегги? – Голос у него был удивленный. Он, наверное, решил, что она звонит из-за их ссоры, но кому сейчас было дело до глупых ссор?

Довольно долго Мо ничего не мог понять из ее возбужденной скороговорки.

– Помедленнее, Мегги, – повторял он. – Помедленнее.

Легко сказать «помедленнее», когда сердце у тебя бьется в горле, а у садовой ограды уже, может быть, дожидается Баста. У Мегги не хватало смелости додумать эту мысль до конца.

Зато Мо принял известие на удивление спокойно – словно ждал, что прошлое снова настигнет их.

«Истории никогда не кончаются, Мегги, – сказал он ей однажды. – Хотя книжки любят делать вид, будто это не так. Истории продолжаются, они не заканчиваются на последней странице, как и начинаются не на первой».

– Элинон включила сигнализацию? – спросил он.

– Да.

– А в полицию она позвонила?

– Нет. Она говорит, что в полиции все равно ей не верят.

– И все же нужно туда позвонить и назвать приметы Басты. Вы ведь сумеете его описать?

Нашел о чем спрашивать! Мегги пыталась забыть лицо Басты, но оно, видимо, отпечата-лось в ее мозгу до конца дней с фотографической точностью.

– Слушай, Мегги! – Может быть, на самом деле Мо только делал вид, что спокоен. Голос его звучал непривычно. – Я выезжаю сегодня же. Скажи это Элинон и маме. Самое позднее завтра утром я буду дома. Задвиньте засов и держите окна закрытыми, ясно?

Мегги кивнула, забыв, что Мо не мог увидеть ее кивок по телефону.

– Мегги?

– Да, я поняла.

Она пыталась говорить спокойно и храбро, хотя чувствовала себя совсем иначе. Ей было страшно, очень страшно.

– До завтра, Мегги!

По его голосу она поняла: он выезжает сию минуту. Мегги представила себе ночное шоссе, и вдруг ей пришла новая страшная мысль.

– А ты? – с трудом проговорила она. – Мо! А если Баста поджидает тебя где-нибудь на дороге?

Но отец уже повесил трубку.

Элинон решила разместить Фарида там, где спал когда-то Сажерук: в комнатке под самой крышей, где ящики с книгами громоздились вокруг узкой кровати на такую высоту, что каждому, кто там спал, снилась обрушивающаяся на него гора печатной бумаги. Мегги было поручено проводить Фарида в его комнату. На ее «спокойной ночи» он только кивнул с отсутствующим видом. Он выглядел сейчас таким же потеряннным, как в тот день, когда Мо вычитал на кухню Каприкорна его – безымянного худого мальчишку в тюрбане на черных волосах.

Прежде чем лечь спать, Элинон еще несколько раз проверяла, включена ли сигнализация. А Дариус взял старый дробовик, из которого Элинон иногда палила в воздух, заведя у птичьего гнезда в своем саду бродячую кошку, и уселся с ним перед входной дверью в широченном оранжевом халате, подаренном Элинон к прошлому Рождеству. Он уставился на дверь с видом полной боевой готовности, но, когда Элинон во второй раз вышла проверить сигнализацию, ее помощник уже крепко и безмятежно спал.

Мегги долго не ложилась. Она посмотрела на стеллаж, где стояли раньше ее блокноты, провела рукой по пустым полкам и наконец опустилась на колени перед красным сундуком, который Мо в незапамятные времена соорудил для ее любимых книжек. Уже много месяцев

она его не открывала. Туда уже не влезало ни одной новой книги, и возить сундук с собой тоже стало невозможно – слишком он был тяжелый. Поэтому Элино́р подарила ей для новых любимых книг целый книжный шкаф. Он стоял рядом с кроватью Мегги, застекленный, украшенный резным орнаментом из листьев, так что темное дерево, казалось, не желало забывать, что было когда-то живым. Но и полки за стеклянными дверцами были уже битком набиты – ведь теперь книги Мегги дарил не только Мо, но и Реза, и Элино́р. Даже Дариус время от времени притаскивал ей что-нибудь. А старые друзья – книги, принадлежавшие Мегги до того, как она поселилась у Элино́р, – продолжали жить в сундуке, и, когда она откинула тяжелую крышку, ей показалось, что оттуда раздались почти забытые голоса, глянули знакомые лица. До чего они все зачитаны... «Правда странно, что, если книжку прочитать несколько раз, она становится намного толще? – сказал Мо, когда они в последний день рождения Мегги вместе рассматривали эти ее старинные сокровища в сундуке. – Как будто при каждом чтении что-то остается между страницами: чувства, мысли, звуки, запахи... И когда ты много лет спустя снова листаешь книгу, то находишь там себя самого – немного младше, немного не такого, как теперь, будто книга сохранила тебя между страницами, как засушенный цветок, – и знакомого и чужого одновременно».

Немного младше, верно. Мегги взяла одну из лежавших сверху книг. Она прочла ее раз десять, если не больше. Там была одна сцена, которая в восемь лет ей особенно нравилась, а в десять лет она отчеркнула это место на полях красным карандашом – в знак восхищения. Она провела пальцем по кривой черте – тогда еще не было Резы, не было ни Элино́р, ни Дариуса, только Мо... Не было тоски по синим феям, воспоминаний о покрытом шрамами лице, о рогатой кунце, о босоногом мальчике, о Басте и его ноже. Другая Мегги читала эту книжку, совсем другая... и она осталась между страницами, сохраненная там, как памятная вещица.

Мегги вздохнула, закрыла книгу и положила обратно. За стеной слышались шаги матери, ходившей взад-вперед по комнате. Наверное, она, как и Мегги, все время думает о той угрозе, которую прокричал Баста вслед Фариду. «Надо пойти к ней, – подумала Мегги. – Вместе будет не так страшно». Но в ту минуту, как она поднялась, шаги смолкли и в соседней комнате стало тихо-тихо, как во сне. Пожалуй, уснуть было бы неплохо. Мо не придет быстрее оттого, что Мегги не станет спать, дожидаясь его. Если бы можно было ему позвонить – но он вечно забывал в дороге включить мобильный телефон.

Мегги тихонько закрыла крышку сундука, словно опасаясь разбудить стуком Резу, и задула свечи, которые зажигала каждый вечер, хотя Элино́р ей это запрещала. Только она стянула с себя футболку, как кто-то тихонько постучал в дверь. Она открыла, уверенная, что там мама, которой все же не удалось заснуть. Но это был Фарид, залившийся краской до ушей, когда увидел ее в одной нижней майке. Он пробормотал «извини» и, прежде чем Мегги успела ответить, поковылял прочь на своих израненных ногах. Она снова натянула футболку и побежала за ним.

– Что случилось? – испуганно прошептала она. – Ты что-то услышал внизу?

Фарид покачал головой. В руке он держал листок бумаги, обратный билет Сажерука, как ехидно назвала его Элино́р. Мальчик нерешительно зашел вслед за Мегги в ее комнату и огляделся там как человек, не привычный к замкнутому пространству. Наверное, с тех пор как он исчез вместе с Сажеруком, ему приходилось в основном ночевать под открытым небом.

– Извини, пожалуйста, – пробормотал он, глядя на свои босые ноги, на которых отклеились два пластыря. – Уже поздно, но... – Он в первый раз посмотрел Мегги в глаза и снова покраснел. – Орфей сказал, что прочитал не все, что здесь написано. Те слова, которые отправили бы туда и меня, он просто пропустил. Он это сделал нарочно, но я все же должен предупредить Сажерука, и поэтому...

– Что «поэтому»?

Мегги подвинула ему стул, стоявший у письменного стола, а сама села на подоконник. Фарид опустился на стул так же нерешительно, как входил в комнату.

– Ты должна вчитать туда и меня, прошу тебя!

Он снова протянул ей испачканный листок, и его черные глаза смотрели при этом так умоляюще, что Мегги невольно отвела глаза.

– Ну пожалуйста! Ты можешь, я знаю! – бормотал он. – Тогда... той ночью в деревне Каприкорна... я хорошо помню, у тебя был такой же листочек, и больше ничего...

Той ночью в деревне Каприкорна. У Мегги и теперь начинает бешено колотиться сердце, стоит ей подумать о ночи, которую имел в виду Фарид, – той ночи, когда она вычитала Призрака и все же не решалась заставить его убить Каприкорна, пока Мо не сделал это за нее.

– Орфей написал эти слова, он сам мне говорил! Он просто не стал их читать, но они тут, на этом листке! Конечно, моего имени здесь нет, потому что иначе бы ничего не получилось. – Бормотание Фариды становилось все быстрее. – Орфей сказал, что в этом весь секрет: можно использовать только те слова, которые есть в той книжке, которую хочешь изменить.

– Он так сказал? – Сердце у Мегги на секунду замерло, словно запнувшись о слова Фариды.

«Можно использовать только те слова, которые есть в той книжке...» Так вот почему ей ничего, совсем ничего не удавалось вычитать из историй Резы: потому что она употребляла слова, которых не было в «Чернильном сердце»? Или все же только потому, что она не умеет толком писать?

– Да. Он воображает себя великим мастером чтения, этот Орфей. – Фарид выплюнул это имя, как сливовую косточку. – Хотя по мне, так ему далеко до тебя или твоего отца.

«Может быть, – подумала Мегги, – но Сажерук он вчитал обратно. И сам написал нужные слова. Этого ни Мо, ни я не умеем». Она взяла из рук Фариды исписанный Орфеем листок. Почерк нелегко было разобрать, хотя он был очень красивый, с необычными завитушками.

– На какой точно строчке исчез Сажерук?

Фарид пожал плечами.

– Не знаю, – смущенно признался он.

Конечно, как она могла забыть – он же не умеет читать. Мегги провела пальцем по первому предложению: «День, когда Сажерук вернулся, пах грибами и ягодами».

Она задумчиво опустила листок.

– Ничего не получится. У нас ведь даже книги нет. Что тут поделаешь без книги?

– Но Орфей же без нее обошелся! Сажерук отобрал у него книгу раньше, чем он стал читать этот листок!

Фарид оттолкнул стул и подошел к ней. Мегги смущалась, когда он стоял так близко, – ей не хотелось задумываться почему.

– Не может быть! – выдавила она.

Но Сажерук исчез. Несколько фраз, написанных от руки, открыли ему ту дверь между буквами, которую напрасно искал Мо. И эти фразы написал не Фенолио, автор книги, а другой человек... Человек со странным именем Орфей.

Мегги знала о том, что скрывается за буквами, больше, чем большинство людей. Она сама открывала двери, выманивала живые существа с пожелтелых страниц и видела своими глазами, как ее отец вычитал из арабской сказки мальчика, стоявшего сейчас рядом с ней. Но Орфей, похоже, знал об этом намного больше ее и даже больше, чем Мо, которого Фарид по-прежнему называл Волшебный Язык... Мегги вдруг начала бояться слов на грязном листке бумаги. Она положила его на стол, словно он жег ей пальцы.

– Пожалуйста! Ну попробуй, прошу тебя! – Голос Фариды звучал умоляюще. – Что, если Орфей уже вчитал Басту обратно? Сажерук должен знать, что эта парочка в сговоре! Он ведь думает, что в том мире Баста ему не страшен!

Мегги все еще смотрела на слова Орфея. Они звучали красиво, завораживающе красиво. Мегги захотелось почувствовать их на языке. Еще немного, и она начала бы читать вслух. Вдруг она испуганно зажала себе рот рукой.

Орфей.

Ну конечно, она знает это имя и ту историю, что обвивает его венцом из цветов и терний. Элинор подарила ей книгу, где об этом рассказывалось лучше всего.

«Тебя, о Орфей, оплакивают в печали птичьи стаи, и дикие звери, и неподвижный утес, и лес, так часто следовавший за твоей песней. Дерево сбрасывает листья, чтобы, обнажив голову, скорбеть о тебе».

Она вопросительно посмотрела на Фарида.

– Сколько ему лет?

– Орфею? – Фарид пожал плечами. – Лет двадцать – двадцать пять, наверное. Трудно сказать. У него совсем детское лицо.

Лет двадцать. Но слова на листке не были словами молодого человека. Они, похоже, многое знали.

– Пожалуйста! – Фарид не сводил с нее глаз. – Ты ведь попробуешь, да?

Мегги посмотрела в окно. Она вспомнила о пустых гнездах фей, об исчезнувших стеклянных человечках и о том, что ей когда-то давно сказал Сажерук: «Иногда рано поутру выйдешь умыться к колодцу, а над водой жужжат крошечные феи, чуть больше ваших стрекоз, синие, как лепестки фиалок. Они не очень-то приветливые, но по ночам мерцают, как светлячки».

– Хорошо, – сказала она.

Фарида показалось, что сейчас ему отвечает не Мегги, а кто-то другой.

– Хорошо, я попробую. Но сперва у тебя должны зажить ноги. В том мире, о котором рассказывала мне мама, хромоту делать нечего.

– Ерунда, все с моими ногами в порядке! – Фарид прошел взад-вперед по мягкому ковру, словно желая наглядно доказать это. – Попробуй прямо сейчас!

Мегги покачала головой.

– Нет! – решительно заявила она. – Я должна научиться хорошенько это читать. Почерк непростой, да еще листок весь в пятнах, поэтому мне, наверное, придется его переписать. Этот Орфей не солгал. Здесь действительно кое-что о тебе написано, но не знаю, достаточно ли. И потом... – прибавила она как можно небрежнее, – если уж я попытаюсь, я хочу пойти с тобой.

– Что?

– Ну да! А что такого? – Голос Мегги выдавал, несмотря на все ее старания, как обидел ее ужас в глазах Фарида.

Фарид промолчал.

Неужели он не понимает, что ей тоже хочется увидеть все это – то, о чем рассказывали ей с такой тоской Сажерук и мать: рои фей над полями, деревья, такие высокие, что облака, казалось, могут запутаться в их ветвях, Непроходимую Чашу, комедиантов, замок Жирного Герцога и серебряные башни Дворца Ночи, рынок в Омбре, танцующий огонь, шепчущие озера, откуда выглядывают личики русалок...

Нет, Фарид этого не понимал. Он, наверное, никогда не испытывал тоски по другому миру, как и тоски по дому, терзавшей сердце Сажерука. Фарид хотел только одного: попасть к Сажеруку, чтобы предупредить его об опасности и снова быть с ним рядом. Он был тенью Сажерука и только эту роль и хотел играть, все равно в какой истории.

– Брось! Тебе туда нельзя! – Не глядя на Мегги, он поковылял обратно к стулу, сел и принялся отковыривать пластырь, который так старательно наклеивала Реза. – Никто не может вчитать в книгу самого себя! Даже Орфей! Он сам рассказывал Сажеруку, что уже пытался несколько раз, но ничего не получается.

– Вот как? – Мегги старалась говорить уверенным тоном. – Но ты же сам сказал, что я читаю лучше, чем он. Может быть, у меня все же получится!

«Хотя писать, как он, я не умею», – добавила она про себя.

Фарид обеспокоенно посмотрел на нее и сунул пластырь в карман.

– Там опасно, – сказал он. – Особенно для де...

Он не договорил и снова уставился на свои израненные ноги.

Дурак. Мегги почувствовала на языке горький привкус ярости. Что он о себе воображает? Она, между прочим, намного больше знает о мире, куда он просится.

– Я знаю, что там опасно, – сказала она сухо. – И либо я отправлюсь туда, либо не стану читать. Подумай об этом. А теперь иди – мне надо сосредоточиться.

Фарид еще раз взглянул на листок со словами Орфея и направился к двери.

– Когда ты попробуешь? – спросил он на пороге. – Завтра?

– Может быть.

Мегги закрыла за ним дверь и осталась наедине с написанными Орфеем словами.

Привал комедиантов

*– Спасибо, – сказала Люси, открыла коробок и достала спичку. –
Внимание! – крикнула она, и ее голос подхватило гулкое эхо. – Внимание!
Прощайте навсегда, дурные воспоминания!*
Филип Ридли. Дакота Пинк

Сажерук целых два дня пробирался сквозь Непроходимую Чашу. Людей ему попало на встречу немного: несколько черных от сажи угольщиков, изможденный оборванец браконьер с двумя кроликами через плечо и целый отряд герцогских егерей, вооруженных до зубов, вероятно гонявшихся за каким-нибудь бедолагой, подстрелившим косулю, чтобы накормить детишек. Никто из них не заметил Сажерука. Он умел делаться невидимым и лишь на вторую ночь, услышав на соседнем холме завывание волчьей стаи, решился позвать на помощь огонь.

Огонь. Совсем иной в этом мире, чем в том, другом. Какое блаженство наконец вновь услышать его трескучий голос. И отвечать ему. Сажерук набрал немного сухого хвороста, в изобилии валявшегося под зарослями вороньего глаза и чабреца, развернул листья, сохранявшие влажным и мягким украденный у эльфов мед, и сунул в рот крошечный комочек. Как страшно ему было, когда он в первый раз пробовал этот мед! Он боялся тогда, что драгоценная добыча сожжет ему язык и он навсегда лишится дара речи. Однако страхи были напрасны. Мед обжигал язык, как горячий уголек, но боль потом быстро прошла, зато, вытерпев ее, можно было разговаривать с огнем, как с хорошим другом. Действия крошечного комочка хватало на пять-шесть месяцев, а порой и на год. Стоило прошептать несколько слов на языке огня, прищелкнуть пальцами – и язычки пламени уже с треском вырывались из сухого хвороста, да и из влажного, и даже из камня.

Сначала огонь лизал ветки медленнее обычного, словно забыл его голос и не мог до конца поверить, что Сажерук вернулся. Но потом пламя зашептало ему слова приветия, заплясало все радостнее, и вскоре ему уже пришлось обуздывать разыгравшиеся язычки, подражая их треску, и тогда огонь улегся, как дикая кошка, с мурлыканьем позволяющая бережно погладить себя по шерстке.

Пока огонь пожирал хворост и свет его отгонял волков, Сажерук невольно снова подумал о мальчике. Не перечать ночей, когда тот расспрашивал его о языке пламени, ведь Фарид знал огонь только немой и злобным.

– Подумать только, – пробормотал Сажерук себе под нос, согревая пальцы над сонными огоньками, – ты все еще по нему скучаешь!

И он был рад, что хотя бы куница осталась с мальчиком и охраняет его от духов, которые ему повсюду мерещатся.

Да, Сажерук скучал по Фариду. Но были и другие, по кому он скучал целых десять лет, так что сердце у него изныло от тоски. И поэтому шаги его становились все торопливее по мере того, как он приближался к опушке леса и к тому, что ждало за ней, – к миру людей. Да, в другом мире его терзала не только тоска по феям, стеклянным человечкам и русалкам. Были и люди, по которым он скучал, – не много, но тем сильнее томился он по этим немногим.

Как старался он забыть их с той ночи, когда пришел полумертвый от голода к дверям Волшебного Языка и тот объяснил ему, что пути назад нет... Да, в ту минуту он понял, что должен выбирать. «Забудь их, Сажерук! – Он все время твердил себе это. – Иначе ты сойдешь с ума оттого, что потерял их всех». Но сердце его не слушалось. Воспоминания, такие сладкие – и такие горькие... они грызли его все эти годы и в то же время поддерживали, пока не начали бледнеть, выцветать, расплываться, пока от них не осталась лишь боль, которую он старался

скорее заглушить, потому что она разрывала сердце. Какой толк вспоминать о том, что навсегда потеряно?

– Лучше и теперь не вспоминай, – сказал Сажерук сам себе.

Деревья вокруг становились тем временем все моложе, а кроны все реже. Десять лет – долгий срок, за это время можно многое утратить... и многих. Между деревьями все чаще мелькали хижины угольщиков, но Сажерук не показывался черным людям. За пределами Чащи о них отзывались с презрением, потому что угольщики селились в самых дебрях, куда остальные заходить не решались. Ремесленники, крестьяне, торговцы и князья – все нуждались в угле, но неприветливо встречали в своих городах и селах тех, кто жег его для них. Сажеруку угольщики нравились, они знали о лесе почти столько же, сколько он сам, хотя каждый день сызнова ссорились с деревьями. Нередко он сживал у их костров и слушал их истории, но сейчас, после стольких лет отсутствия, ему хотелось услышать другие рассказы – о том, что произошло за пределами леса. А для этого самым подходящим местом были придорожные трактиры.

Сажерук точно знал, какой из них ему нужен. Он стоял на северном краю леса, там, где среди деревьев начиналась дорога, уходившая, петляя, вверх, к холмам, мимо нескольких разбросанных крестьянских дворов, до самых ворот Омбры, городка, на крыши которого отбрасывал тень замок Жирного Герцога.

В трактирах у дорог всегда собирались комедианты. Здесь их нанимали купцы и богатые ремесленники для свадеб, похорон и домашних праздников по случаю благополучного возвращения из путешествия или рождения ребенка. За несколько монет фигляры обеспечивали музыку, грубые шутки и фокусы – отдых от невеселой повседневности. Если Сажерук хотел узнать обо всем, что случилось здесь за те годы, что его не было, лучше всего было поговорить с Пестрым Народом. Комедианты исполняли в этом мире роль газеты. Никто не знал обо всех его событиях больше, чем эти вечные скитальцы.

«Как знать? – думал Сажерук, выходя из лесу. – Если повезет, я могу даже встретить старых знакомых».

Дорога была скользкая и вся в лужах. Колеса повозок оставили на ней глубокие колеи, а в коровьих и конских следах собралась дождевая вода. В это время года дожди нередко шли целыми днями, как вчера, когда он рад был, что густые кроны Непроходимой Чащи сплетаются в лиственный полог и не дают промокнуть до костей. Ночь была холодная, платье на нем заволгло, хотя он спал у огня, и Сажерук радовался, что погода сейчас ясная – по небу над холмами плыло лишь несколько облачных ключев.

К счастью, в карманах своей старой одежды он нашел несколько монет. Будем надеяться, что их хватит на тарелку-другую горячей похлебки. Из другого мира Сажерук не взял с собой ничего. Что бы он стал делать с разрисованными бумажками, которые считались там деньгами, здесь, где в уплату принимали только золото, серебро и звонкую медь, лучше всего с отчеканенным портретом какого-нибудь могущественного владыки? Когда монетки закончатся, ему придется поскорее идти выступать на рыночной площади в Омбре или еще где-нибудь.

Трактир, куда он зашел, не сильно изменился за все эти годы, не стал ни лучше, ни хуже. У него был такой же обшарпанный вид, те же маленькие оконца, точнее, просто дыры в серых каменных стенах. В том мире, где он жил еще три дня назад, на такой грязный порог не ступил бы, наверное, ни один посетитель. Но здесь этот постоялый двор был последним пристанищем перед чащей, последней возможностью получить горячий обед и сухое ложе, защищенное от росы и дождя... «А пару вшей и клопов на дорогу здесь дают бесплатно!» – думал Сажерук, открывая дверь.

В помещении было так темно, что его глаза должны были сначала привыкнуть к полумраку. Другой мир испортил их своим ярким светом и огнями, даже ночь превращавшими в день. Глаза привыкли к тому, что все ясно видно, что свет можно включать, выключать и распоряжаться им как хочешь. Но им придется снова освоиться с миром теней, полумрака и длин-

ных черных, как сажа, ночей и с домами, куда часто вовсе не впускали солнце, потому что от него слишком жарко.

Помещение освещали лишь скудные солнечные лучи, узкими полосами проникавшие сквозь маленькие окна. Пыль плясала в них, как рой крошечных фей. В камине пылал огонь под черным помятым котлом. Запах, идущий оттуда, не соблазнял даже сильно проголодавшегося Сажерука, но он ничего другого и не ждал. В этом трактире еще не бывало хозяина, умеющего стряпать. Человек тридцать посетителей сидели в полумраке на грубо сколоченных скамьях, курия, негромко беседуя, выпивая.

Сажерук присмотрел свободное местечко и сел. Он незаметно оглядел присутствующих – не мелькнет ли знакомое лицо и пестрый наряд, какой носят только актеры. У окна сидел лютнист, договариваясь о чем-то с человеком, одетым значительно лучше, – наверное, богатым купцом. Конечно, бедный крестьянин не мог нанять себе комедианта на праздник. Если он хотел, чтобы у него на свадьбе звучала музыка, приходилось ему самому браться за дешевую скрипку. Даже двух жалких лабухов, сидевших у окна, он не смог бы оплатить. За соседним столиком шумно ссорилась группа актеров – кажется, из-за лучшей роли в новой пьесе. Один из них так и не снял маску, в которой выступал на рыночной площади, и казался среди людей чужим, как кобольд. Впрочем, все они были чужими – певцы, танцоры, исполнители грубых фарсов на деревянных подмостках и огнеглотатели. То же относилось к их обычным спутникам – бродячим цирюльникам, костоправам, мастерам чудесных исцелений и извлечения камней глупости, – для которых комедианты собирали публику.

Юные и старые, счастливые и печальные лица – каких только не было в заполненном клубами дыма зале, но ни одно не показалось Сажеруку знакомым. Он тоже чувствовал на себе любопытные взгляды, но это было ему привычно. Шрамы на его лице всегда притягивали взоры, а наряд огнеглотателя, черный, как сажа, и красный, как огонь, покорный ему и пугающий других, тоже привлекал внимание. На секунду он почувствовал себя странно чужим в этой привычной толпе, как будто на нем явно проступали следы другого мира, следы долгих лет, прошедших с тех пор, как Волшебный Язык вытащил его из его истории и украл его жизнь, совсем не нарочно, – так порой случается, неосторожно ступив, раздавить на дороге домик улитки.

– Гляди-ка!

На его плечо легла тяжелая рука, седовласый, круглолицый человек наклонился и заглянул ему в лицо. Он так нетвердо держался на ногах, что Сажерук подумал сперва, что это пьяный.

– Ну уж это-то лицо я знаю, – не веря своим глазам, проговорил седовласый, сжимая плечо Сажерука так крепко, словно хотел убедиться, что перед ним действительно существо из плоти и крови. – Откуда ты взялся, пожиратель огня, уж не прямой ли дорогой из царства мертвых? Что случилось? Не иначе феи снова пробудили тебя к жизни? Они ведь всегда тебя обожали, эти синие чертенята.

Несколько голов обернулись к ним, но кругом стоял такой шум, что мало кто заметил, что происходит.

– Небесный Плясун! – Сажерук поднялся и обнял товарища. – Как поживаешь?

– Я уж думал, ты меня позабыл. – Небесный Плясун широко улыбнулся, обнажая желтые зубы.

Нет, конечно, Сажерук не забыл его – хотя и пытался, как и всех остальных, по кому тосковал. Небесный Плясун – лучший канатоходец, когда-либо танцевавший между крышами. Сажерук сразу узнал его, несмотря на седые волосы и на то, как странно он приволакивал негнущуюся левую ногу.

– Пошли, это надо отметить. Не каждый день снова встречаешь умершего друга.

Он потащил Сажерука за собой на скамью у окна, куда падал солнечный свет. Подозвав девочку, помешивавшую варево в котле, он заказал два бокала вина. Малютка несколько секунд завороченно смотрела на шрамы Сажерука, потом бросилась к стойке, из-за которой толстяк с печальными глазами внимательно оглядывал своих посетителей.

– Ты отлично выглядишь, – заметил Небесный Плясун. – Не отошал, не поседел, одежда не истрепана. Похоже, даже зубы у тебя все целы. Где ты пропадал? Может, мне тоже стоит туда отправиться – видно, там неплохо живется?

– Даже не думай. Здесь лучше. – Сажерук откинул волосы со лба и огляделся. – Хватит обо мне. Расскажи, как твои дела. У тебя есть чем заплатить за вино, но волосы поседели, и левая нога...

– Да, нога.

Девочка принесла вино. Пока Небесный Плясун рылся в кошельке, доставая монету, она снова с таким любопытством уставилась на Сажерука, что он потерял кончики пальцев и прошептал несколько слов на языке огня, потом выставил указательный палец, улыбнулся ей и легонько подул на ноготь. Крошечный язычок пламени, слишком слабый, чтобы разгореться в настоящий огонь, но достаточно яркий, чтобы отразиться в глазах девочки и брызнуть золотыми искрами на грязный стол, показался на кончике пальца. Малышка стояла как завороченная, пока Сажерук не задул огонек и не обмакнул палец в бокал с вином, который пододвинул ему Небесный Плясун.

– Ага, ты, стало быть, не разлюбил играть с огнем, – сказал Небесный Плясун. Девочка тем временем бросила испуганный взгляд на хозяина и поскорее вернулась к котлу. – А мне пришлось мои игры забросить.

– Как это случилось?

– Упал с каната, и с тех пор я уже не Небесный Плясун. Торговец, чьих покупателей я отвлек, швырнул в меня капустным кочаном. Хорошо, что я упал на прилавок торговца тканями и поэтому сломал только ногу и пару ребер, а не шею.

Сажерук задумчиво посмотрел на него.

– И чем ты живешь, раз уже не можешь ходить по канату?

Небесный Плясун пожал плечами:

– Хочешь верь, хочешь нет, а я по-прежнему быстрый ходок. И верхом ездить нога мне не мешает – была бы лошадь. Я теперь гонец и этим зарабатываю на хлеб, хотя по-прежнему люблю посидеть с комедиантами, послушать их истории и погреться с ними у огня. Но кормят меня теперь буквы, хотя читать я так и не научился. Письма с угрозами и с просьбами, любовные записки, торговые договоры, завещания – все, что можно записать на листке пергамента или бумаги, я доставляю по назначению. Донесу надежно и слова, которые нашептали мне в ухо. Я неплохо зарабатываю, хотя, конечно, можно найти за деньги гонца и побыстрее. Но про меня люди точно знают, что доверенное мне письмо попадет в те самые руки, для которых оно предназначено. А это дорогого стоит.

В этом Сажерук не сомневался. «За пару золотых можно прочесть почту и самого герцога», – говорили в его времена. Нужно было только найти человека, умеющего подделать взломанную печать.

– А остальные? – Сажерук взглянул на лабухов у окна. – Они что подделывают?

Небесный Плясун отхлебнул вина и поморщился:

– Кислятина. Надо было заказать к нему меда. Остальные... гм... – Он потерял негнушующую ногу. – Кто умер, кто пропал неизвестно куда, вроде как ты. Вон там, с тем крестьянином, что так грустно таращится в свою кружку, – он кивнул в сторону стойки, – стоит наш старый друг Коптемаз со своей вечной улыбкой. Худший огнеглотатель на всем белом свете, хотя он все еще старательно пытается тебе подражать и никак не поймет, почему огонь не хочет танцевать для него так, как для тебя.

– Этого ему никогда не понять.

Сажерук незаметно покосился на второго огнеглотателя. Насколько он помнил, Коптемаз неплохо умел жонглировать горящими факелами, но огонь не хотел играть с ним. Коптемаз был похож на безответно влюбленного, которому снова и снова отказывает обожаемая девушка. Когда-то давно Сажерук даже поделился с ним огненным медом – так жаль было смотреть на его беспомощные усилия, но даже это не научило беднягу понимать язык пламени.

– Говорят, он теперь работает с порошком алхимиков, – прошептал Небесный Плясун через стол. – Дорогое удовольствие, на мой взгляд. Огонь кусает его так часто, что руки у него до самых плеч багрового цвета. Только к лицу он его не подпускает. Перед выступлением всегда намазывает себе физиономию так густо, что она блестит, как шкурка окорока.

– Он по-прежнему напивается после каждого представления?

– И после представления, и перед представлением, и тем не менее он все еще недурен собой, скажи?

И правда, на приветливое, всегда улыбающееся лицо Коптемаза было приятно смотреть. Он был из тех комедиантов, что живут взглядами зрителей, их аплодисментами, тем, что люди останавливаются, чтобы на них посмотреть. Он и сейчас потешал тех, кто стоял рядом с ним у стойки. Сажерук повернулся к нему спиной: ему не хотелось снова увидеть в этих глазах восхищение и зависть. Коптемаз не относился к числу тех, по кому он скучал в другом мире.

– Не думай, что Пестрому Народу стало легче жить, – негромко сказал Небесный Плясун. – С тех пор как умер Козимо, Жирный Герцог пускает нашего брата на рынки только по праздничным дням, а в свой замок – только когда его внучок начинает громогласно требовать комедиантов. Не самый милый ребенок, уже сейчас гоняет прислугу, грозя ей поркой и позорным столбом, но Пестрый Народ он любит.

– Козимо Прекрасный умер? – Сажерук чуть не подавился кислым вином.

– Да. – Небесный Плясун перегнулся через стол, словно считал неприличным говорить о беде и смерти слишком громко. – Всего год назад он отправился, прекрасный, как ангел, доказывать свою княжескую доблесть и уничтожить поджигателей, поселившихся в лесу. Ты, может быть, помнишь их главаря, Каприкорна?

Сажерук невольно улыбнулся.

– О да, его я помню, – тихо сказал он.

– Он исчез примерно тогда же, когда и ты, но его банда хладнокровно продолжала свое дело. Новым вожаком стал Огненный Лис. Ни одна деревня, ни один крестьянский двор по эту сторону леса не чувствовали себя в безопасности. И вот Козимо отправился в поход, чтобы покончить с этой нечистью. Он уничтожил всю банду, но сам не вернулся, и теперь его отца, обжору, завтраком которого могли бы прокормиться три деревни, стали звать еще Герцог Вздохов, потому что, кроме как вздыхать, Жирный Герцог с тех пор ничего не делает.

Сажерук протянул пальцы к пыли, танцевавшей перед ним в солнечном луче.

– Герцог Вздохов, – задумчиво проговорил он. – Вот оно что. А как поживает светлейший князь по ту сторону леса?

– Змееглав? – Небесный Плясун настороженно огляделся. – Этот пока жив, к сожалению. По-прежнему воображает себя властелином мира, велит ослепить любого крестьянина, которого его егеря поймают в лесу с убитым кроликом, обращает в рабов тех, кто не платит ему налогов, и заставляет их копать в земле, добывая серебряную руду, пока они не начнут харкать кровью. Виселицы вокруг его замка никогда не пустуют, и больше всего он любит подвесить на них пару пестрых штанов. Однако дурного о нем почти не услышишь, потому что шпионов у него больше, чем вшей на этом постоялом дворе, и он им хорошо платит. Но смерть, – тихо добавил Небесный Плясун, – не подкупишь, а Змееглав уже стар. Говорят, он в последнее время боится Белых Женщин и смерти, боится так, что ночи простаивает на коленях, воя как побитая собака. Его повара каждое утро готовят ему пудинг из телячьей крови, который якобы

сохраняет молодость, а под подушкой у него лежит, говорят, палец повешенного, защищающий от Белых Женщин. За последние семь лет он четыре раза женился. Жены у него все моложе и моложе, но ни одна так и не подарила ему того, о чем он мечтает.

– У Змееглава так и нет сына?

Небесный Плясун покачал головой:

– Нет, но его внук рано или поздно будет нами править, потому что старый лис выдал одну из своих дочерей – Виоланту, которую все зовут просто Уродиной, – за Козимо Прекрасного, и она успела родить от него сына, до того как юноша отправился в злополучный поход. Говорят, Змееглав, чтобы Жирный Герцог согласился взять ее в жены своему сыну, дал ей в приданое драгоценную рукопись да еще своего лучшего придворного миниатюриста. Да, прежде Жирный Герцог любил рукописи не меньше, чем вкусную еду, но теперь его драгоценные книги покрываются плесенью! Ничто его больше не интересует, и меньше всего – его подданные. Люди шепчутся, что в этом и был план Змееглава. Он будто бы сам приложил руку к тому, чтобы его зять не вернулся из крепости Каприкорна. Тогда после смерти Жирного Герцога трон достанется его внуку.

– Что ж, люди, наверное, правы.

Сажерук поглядел на собравшихся в душном зале. Бродячие торговцы, цирюльники, подмастерья, музыканты с обтрепанными рукавами. Один притащил с собой кобальда, с несчастным видом сидевшего рядом с ним на полу. Глядя на многих, нетрудно было догадаться, что они не знают, чем заплатить за вино. Веселых, не отмеченных нуждой и болезнью лиц почти не видно. А разве он ожидал иного? Надеялся, что все горе его мира ушло куда-то, пока его не было? Нет. Он десять лет мечтал только о возвращении – не в рай, а всего лишь домой. Разве не хочет рыба обратно в воду, даже если там подстерегает щука?

Какой-то пьяница натолкнулся на их стол и чуть не опрокинул вино. Сажерук подхватил кувшин.

– А люди Каприкорна – Огненный Лис и прочие? Они все погибли?

– Мечтать не вредно! – Небесный Плясун горько усмехнулся. – Все поджигатели, сбежавшие от Козимо, были приняты с распростертыми объятиями в Замке Ночи. Огненного Лиса Змееглав сделал своим герольдом, и даже Свистун, старый музыкант Каприкорна, поет теперь свои мрачные песенки в Замке Серебряных Башен. Он ходит в шелку и бархате, и карманы у него полны золота.

– И Свистун еще тут? – Сажерук провел ладонью по лицу. – Господи, а чего-нибудь хорошего у тебя не найдется рассказать? Чего-нибудь, чтобы порадоваться, что я снова здесь?

Небесный Плясун рассмеялся так громко, что Коптемаз обернулся и посмотрел в их сторону.

– Лучшая новость – что ты вернулся! – сказал он. – Мы по тебе скучали, Повелитель огня. Феи, говорят, вздыхали по ночам, водя свои хороводы, с тех пор как ты нас предательски бросил, а Черный Принц каждый вечер перед сном рассказывает о тебе своему медведю.

– Принц тоже никуда не делся? Отлично. – Сажерук с облегчением отхлебнул вина, хотя оно было и вправду на редкость гадкое. Он не решался спросить о Принце, опасаясь, что с ним случилось то же, что и с Козимо.

– Да, у него все в порядке. – Небесный Плясун заговорил громче, потому что за соседним столиком два торговца затеяли перебранку. – Он все тот же: черен как уголь, скор на язык, нож достает еще скорее и никогда не ходит без своего медведя.

Сажерук улыбнулся. Это хорошая новость. Черный Принц... Укротитель медведей, Метатель Ножей... наверное, так и не сумел примириться с тем, как жизнь устроена. Сажерук знал его с тех пор, как они оба были детьми, сиротами, подкидышами. В одиннадцать лет они вместе стояли у позорного столба, там, по ту сторону леса, откуда оба они родом, и потом от них два дня воняло гнилыми овощами.

Небесный Плясун взглянул ему в лицо.

– Ну? – сказал он. – И когда же ты спросишь меня наконец о том, что просится тебе на язык с той минуты, как я хлопнул тебя по плечу? Спрашивай! Не дожидайся, пока я напьюсь так, что не смогу тебе ответить.

Сажерук не мог удержаться от улыбки. Небесный Плясун всегда был мастером читать в чужом сердце, хотя по его круглому лицу этого не скажешь.

– Что ж, и впрямь. Как она поживает?

– Ну наконец-то! – Небесный Плясун самодовольно улыбнулся, показав две дыры на месте выпавших зубов. – Во-первых... Она по-прежнему красавица. Живет теперь в доме, не поет, не танцует, закалывает волосы наверх, как крестьянка. У нее есть клочок земли на холме позади замка, и она разводит там травы для цирюльников. Даже Крапива у нее покупает. Живет она с этого ни шатко ни валко и растит двух ребятишек.

Сажерук попытался сделать равнодушное лицо, но по улыбке Небесного Плясуна понял, что ничего не вышло.

– А тот торговец пряностями, что все вокруг нее увивался?

– А что тебе до него? Он уже много лет как уехал отсюда, живет теперь, наверное, в большом доме у моря и становится все богаче с каждым мешком перца, который подвозят его корабли.

– Так она не вышла за него замуж?

– Нет. Она вышла за другого.

– За другого?.. – Сажерук снова попытался говорить равнодушно, и снова напрасно.

Небесный Плясун несколько мгновений наслаждался его беспомощностью, а потом продолжил:

– Да, за другого. Бедняга вскоре умер, но оставил ей сына.

Сажерук молча слушал биение своего сердца. Глупый мышечный комок.

– А девочки?

– Ах да, девочки. Интересно, кто же их отец? – Небесный Плясун снова улыбнулся, как мальчишка, которому удалась злая шалость. – Брианна стала такой же красавицей, как мать. Хотя у нее твой цвет волос.

– А Розанна, младшая?

У нее волосы были черные, как у матери.

Улыбка исчезла с лица Небесного Плясуна, как будто Сажерук стер ее тряпкой.

– Малышки давно уже нет, – сказал он. – Лихорадка. Через две зимы после твоего исчезновения.

Тогда многие умерли. Даже Крапива не могла им помочь.

Сажерук рисовал липким от вина пальцем линии по столу. Потерял. За десять лет многое можно потерять. Мгновение он отчаянно пытался вызвать в памяти маленькое личико Розанны, но оно расплывалось, словно он слишком долго старался его забыть.

Небесный Плясун помолчал вместе с ним среди общего шума. Потом с трудом поднялся. Не так-то легко было встать с низкой скамьи с негнущейся ногой.

– Мне пора, дружище, – сказал он. – Я должен отнести еще три письма, два из них в Омбру. Мне нужно быть у городских ворот до наступления темноты, не то стражники опять вздумают шутки ради меня не пускать.

Сажерук все еще чертил линии по темному столу.

«Через две зимы после твоего исчезновения» – эти слова жгли ему мозг, как крапива.

– А где разбили свои шатры остальные?

– Прямо под стенами Омбры. Милейший внук нашего князя скоро будет отмечать свой день рождения. По этому случаю всех комедиантов и музыкантов приглашают в замок.

Сажерук кивнул, не поднимая головы:

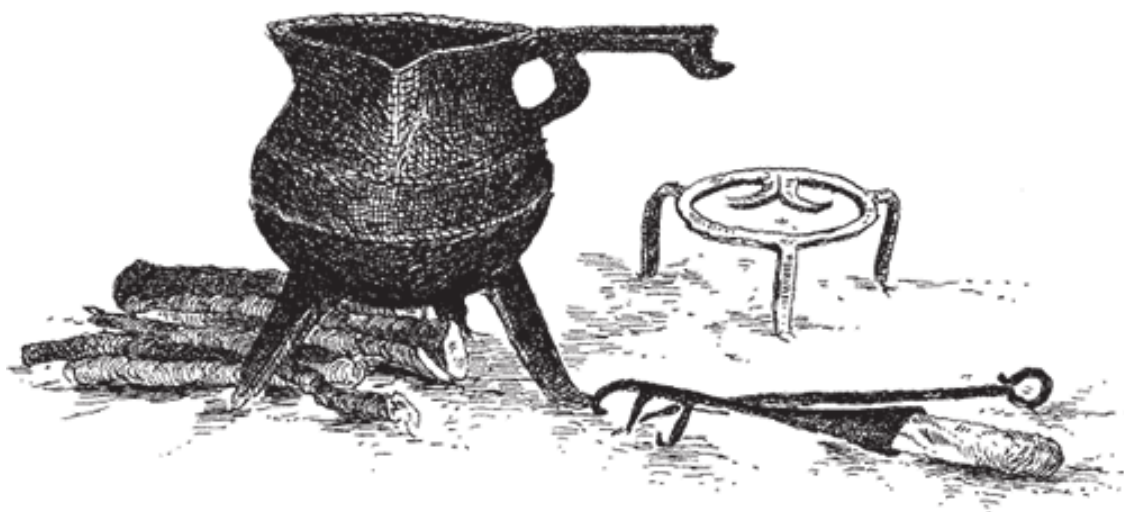
– Посмотрим. Может, и я там появлюсь.

Он быстро встал с жесткой скамьи. Девочка у камина посмотрела на них. Примерно столько лет было бы сейчас его младшей дочери, не унеси ее лихорадка. Вместе с Небесным Плясуном он протиснулся к выходу между скамьями и стульями, на которых сидело полно народу. Погода по-прежнему была прекрасная, солнечный осенний день в пестром, как у комедианта, наряде.

– Поехали вместе в Омбру! – Небесный Плясун положил руку ему на плечо. – Мой конь унесет и двоих, а приют на ночь там всегда можно найти.

Но Сажерук покачал головой.

– Не сейчас, – сказал он и посмотрел на глинистую дорогу. – Сперва мне нужно кое-кого навестить.

Мегги принимает решение

Идея пока только брезжила, плавала и мерцала в сознании, как мыльный пузырь, и Лира не решалась даже схватиться за нее, опасаясь, что она лопнет. Но состояние это было для нее уже привычным: пока что она удовлетворилась этим мерцанием, отвернувшись от него, стала думать о другом.

Филип Пулман. Северное Сияние⁴

Мо вернулся, когда они сидели за завтраком, и Реза бросилась его целовать, как будто он отсутствовал несколько месяцев. Мегги тоже обняла отца крепче обычного, радуясь, что он добрался невредимым, но при этом старалась не глядеть ему прямо в глаза. Мо слишком хорошо знал свою дочь. Он сразу понял, что у нее нечиста совесть. И совесть в самом деле страшно мучила Мегги.

Причиной тому был листок бумаги, лежавший наверху в ее комнате среди школьных тетрадок, густо исписанный ее почерком, но чужими словами. Мегги провела не один час, переписывая слова Орфея. Всякий раз, когда ей случалось сделать описку, она начинала сначала, опасаясь, что одна-единственная ошибка может все испортить. Добавила она лишь два слова – там, где шла речь о мальчике, в тех предложениях, которые Орфей не стал читать. «И девочку», – вставила Мегги. Два неприметных, обычных слова, до того обычных, что они, надо думать, встречались хоть раз на страницах «Чернильного сердца». Проверить Мегги не могла, поскольку единственный экземпляр находился теперь у Басты. Баста... Уже одно это имя напоминало Мегги черные дни и беспросветные ночи, полные страха.

Мо привез ей в знак примирения подарок – как всегда, когда им случалось поссориться: маленький блокнот в переплете собственного изготовления из мраморной бумаги, такого размера, чтобы его удобно было носить в кармане. Мо знал, что Мегги страшно нравится мраморный узор. Ей было девять лет, когда он научил ее, как самой окрасить бумагу такими разводами. Нечистая совесть уязвила ее в самое сердце, когда он положил блокнот возле ее тарелки, и на мгновение ей захотелось все ему рассказать, как она всегда делала раньше. Но ее удержал взгляд Фарида. «Нет, Мегги! – говорил этот взгляд. – Он тебя не отпустит! Никогда, ни за что!» И она промолчала, поцеловала Мо, прошептала «спасибо» и поспешно опустила голову, не в силах что-нибудь выговорить, – такой тяжестью висели у нее на языке несказанные слова.

К счастью, на ее подавленный вид никто не обратил внимания. Все остальные тоже глядели невесело из-за новостей о Басте. Элинор сходила в полицию, как советовал ей Мо, но это посещение отнюдь не улучшило ее настроения.

– Ну, что я тебе говорила? – ворчала она, кромсая ножом сыр, словно он был виноват во всех бедах. – Эти кретины не поверили ни одному моему слову. Если в эту форму одеть баранов, толку и то будет больше. Вы знаете, я не люблю собак, но, наверное, придется купить парочку... Таких здоровых черных зверюг, которые разорвут Басту в куски, как только он ступит за садовую калитку. Добстерманов, да, добстерманов! Так ведь они называются, эти псы-людоеды?

– Ты хочешь сказать «доберманов». – Мо подмигнул Мегги.

Сердце у нее упало. Он подмигивает ей, своей обманщице дочери, которая хочет уйти туда, куда он, по всей вероятности, не сможет за ней последовать. Мать, может быть, ее поймет, но Мо? Нет. Мо не поймет. Никогда.

⁴ Перевод В. Голышева.

Мегги до боли прикусила губу, а Элино́р тем временем продолжала возбужденно говорить:

– Или я могу нанять охранника. Так ведь делают, правда? С большим пистолетом, или вообще вооруженного до зубов, с ножом, пулеметом и что там еще бывает, и такого роста, чтобы у Басты от одного взгляда на него остановилось черное сердце. Ну как идея?

Мегги видела, что Мо с трудом сдерживает смех.

– Как идея? Говорит о том, что ты начиталась детективных историй, Элино́р.

– Детективных историй я действительно читала много, – обиженно ответила Элино́р. – Они очень поучительны для людей, которые в обычной жизни не слишком часто сталкиваются с преступниками. Как бы то ни было, я не могу забыть нож Басты у твоего горла.

– Я тоже, можешь мне поверить.

Мегги увидела, как отец провел рукой по горлу, словно на мгновение вновь почувствовал на коже прикосновение острого лезвия.

– И все-таки вы, по-моему, зря так переполошились. У меня было в дороге время подумать, и я не верю, что Баста пустится в долгий путь сюда, только чтобы нам отомстить. За что, собственно? За то, что мы спасли его от Призрака? Нет. Он, конечно, давно заставил Орфея вчитать себя обратно. Обратно в книгу. Баста был далеко не в таком восторге от нашего мира, как Каприкорн. Его здесь многое раздражало и пугало.

И Мо стал намазывать варенье на бутерброд с сыром. Элино́р, как всегда, смотрела на это с отвращением, а он, как всегда, не обращал на ее неодобрительный взгляд никакого внимания.

– А те угрозы, что он кричал вслед Фариду?

– Он был разъярен, потому что мальчик от него ускользнул, – вот и все. Мне ведь не нужно тебе рассказывать, что Баста в ярости способен сказать что угодно. Удивило меня только одно: у него хватило ума догадаться, что книга у Сажерука. А еще хотел бы я знать, где он откопал этого Орфея, который, похоже, умеет читать не в пример лучше, чем я.

– Чушь! – Элино́р говорила сердито, но в ее голосе слышалось облегчение. – Не хуже тебя умеет читать только твоя дочь.

Мо улыбнулся Мегги и положил на варенье еще ломтик сыра.

– Спасибо, я польщен. Но как бы то ни было, наш друг Баста, любитель поиграть ножичком, наверняка уже далеко. И, надеюсь, он прихватил с собой проклятую книгу, так что эта история наконец навсегда завершилась. Элино́р не нужно больше вздрагивать по ночам при каждом шорохе в саду, а Дариус, будем надеяться, перестанет видеть во сне нож Басты, из чего следует, что Фарид принес нам на самом деле отличную новость! Надеюсь, вы не забыли поблагодарить его как следует!

Фарид смущенно улыбнулся, когда Мо в шутку чокнулся с ним кофейной чашкой, но Мегги заметила тревогу в его черных глазах. Если Мо прав, Баста был сейчас там же, где Сажерук. И все они очень охотно в это поверили. На лицах Дариуса и Элино́р ясно читалось облегчение, а Реза обняла Мо и улыбалась, как будто все наконец снова в порядке.

Элино́р стала расспрашивать Мо о книгах, которые он так предательски бросил из-за звонка Мегги. Дариус пытался объяснить Резе систему, по которой он хочет заново расставить книги Элино́р. Только Фарид сидел, уставившись в свою пустую тарелку. Вероятно, на белом фарфоре ему виделся нож Басты у горла Сажерука.

Баста. Это имя застряло у Мегги в горле, как вишневая косточка. Она могла теперь думать только об одном: если Мо прав, Баста сейчас там, куда и она в ближайшее время соберется – в Чернильном мире.

Она хотела сделать попытку уже этой ночью, хотела с помощью своего голоса и слов Орфея проложить путь сквозь заросли слов – прямо в Непроходимую Чашу. Фарид умолял ее не медлить больше. Он сходил с ума от страха за Сажерука. И слова Мо не улучшили его состояния.

– Мегги, прошу тебя! – просил он ее все это время. – Ну давай читать, Мегги!

Мегги взглянула на Мо. Он что-то нашептывал Резе, и та смеялась. Только в смехе можно было услышать ее голос. Мо обнял ее за плечи и посмотрел на Мегги. Когда завтра утром ее кровать окажется пустой, у него будет не такой беззаботный вид, как сейчас. Рассердится он или только опечалится? Реза смеялась, потому что он изображал в лицах ей и Элинора, в какой ужас пришел коллекционер, чьи книги он так внезапно бросил. Мегги тоже рассмеялась, услышав, как он передразнивает голос бедняги. Заказчик был, видимо, очень толст и страдал одышкой.

Только Элинора не смеялась.

– Не вижу тут ничего смешного, Мортимер, – язвительно заметила она. – Я бы тебя, наверное, просто застрелила, если бы ты вот так смылся, бросив мои бедные книги больными, в пятнах и трещинах.

– Охотно верю. – Мо бросил на Мегги заговорщический взгляд, как всегда, когда Элинора читала им лекции о том, как правильно обращаться с книгами и со стеллажами у нее в библиотеке.

«Ах, Мо, если бы ты знал, – думала Мегги, – если бы ты только знал...» И при этом ей казалось, что он вот-вот все прочтет у нее на лбу. Она резко поднялась со стула, пробормотала что-то вроде «спасибо, я сыта» и побежала в библиотеку Элинора. А куда же еще? Всякий раз, когда ей нужно было уйти от своих мыслей, она искала помощи у книг. В библиотеке непременно найдется какая-нибудь, которая отвлечет ее до вечера, когда все отправятся спать, ничего не подозревая...

По библиотеке Элинора не было заметно, что всего год назад здесь висел у пустых стеллажей красный петух, а лучшие ее книги полыхали на газоне. Банку с пеплом Элинора по-прежнему держала на прикроватном столике.

Мегги провела пальцем по корешкам. Они снова стояли ровным рядом, как клавиши рояля. Кое-где еще мелькали пустые полки, но Элинора и Дариус неутомимо разыскивали повсюду достойную замену утраченным сокровищам.

Орфей... Где история про Орфея?

Мегги подошла к той полке, где выстроились в длинный ряд греки и римляне, но в эту минуту за ее спиной открылась дверь и вошел Мо.

– Реза говорит, что листок, который принес Фарид, лежит у тебя в комнате. Покажешь мне? – Он старался говорить небрежно, как будто спрашивает о погоде, но притворяться у него никогда не получалось. Это он умел так же плохо, как лгать.

– Зачем? – Мегги прислонилась к книгам Элинора, словно ища у них опоры.

– Зачем? Я человек любопытный. Ты разве не знала? А потом... – Он посмотрел на книжные корешки, как бы пытаясь найти там нужные слова. – Мне кажется, что этот листок лучше бы сжечь.

– Сжечь? – Мегги смотрела на него во все глаза. – Это еще почему?

– Да, я понимаю, это звучит так, словно я боюсь привидений. – Мо взял с полки книжку, открыл ее и принялся листать с отсутствующим видом. – Но этот листок, Мегги... Он мне кажется открытой дверью, дверью, которую лучше бы закрыть раз и навсегда, не дожидаясь, пока еще и Фарид попытается исчезнуть в этой проклятой истории.

– А что такого? – Мегги невольно говорила сухим тоном, словно с чужим человеком. – Как ты не понимаешь? Он хочет к Сажеруку! Чтобы предупредить его, что Баста за ним охотится.

Мо хлопнул взятую с полки книгу и поставил ее на место.

– Да, так он говорит. А если Сажерук вовсе не хотел брать его с собой, если он нарочно оставил его здесь? Тебя бы это очень удивило?

Нет. Нет, не удивило бы. Мегги молчала. В библиотеке было совсем тихо, так страшно тихо среди всех этих слов.

– Я знаю, Мегги, – негромко заговорил наконец Мо, – я знаю, тот мир, что описан в этой книге, кажется тебе куда привлекательнее нашего. Мне знакомо это чувство. Я сам не раз мечтал переселиться в одну из своих любимых книг. Но мы оба знаем, что, когда мечта становится действительностью, все выглядит совсем по-другому. Чернильный мир представляется тебе волшебным, полным чудес, но поверь, от твоей матери я слышал о нем много такого, что тебе совсем не понравилось бы. Этот мир жесток и опасен, полон мрака и насилия, и правит в нем, Мегги, не справедливость, а сила.

Он смотрел ей в глаза, ища там согласия, которое привык всегда находить, но на этот раз его не было.

– Фарид тоже родом из такого мира, – сказала Мегги, – и он не по своей воле оказался в нашей истории. Это ты вычитал его сюда.

Она тут же раскаялась в своих словах. Мо отвернулся, словно она его ударила.

– Ну что ж. Ты, конечно, права, – сказал он, идя к двери. – Я не хочу с тобой снова ссориться. Но я также не хочу, чтобы этот листок лежал у тебя в комнате. Отдай его Фариду. А то кто его знает – завтра проснешься, а у тебя на кровати сидит великан.

Он, конечно, попытался улыбнуться при этих словах. У него не было сил продолжать разговор в таком тоне. Какой подавленный у него вид! И какой усталый...

– Но ты же прекрасно знаешь, что ничего такого быть не может, – сказала Мегги. – О чем ты беспокоишься? Само собой ничто из букв не выходит, пока не позовешь. Уж ты-то это знаешь лучше всех!

Его рука уже лежала на ручке двери.

– Да, – сказал он, – ты, наверное, права. Но... знаешь что? Иногда мне хочется приделать к каждой книге замок. А уж что касается этой книги... Сейчас я был бы, пожалуй, рад, если бы Каприкорн сжег и последний экземпляр. Она приносит несчастье, Мегги, одно несчастье. Даже если ты не хочешь в это верить.

И Мо вышел из библиотеки, закрыв за собой дверь.

Мегги стояла не шевелясь, пока его шаги не затихли. Она подошла к окну, выходящему в сад, но, когда Мо показался на дорожке, ведущей в мастерскую, он не обернулся на дом. С ним была Реза. Одну руку она положила ему на плечо, а другой рисовала в воздухе слова, которых Мегги не могла разобрать. Интересно, они сейчас говорят о ней?

Порой она испытывала странное чувство оттого, что у нее есть теперь не только отец, а родители, которые беседуют о чем-то без нее. Мо вошел в мастерскую один, а Реза направилась обратно к дому. Она помахала Мегги, увидев ее у окна, и Мегги помахала ей в ответ.

Странное чувство...

Мегги еще долго сидела среди книг Элинора, листая то одну, то другую, ища слова, которые заглушили бы ее мысли. Но буквы оставались буквами, из них не складывались ни слова, ни картины, и в конце концов Мегги вышла в сад, легла на траву и посмотрела на окно мастерской, в котором виднелся силуэт Мо, склоненного над работой.

«Не могу я этого сделать, – думала она, глядя, как ветер обрывает листья с деревьев и уносит с собой, будто пестрые игрушки. – Нет! Так нельзя. Они все страшно расстроятся, а Мо вообще больше не станет со мной разговаривать, никогда».

Да, Мегги говорила себе все это, говорила много раз. И в то же время глубоко внутри себя чувствовала, что решение давно уже принято.

Комедиантка

*Певец по свету бродит,
Уж так заведено —
Звучит из всех мелодий
Прощание одно.
Любимая, не знаю,
Увижусь ли с тобой.
Смерть розы обрывает
Тяжелою рукой.*

*Элимар фон Монстерберг.
Шпильман*

Наступил рассвет, когда Сажерук добрался до крестьянской усадьбы, которую описал ему Небесный Плясун. Она лежала на южном склоне холма, в окружении оливковых деревьев. Земля здесь была, по рассказам Небесного Плясуна, сухая и каменистая, но травам, которые разводила Роксана, как раз такая и была нужна. Усадьба стояла на отшибе, ни одной деревни поблизости, и защищала ее лишь стена ниже человеческого роста да деревянные ворота. Отсюда уже виднелись крыши Омбры, высоко вздымающиеся над ними башни замка и поворот к городским воротам — совсем рядом и в то же время слишком далеко, чтобы успеть скрыться за городскими стенами, если разбойники или солдаты, возвращающиеся с очередной войны, вздумают разграбить одинокую усадьбу, где никого нет, кроме женщины и двух детей.

«Может, у нее есть хотя бы батрак», — думал Сажерук, стоя за кустами дрока. Ветви скрывали его, зато сам он мог все разглядеть. Дом был маленький, как большинство крестьянских домов, не такой убогий, как у многих, но и не намного лучше. Целая дюжина таких домов могла бы уместиться в любом из тех залов, где прежде пела и танцевала Роксана. Даже Змееглав приглашал ее в свой замок, как ни презирал он Пестрый Народ, потому что в ту пору всякому хотелось смотреть на нее и слушать. Богатые купцы, мельник, живший ниже по реке, торговец пряностями, больше года славший ей подарки... многие мечтали взять ее в жены, засыпать драгоценностями и дорогими платьями, предлагали ей покои куда просторнее дома, где она теперь жила. Но Роксана осталась с Пестрым Народом, она была не из тех комедианток, что продают хозяину голос и тело за немного покоя и теплый кров.

Но и ей однажды надоело бродяжничать, захотелось постоянного дома для себя и детей, потому что бродячая братия жила вне закона. Закон не защищал их, как не защищал побирušек и разбойников. Ограбивший актера мог не опасаться властей. Насилие над комедианткой сходило безнаказанным, и убивший комедианта не предавался в руки палача. Вдове была позволена единственная месть: избить тень убийцы — только тень, — когда солнце отбросит ее на городскую стену, и за похороны вдова должна была платить сама. Да, для Пестрого Народа не было защиты. Этих людей звали приманкой дьявола, смеялись их шуткам, слушали песни и сказки, смотрели трюки и фокусы и по вечерам запирались от них покрепче. Их не пускали ночевать в города и деревни, под защиту стен, им приходилось вечно бродить по дорогам. Их свободе завидовали и потому высмеивали этих людей, вынужденных служить за деньги и хлеб множеству господ.

Редко случалось, чтобы комедиант избавился от вечных странствий и положения изгоя. Но Роксане это, видимо, удалось.

При доме был хлев, амбар, пекарня, а между ними — двор с колодцем посередине, сад, окруженный плетнем, чтобы куры и козы не общипали молодые деревца, а за ним — около

десятка узких длинных грядок. С одних урожай был уже собран, на других еще колосились пушистые травы, отяжелевшие от семян. Утренний ветерок доносил до Сажерука их горьковато-сладкий аромат.

Роксана склонилась над самой дальней грядкой, среди льна, окопника и дикой мальвы. Похоже, она работала уже давно, хотя над кустами еще не развеялся утренний туман. Рядом с ней стоял мальчик лет семи-восьми. Роксана сказала ему что-то и засмеялась. Как часто Сажерук вспоминал ее лицо, каждую черту, рот, глаза, лоб с высоко зачесанными над ним волосами. С каждым годом это становилось труднее, облик Роксаны расплывался, как ни старался он припомнить все в точности. Время стерло, запорошило пылью ее лицо.

Сажерук шагнул вперед и тут же отступил. Он уже трижды хотел пойти назад, бежать отсюда так же неслышно, как пришел, и все-таки не трогался с места. Ветер зашевелил кусты дрока, толкнул его в спину, словно подбадривая, и Сажерук решился, раздвинул ветки и двинулся к дому и грядкам.

Мальчик увидел его первым, а из высокой травы у хлева выступил гусь и пошел на него, шипя и хлопая крыльями. Крестьянам не разрешалось держать собак, это было привилегией знати, но гуси были надежными сторожами и умели ничуть не хуже пугать непрошенных гостей. Однако Сажерук ловко увернулся от разинутого клюва и погладил рассерженную птицу по белой шее, так что гусь в конце концов аккуратно сложил крылья, как свежесглаженное платье, и мирно поковылял обратно на свое место в траве.

Роксана выпрямилась. Она обтерла о платье перепачканные землей руки и молча смотрела на него. Волосы у нее и в самом деле были заколоты наверх, как у крестьянки, но, похоже, были такими же длинными и густыми, как прежде, и такими же черными, не считая нескольких седых прядок. Платье на ней было коричневое, как земля, на которой она работала, а не пестрое, как те юбки, что она носила прежде. Но лицо ее было Сажеруку по-прежнему знакомо, как небесный свод над нами, – знакомо лучше, чем собственное отражение в зеркале.

Мальчик схватил грабли, лежавшие рядом с ним на земле, и поднял их с такой мрачно-решительной миной, будто привык защищать мать от странных чужаков. «Умница, – подумал Сажерук, – не доверяй никому, а уж тем более покрытой шрамами морде, которая вдруг появляется из-за кустов».

Что сказать, когда она спросит, где он был?

Роксана что-то тихо шепнула мальчику, и он опустил грабли, но глядел по-прежнему настороженно.

Десять лет.

Он и прежде часто уходил – то в лес, то в приморские города, по дорогам, выющимся по холмам среди рассеянных деревень, – как лис, появляющийся у человеческого жилья лишь тогда, когда от голода подведет живот. «У тебя сердце бродяги», – говорила Роксана. Иногда ему приходилось разыскивать ее, потому что она уходила кочевать с остальными комедиантами. Одно время они жили вместе в лесу, в заброшенной хижине угольщика, а потом снова в шатре, среди пестрого народа. Одну зиму они даже продержались за прочными стенами Омбры. Это его всегда тянуло прочь, и, когда у них родилась первая дочь и Роксане все чаще хотелось остаться с другими женщинами из их касты, вблизи от защищающих стен, он стал уходить один. Но он всегда возвращался к ней и детям, к большой досаде увивавшихся вокруг нее богачей, надеявшихся сделать из комедиантки приличную женщину.

Что она подумала, когда он исчез на десять лет? Считала его умершим, как Небесный Плясун? Или поверила, что он мог просто уйти, не сказав ей ни слова, не попрощавшись?

На лице Роксаны он не прочел ответа. Оно выражало растерянность, гнев, может быть, и любовь. Может быть. Она шепнула что-то мальчику, взяла его за руку и повела за собой – медленно, словно не позволяя ногам ступать быстрее. Ему хотелось бегом кинуться к ней, с каждым шагом сбрасывая с себя годы, но отвага покинула его. Он стоял, словно прирос к земле,

и смотрел, как она идет к нему, – после всех этих лет, для которых у него нет объяснения, кроме одного, которому она не поверит.

Между ними оставалось всего несколько шагов, когда Роксана остановилась. Она положила руку мальчику на плечо, но он стряхнул ее. Еще бы! Он не хотел, чтобы рука матери напоминала о том, что он еще маленький.

Как гордо она выпячивает подбородок. Это было первое, что привлекло его в Роксане, – гордость. Он невольно улыбнулся, опустив голову, чтобы она не заметила.

– Ты, видно, по-прежнему можешь уговорить любого зверя. До сих пор моя гусыня никого близко не подпускала.

В голосе Роксаны, когда она говорила, не было ничего особенного – ничто не предвещало той силы и красоты, какие раскрывались в пении.

– Да, это не изменилось, – сказал он. – За все эти годы.

И вдруг, глядя на нее, Сажерук наконец по-настоящему почувствовал, что вернулся домой. Это чувство было таким сильным, что у него подогнулись колени. Как он счастлив был снова видеть Роксану, невероятно, безмерно счастлив! «Спроси меня! – подумал он. – Спроси меня, где я был». Хотя он не знал, как объяснить ей.

Но она сказала только:

– Похоже, там, где ты был, тебе жилось неплохо.

– Это только так кажется, – сказал он. – Я оставался там не по доброй воле.

Роксана разглядывала его лицо, словно забыла, как он выглядит, и гладила мальчика по голове. Волосы у него были такие же черные, как у матери, но глаза были другие и смотрели на него неприветливо.

Сажерук потер ладонь о ладонь и зашептал своим пальцам слова на языке огня, пока с них дождем не посыпались искры. Там, где они падали на каменистую землю, вырастали цветы, красные цветы с лепестками из язычков пламени.

Мальчик таращился на них с испуганным восторгом, потом опустил на корточки и протянул руку к огненным соцветиям.

– Осторожно! – предупредил Сажерук, но было уже поздно.

Мальчик смущенно сунул в рот обожженные пальчики.

– Значит, огонь тебе тоже повинуется по-прежнему, – сказала Роксана, и в ее глазах впервые промелькнула улыбка. – Похоже, ты голоден. Пойдем.

И она молча пошла к дому. Мальчик все еще смотрел на огненные цветы.

– Я слышал, ты выращиваешь травы для знахарей. – Сажерук нерешительно остановился в дверях.

– Да. У меня даже Крапива покупает.

Крапива, крошечная, как гномик, вечно недовольная и молчаливая, как уличный попрошайка, которому вырезали язык. Но лучшей знахарки не найти на целом свете.

– Она так и живет в старой берлоге на опушке леса?

Сажерук наконец зашел в дом. Притолока была до того низкая, что ему пришлось пригнуться. В нос ударил запах свежего хлеба.

Роксана положила на стол каравай, достала сыр, оливковое масло, маслины.

– Да, но она там редко бывает. Крапива стала совсем чудная, бродит по лесу, разговаривает с деревьями и сама с собой, выискивает травы, которых еще не знает. Иногда пропадает на долгие недели, поэтому люди все чаще приходят ко мне. Крапива кое-чему научила меня за эти годы. – Роксана говорила, не глядя на него. – Показала, как вырастить на грядке травы, которые обычно растут только в лесу: медвежье ушко, кислицу, красные анемоны, из которых делают свой мед огненные эльфы.

– Я не знал, что эти анемоны тоже лечебные.

– А они и не лечебные. Я посадила их потому, что они мне о ком-то напоминали.

Тут она наконец взглянула на него.

Сажерук потянулся к пучку трав, свисавших с потолка, и растер пальцами сухие почки. Это была лаванда, в которой любят прятаться гадюки, – целебное зелье от их укусов.

– Я думаю, травы растут у тебя только потому, что ты им поешь, – сказал он. – Разве повсюду не говорили раньше: «Когда Роксана поет, расцветают даже камни».

Роксана отрезала от каравае несколько ломтей и налила в миску оливковое масло.

– Я пою теперь только им, – сказала она. – И моему сыну. – Она пододвинула к гостю хлеб: – Ешь. Только вчера испекла.

Роксана повернулась к нему спиной и стала у окна.

Сажерук потихоньку осматривался, макая в масло ломоть хлеба. Два мешка соломы и пара одеял на кровати, скамья, стул, стол, кувшины, корзины, бутылки и миски, пучки сухих трав под потолком, густо-густо, как в берлоге у Крапивы, и сундук, выдающийся роскошью среди этой скудной обстановки. Сажерук помнил торговца тканями, который подарил его Роксане. Его слуги насилу дотащили сундук, до краев полный шелковыми платьями, расшитыми жемчугом, с кружевной отделкой на рукавах. Интересно, они до сих пор лежат в сундуке? Нетронутые, непригодные для возни на грядках.

– В первый раз я пошла к Крапиве, когда заболела Розанна. – Роксана заговорила, не оборачиваясь к нему. – Я тогда даже не знала, как сбить жар. Крапива показала мне все, что умела, но нашей дочери ничто не помогало. Жар все усиливался, и я повезла ее к Филину. Я привезла ее в лес, к феям, но они мне не помогли. Может быть, они бы сделали это для тебя, но тебя не было.

Сажерук увидел, как она утирает глаза тыльной стороной ладони.

– Небесный Плясун мне рассказал.

Он понимал, что это совсем не те слова, однако не мог найти других.

Роксана кивнула и снова утерла глаза.

– Говорят, что тех, кого любишь, можно увидеть и после смерти, – тихо сказала она, – что они приходят к нам по ночам, хотя бы во сне, что наша тоска может вызвать их обратно, хоть ненадолго... Розанна не пришла. Я обращалась к женщинам, которые якобы умеют говорить с умершими. Я сжигала травы, дым которых будто бы вызывает их, и не спала много ночей в надежде, что она придет хотя бы раз... Но это все ложь. Обратного пути нет. Или ты побывал там и нашел его?

– В царстве мертвых? – Сажерук покачал головой и грустно улыбнулся. – Нет, я был все же не так далеко. Но поверь, даже там я искал бы путь, чтобы вернуться к тебе...

Как долго она смотрит на него! Больше никто так на него не смотрел. И он снова принялся искать слова, чтобы объяснить, где он пропадал, но таких слов не было.

– Когда Розанна умерла... – Казалось, язык Роксаны немеет от этого слова, как будто оно может снова убить ее дочь. – Когда она умерла у меня на руках, я поклялась себе: никогда больше я не буду такой беспомощной, если смерть попытается отнять кого-то из моих близких. С тех пор я многому научилась. Может быть, сейчас бы я ее спасла. А может быть, и нет.

Она снова посмотрела на него, и, отвечая на ее взгляд, Сажерук не пытался скрыть свою боль, как делал обычно.

– Где ты ее похоронила?

Она кивнула на двор:

– За домом. Там, где она всегда играла.

Он повернулся к открытой двери, чтобы увидеть хотя бы землю, в которой лежит его дочь, но Роксана удержала его.

– Где ты был? – прошептала она, прижимаясь лбом к его груди.

Он погладил ее по голове, по тонким седым прядкам, паутинкой опутывавшим черные волосы, и уткнулся в них лицом. Она по-прежнему кладет апельсиновые корки в воду, кото-

рой моет голову. Этот запах поднял такую волну воспоминаний, что у Сажерука закружилась голова.

– Далеко, – сказал он. – Я был ужасно далеко.

Он стоял, прижимая ее к себе, не в силах поверить, что она снова здесь, не как бледное, ускользающее воспоминание, а из плоти и крови... и не прогоняет его.

Сколько они так простояли, он не знал.

– А старшая? Как поживает Брианна? – спросил он наконец.

– Она живет в замке, вот уже четыре года, в услужении у Виоланты, невестки герцога, которую все называют Уродиной.

Роксана высвободилась из его объятий и пригладила туго затянутые в узел волосы.

– Брианна поет для Уродины, присматривает за ее избалованным сыном и читает ей вслух. Виоланта помешана на книгах, но у нее слабое зрение, поэтому она не может читать сама, не говоря уж о том, что ей приходится делать это тайком: герцог считает, что читающая женщина – это неприлично.

– Но Брианна умеет читать?

– Да, и моего сына я тоже научила.

– Как его зовут?

– Йехан. Как его отца.

Роксана подошла к столу и потрогала стоявшие на нем цветы.

– Я его знал?

– Нет. Он оставил мне эту усадьбу. И сына. Разбойники подожгли наш амбар, он побежал туда, чтобы спасти скотину, и погиб в огне. Странно, правда? Я любила двоих мужчин, и одного огонь сожрал, а другого защищает.

Она долго молчала, потом заговорила снова:

– Поджигателей послал тогда Огненный Лис. Под его водительством они обнаглели еще больше, чем при Каприкорне. Баста и Каприкорн исчезли тогда же, когда и ты. Ты это знал?

– Да, я слышал об этом, – пробормотал он и не мог оторвать от нее глаз. Как она хороша! Невероятно хороша. Смотреть на нее было почти больно.

Роксана снова подошла к нему, и теперь каждое ее движение напоминало Сажеруку о том дне, когда он впервые увидел черноволосую танцовщицу.

– Феи и вправду хорошо постарались, – сказала она тихо, глядя его лицо. – Если бы я не знала, как все было, я бы подумала, что шрамы у тебя на лице нарисованы серебряным карандашом.

– Какая милая ложь, – ответил он так же тихо.

Роксана знала, откуда взялись шрамы, лучше всякого другого. Они оба никогда не забудут этот день – день, когда Змееглав приказал ей петь и танцевать для себя. Каприкорн тоже был там – с Бастой и прочими поджигателями, и Баста тарашился на Роксану, как кот на вкусную птичку. Он повсюду таскался за ней, обещал ей золото и драгоценности, льстил, угрожал, а она все отказывала ему – и наедине, и при всех. И тогда Баста велел разузнать, кого она ему предпочитает. Он подстерег Сажерука на пути к ней с двумя помощниками, которые держали его, пока Баста кромсал ножом его лицо.

– Ты не вышла больше замуж после смерти мужа?

«Идиот! – мысленно обругал он себя. – Ревнуешь к мертвецу».

– Нет. Единственный мужчина в этой усадьбе – Йехан.

Мальчик появился в дверях так внезапно, словно все время подслушивал и только ждал, когда же произнесут его имя. Он молча протиснулся мимо Сажерука и сел на скамью.

– Цветы стали еще больше, – сказал он.

– Ты не обжег о них пальцы?

– Только чуть-чуть.

Роксана поставила перед ним кувшин с холодной водой.

– На, обмакни их туда. Если не поможет, я разобью яйцо. От ожогов лучше всего помогает яичный белок.

Йехан послушно обмакнул пальцы в кувшин, не сводя глаз с Сажерука.

– А он никогда не обжигается? – спросил он мать.

Роксана невольно рассмеялась:

– Нет, никогда. Огонь его любит. Он лижет ему пальцы и целует его.

Йехан уставился на Сажерука так, будто Роксана открыла ему, что пришелец не из людского племени, а из рода фей.

– Не верь, мать дурит тебе голову, – сказал Сажерук. – Конечно, он и меня кусает.

– Шрамы у тебя на лице – это не от огня.

– Нет. – Сажерук взял еще кусок хлеба. – Эта Виоланта... Небесный Плясун говорил, что ее отец – Змееглав. Она так же ненавидит комедиантов, как он?

– Нет. – Роксана погладила Йехана по черным волосам. – Если Виоланта кого-нибудь ненавидит, так это своего отца. Ей было семь лет, когда он отослал ее от себя. В двенадцать ее выдали за Козимо, спустя шесть лет она стала вдовой. И вот теперь она сидит в замке своего свекра и пытается делать то, что он от горя совсем забросил, – заботиться о своих подданных. Виоланта жалеет слабых. Вдовы с голодными ребятишками, крестьяне, которые не в силах заплатить налоги, – все стекаются к ней. Но Виоланта – всего лишь женщина. Если у нее есть немного власти, то лишь потому, что все боятся ее отца, даже по эту сторону леса.

– Брианне нравится в замке. – Йехан обтер мокрые ладони о штаны и озабоченно рассматривал покрасневшие пальцы.

Роксана снова сунула его руки в холодную воду.

– Да, к сожалению. Нашей дочери нравится донашивать за Виолантой красивые платья, спать в пуховой постели и выслушивать комплименты от знатных господ. Но мне это не нравится, и она это знает.

– За мной Уродина тоже иногда посылает! – В голосе Йехана слышалась гордость. – Чтобы я играл с ее сыном. Якопо мешает им с Брианной читать, а больше никто с ним играть не хочет, потому что он сразу начинает визжать, если с ним дерешься. А когда Якопо проигрывает, он орет, что велит отрубить тебе голову.

– Ты позволяешь ему играть с княжеским отродьем? – Сажерук с тревогой взглянул на Роксану. – Не нам дружить с князьями, сколько бы им ни было лет. Ты забыла об этом? И с их дочерьми тоже, а уж тем более, если это дочь Змееглава.

– Мне не надо напоминать, кто такие князья, – сказала она. – Твоя дочь пятнадцать лет, и моих советов она давно уже не слушает. Впрочем, кто знает, может быть, она послушается отца, хотя не видела его десять лет. В воскресенье Жирный Герцог празднует день рождения своего внука. Пойди туда, если хочешь. Ловкому огнеглотателю будут очень рады, тем более что все эти годы им приходилось довольствоваться Коптемазом. – В дверях она остановилась: – Пойдем, Йехан! С пальцами твоими ничего страшного не случилось, а у нас еще много работы.

Мальчик послушался беспрекословно. С порога он снова бросил на Сажерука любопытный взгляд и убежал, оставив гостя одного в тесном домишке. Сажерук смотрел на горшки у плиты, на деревянные миски, на прялку в углу и сундук, говоривший о прошлом Роксаны. Да, это был убогий домишко, чуть побольше хижины угольщика, – и в то же время настоящий дом, то, о чем всегда мечтала Роксана. Ей никогда не нравилось ночевать под открытым небом, даже если он выращивал для нее огненные цветы, охранявшие их сон.

Мегги читает

У каждой книги есть душа. Душа того, кто ее написал, и души тех, кто читал и переживал ее, и мечтал над ней.

Карлос Руис Сафон. Тень ветра

Когда в доме Элинора все стихло и луна залила сад своим светом, Мегги надела платье, которое сшила ей Реза. Несколько месяцев назад Мегги расспрашивала мать, во что одевались женщины в Чернильном мире.

– Какие женщины? – откликнулась Реза. – Крестьянки? Комедиантки? Княжеские дочери? Служанки?

– А ты что носила? – спросила Мегги.

Тогда Реза с Дариусом поехали в ближайший городок и купили там ткань, простую, грубую ткань красного цвета. Потом Реза попросила Элинора достать из кладовки старую швейную машинку.

– Такое платье я носила, когда жила служанкой в крепости Каприкорна, – пояснила она, накидывая на Мегги готовый наряд. – Для крестьянки оно было бы слишком нарядным, но для служанки богатого человека – в самый раз. А Мортала очень гордилась тем, что мы одеты лишь немного хуже, чем прислуга герцога, хотя прислуживаем всего лишь банде разбойников.

Мегги подошла к зеркалу на дверце шкафа и внимательно оглядела себя. Ощущение было странное. В Чернильном мире она тоже будет чужой, платье тут ничего не изменит. «Чужой, как Сажерук здесь, – подумала она и вспомнила несчастное выражение его глаз. – Чушь! – сердито сказала она себе, откидывая назад волосы. – Я же не останусь там на десять лет».

Рукава у платья вышли немного коротки, да и в груди оно было тесновато.

– Ах ты Господи, Мегги! – воскликнула Элинора, впервые заметившая, что грудь у Мегги уже не плоская, как переплет книги. – Ты, кажется, окончательно вышла из возраста Пеппи Длинныйчулок?

Для Фарида не отыскалось подходящего наряда ни на чердаке, ни в чемоданах в кладовке, сколько ни рылась там Мегги, но мальчика это, кажется, не беспокоило.

– Подумаешь, – усмехнулся он. – Если все получится, мы сперва окажемся в лесу. Там до моих штанов точно никому дела не будет, а как только попадем в какое-нибудь населенное место, я сопру себе одежду!

Для него всегда все было просто. Угрызения совести, которые испытывала Мегги перед Мо и Резой, были ему так же непонятны, как ее хлопоты о подходящей одежде.

– Это еще почему? – спросил он, недоумевающе глядя на нее, когда она призналась, что не смеет глядеть в глаза Мо и матери с тех пор, как решила уйти с ним.

– Тебе тринадцать лет! Они бы наверняка скоро выдали тебя замуж, правда?

– Выдали замуж? – Мегги почувствовала, как краска заливает ей лицо. И зачем только она заговорила об этом с мальчиком из «Тысячи и одной ночи», из мира, где женщины бывали только прислугой, рабынями или обитательницами гарема?

– И потом, – добавил Фарид, великодушно не замечая, как она покраснела, – ты ведь все равно не собираешься оставаться там надолго.

Ну конечно, оставаться надолго она не собиралась. Мегги хотела увидеть и услышать Чернильный мир, ощутить его запах и вкус и вернуться домой, к Мо и Резе, к Элинора и Дариусу. Правда, тут была одна загвоздка: слова Орфея, может быть, отнесут ее в историю Саже-рука, но уж точно не обратно. Только один человек мог помочь ей вернуться – Фенолио, творец того мира, куда они собирались уйти, создатель стеклянных человечков и синекожих фей,

Сажерука, но также и Басты. Да, только Фенолио сможет отправить ее назад. Всякий раз, когда Мегги думала об этом, решимость покидала ее и ей хотелось отказаться от своей затеи, вычеркнуть два слова, которые она добавила в листок Орфея: «и девочку...»

А если она не отыщет Фенолио? Что, если его уже и нет там, в его истории? «Да ладно! Конечно, он там! – говорила Мегги себе каждый раз, как у нее начинало колотиться сердце от этой мысли. – Он же не может сам вчитать себя обратно – для этого ему нужен чтец!» А что, если Фенолио нашел там себе другого чтеца, такого, как Орфей или Дариус? Ведь дар этот, похоже, не так уникален, как они с Мо раньше думали.

«Нет! Он все еще там! Наверняка!» – твердила Мегги, в сотый раз перечитывая прощальное письмо родителям. Она сама не знала, почему взяла для него ту мраморную бумагу, которую они с Мо вместе раскрашивали. Вряд ли это его смягчит.

Мо, родной! Дорогая Реза! (Мегги знала свое письмо наизусть).

Пожалуйста, не волнуйтесь за меня. Фарид должен найти Сажерука и предупредить его про Басту, и я иду с ним. Я не задержусь там надолго, я хочу только взглянуть на Непроходимую Чащу и на Жирного Герцога, на Козимо Прекрасного и, может быть, еще на Черного Принца с его медведем. А еще я хочу снова увидеть фей, стеклянных человечков и Фенолио. Он отправит меня обратно. Вы ведь знаете, что он это умеет. Не волнуйтесь. Ведь Каприкорна там больше нет.

До скорой встречи! Целую и обнимаю вас крепко-крепко.

Мегги

P. S. Мо, я принесу тебе оттуда какую-нибудь книгу. Там наверняка есть чудесные книги, рукописные, с множеством картинок, как у Элинор под стеклом, только намного красивее. Пожалуйста, не сердись на меня.

Она три раза рвала это письмо и писала снова, но лучше оно от этого не стало. Ведь нет таких слов, которые помешают Мо рассердиться, а Резе плакать от страха за нее – как в тот день, когда она пришла из школы на два часа позже обычного. Она положила письмо на свою подушку – здесь они его точно увидят – и снова подошла к зеркалу. «Мегги, что ты делаешь? – подумала она. – Что ты делаешь?» Но отражение ничего не ответило.

Фарид, постучавшись в комнату Мегги незадолго до полуночи, оторопел, увидев ее в новом платье.

– У меня нет подходящих туфель, – сказала она, – но платье, к счастью, такое длинное, что сапог почти не видно, правда?

Фарид кивнул.

– Тебе очень идет, – пробормотал он смущенно.

Впустив его, Мегги заперла дверь на ключ и вынула его, чтобы замок можно было открыть снаружи. У Элинор есть запасной ключ, правда, она наверняка не помнит, где он лежит, но уж Дариус-то знает... Она снова взглянула на письмо...

Через плечо у Фариды висел рюкзак, который они нашли на чердаке.

– Да, пусть забирает, – ответила Элинор на вопрос Мегги. – Эта штука принадлежала моему страшно противному дяде. Пусть мальчишка сует туда свою вонючую куницу. Я буду только рада.

Куница!

Сердце замерло в груди у Мегги.

Фарид не знал, почему Сажерук не взял с собой куницу, и Мегги ему не объяснила, хотя прекрасно понимала, в чем дело. Ведь она же сама рассказала Сажеруку, какую роль играет куница в его истории: он погибнет из-за Гвина, погибнет жестокой кровавой смертью, если все случится, как написал Фенолио.

Но Фарид лишь виновато покачал головой, когда она спросила о Гвине.

– Он сбежал! Я привязал его в саду, потому что Книгожорка прожужжала мне все уши своими птичками, но Гвин перегрыз веревку. Я искал его везде, но он как сквозь землю провалился.

Умница Гвин.

– Ему все равно придется остаться здесь, – сказала Мегги. – Орфей ничего про него не написал. Реза о нем позаботится. Она его любит.

Фарид кивнул, грустно поглядел в окно, но возражать не стал.

Непроходимая Чаша... Туда доставят их слова Орфея. Фарид знал, куда Сажерук собирался идти потом: в Омбру, к замку Жирного Герцога. Мегги надеялась найти там и Фенолио. Он ей много рассказывал об Омбре в ту пору, когда оба они были узниками Каприкорна.

– Да, если бы я мог выбрать себе место по душе в Чернильном мире, – сказал он Мегги как-то ночью, когда они не могли уснуть, потому что молодчики Каприкорна опять палили под окнами в кошек, – я поселился бы в Омбре. Ведь Жирный Герцог – большой любитель книг, чего не скажешь о втором правителе – Змееглаве. Да, в Омбре писателю, пожалуй, жилось бы хорошо. Комнатка где-нибудь под самой крышей, в квартале сапожников и изготовителей конской сбруи, – у них не так отвратительно воняет, стеклянный человечек, который точил бы мне перья, пара порхающих над кроватью фей и вид из окна на улочки с их пестрой жизнью...

– Что ты берешь с собой? – Голос Фариды вывел Мегги из задумчивости. – Ты ведь знаешь, много нам брать нельзя.

– Ну конечно, знаю.

За кого он ее принимает? Он думает, раз она девочка, то потащит с собой чемодан нарядов? Она возьмет с собой только старый кожаный мешок, который сшил ей Мо, когда она была еще маленькая. Мегги всегда брала его с собой в дорогу. Он будет напоминать ей о Мо и, надо надеяться, будет смотреться в Чернильном мире так же естественно, как Резино платье. Правда, этого нельзя сказать о вещах, которые она туда сложила: зубная щетка из предательской пластмассы, как и пуговицы на шерстяной кофте, а также пара карандашей, складной ножик, фотография родителей и фотография Элинора. Дольше всего Мегги размышляла, какую книгу с собой взять. Отправиться в путешествие без книги было для нее так же невыносимо, как без смены белья, но багаж должен быть легким, поэтому речь могла идти только о томике в мягкой обложке.

«Книги в купальных костюмах, – называл их Мо. – В обычных условиях мало прилично, однако очень полезная вещь, когда едешь в отпуск».

На полках Элинора не было ни одной книжки в таком издании, но кое-что отыскалось у самой Мегги. В конце концов она остановилась на той, что подарила ей Реза, – сборнике рассказов, где действие всякий раз происходило на том самом озере, у которого стоял дом Элинора. Так она как будто захватит с собой кусочек родного дома – потому что дом Элинора стал для нее родным. Каким не бывало прежде ни одно из мест, где им случалось жить. И кто знает, может быть, эти слова помогут Фенолио вернуть ее обратно, в ее историю...

Фарид шагнул к окну. Оно было открыто, и в комнату задувал прохладный ветер. Он шевелил сшитые Резой занавески, и Мегги зябко ежилась в своем непривычном платье. Ночи были еще теплые, но что за погода ожидает их в Чернильном мире? А вдруг там зима?

– Я должен с ним хотя бы попрощаться, – пробормотал Фарид. Он высунулся в окно и тихо позвал, прищелкивая языком: – Гвин!

Мегги поспешно оттащила его от окна.

– Прекрати! – строго сказала она. – Ты решил весь дом перебудить? Говорю ж тебе: Гвину здесь будет хорошо. Он, наверное, давно уже нашел себе самочку. Их тут столько! Элинора даже боится, что они сожрут соловья, который поет у нее под окном.

Лицо у Фариды стало совсем несчастное, но от окна он отошел.

– Зачем ты оставляешь его открытым? – спросил он. – А если Баста...

Он не договорил.

– Сигнализация Элинора срабатывает и при открытом окне, – ответила Мегги, укладывая в мешок подаренный Мо блокнот.

У нее была причина не закрывать окно. Однажды ночью в приморской гостинице неподалеку от деревни Каприкорна она уговорила Мо прочитать ей стишок. Там говорилось о лунной птице, дремлющей в пахнущем мятой воздухе. На следующее утро птица билась в их номере об оконное стекло, и Мегги не могла забыть, как маленькая головка снова и снова ударялась о прозрачную преграду. Нет уж, пусть лучше окно остается открытым.

– Давай сядем рядышком на диван, – сказала она. – Рюкзак повесь на плечо.

Фарид послушался. Он присел на диван так же робко, как до этого на стул. Диван был старый, обитый потертым зеленым плюшем, с кистями и пуговицами. «У тебя будет уютное местечко для чтения», – сказала в свое время Элинора, затаскивая его с помощью Дариуса в комнату Мегги. Что она скажет, когда увидит, что племянницы нет? Поймет ли ее Элинора? «Сначала она будет чертыхаться! – подумала Мегги, наклоняясь к своему школьному портфелю. – А потом скажет: «Черт побери, ну почему эта дуреха меня с собой не прихватила?» Да, Элинора наверняка так скажет». Мегги уже начинала скучать по тетушке, но постаралась выбросить ее из головы. И ее, и Резу, и Мо. Прежде всего Мо, а то она еще представит себе, какой у него будет вид, когда он прочтет ее письмо... Нет!

Она поспешно сунула руку в портфель и достала учебник географии. Листок, который принес Фарид, лежал рядом с тем, который она переписала, но Мегги взяла только тот, что был исписан ее рукой. Фарид отодвинулся, когда она села рядом с ним, и на мгновение в его глазах промелькнул страх – или ей показалось?

– В чем дело? Ты передумал?

– Нет! Просто... с тобой ведь такого никогда не бывало, правда?

– Какого?

Мегги впервые заметила, что у него уже начинает пробиваться борода. Эта растительность выглядела так странно на мальчишеском лице.

– Ну... то, что случилось с Дариусом.

Ах вот оно что! Он боится оказаться в мире Сажерука с изуродованным лицом, негнущейся ногой или немым, как Реза.

– Нет, конечно! – В ее голосе прозвучала невольная обида.

Хотя... Разве она точно знает, что Фенолио перенесся туда цел и невредим? И Фенолио, и оловянный солдатик... Она ведь больше не видела тех, кого отправила по ту сторону букв. Только тех, кто приходил оттуда! «Ну и что? Не надо так долго раздумывать, Мегги. Читай, или мужество оставит тебя раньше, чем ты почувствуешь на языке первое слово...»

Фарид откашлялся, как будто это он собирался читать, а не она.

Чего она еще ждет? Чтобы в дверь постучался Мо и удивился, зачем она заперлась? В соседней комнате давно было тихо. Ее родители спали. «Не думай о них, Мегги! Ни о Мо, ни о Резе, ни об Элиноре, только о словах... и о том месте, куда они должны тебя перенести, месте, полном чудес и приключений».

Мегги посмотрела на красивые черные буквы. Она нащупывала языком вкус первых слогов, пыталась представить себе тот мир, о котором нашептывали буквы – деревья, птиц, чужое небо, – и наконец, преодолевая сердцебиение, начала читать. Сердце у нее колотилось почти так же сильно, как в ту ночь, когда ее голосу предстояло стать убийцей. А ведь сейчас от нее требуется куда меньше. Она должна всего лишь распахнуть дверь, маленькую дверцу для себя и Фариды...

Свежий запах листвы ударил ей в ноздри. Потом все исчезло: письменный стол, лампа возле него и открытое окно. Последнее, что увидела Мегги, был Гвин, таращившийся на нее с подоконника.

Чернильный мир

Венди, Джон и Майкл, перепуганные насмерть, ясно ощутили разницу между островом понарошку и тем, когда он, придуманный ими самими, вдруг становится существующим на самом деле.

Джеймс М. Барри. Питер Пэн⁵

Был день. Солнечный свет пробивался сквозь густую листву. На озерце неподалеку плясали тени, и рой красных эльфов проносился над темной водой.

«У меня получилось! – Это была первая мысль Мегги, когда она заметила, что слова и в самом деле раскрылись перед ней, что она уже не в доме Элинон, а в другом, совсем другом месте. – Получилось! Вчитать себя, саму себя!» Да, она и вправду проскользнула между словами, как ей часто мечталось. Но ей не пришлось для этого влезать в шкуру одного из персонажей – нет, она сама, какая есть, будет участвовать в этой истории. Она, Мегги. Это не удалось даже Орфею. Он смог вчитать назад Сажерука, но не себя самого. Никому, кроме нее, это пока не удавалось – ни Орфею, ни Дариусу, ни Мо.

Мо.

Мегги оглянулась, словно надеясь, что он стоит у нее за спиной, как всегда бывало в незнакомых местах. Но там был лишь Фарид, осматривавшийся так же недоуменно, как она. Дом Элинон остался далеко-далеко. Родители – далеко. И пути назад нет.

На Мегги вдруг черной соленой волной нахлынул страх. Она почувствовала себя одинокой, потерянной. Это не ее мир! Что она натворила?

Она смотрела на листок у себя в руке, теперь совершенно бесполезный, на эту приманку, которую она проглотила, – и книга Фенолио поймала ее. Торжество, только что пьянившее ее, как ветром сдуло. Его сменил ужас – Мегги вдруг испугалась, что совершила чудовищную, вовеки непоправимую ошибку. Она силилась отыскать в своем сердце какие-нибудь другие чувства, но они все исчезли, даже любопытство к незнакомому миру. «Обратно! Хочу обратно!» Других мыслей у нее сейчас не было.

Зато Фарид оглядывался и улыбался:

– Мегги, смотри, какие деревья! Они правда достают до самого неба! Ты только взгляни!

Он ощупал свое лицо, потрогал пальцем нос, губы, оглядел свои ноги и, убедившись, что все, похоже, в целости, принялся скакать от радости, как кузнечик. Он покачался на древесных корнях, вившихся среди густого мха, точно змеи, прыгнул с одного на другой и закружился, раскинув руки, пока у него не потемнело в глазах, так что он вынужден был прислониться к ближайшему стволу. Не переставая смеяться, он оперся спиной о дерево такой толщины, что пятеро взрослых мужчин не смогли бы обхватить его, и поглядел вверх, на густо сплетенные кроны.

– Мегги, у тебя получилось! Получилось! – воскликнул Фарид. – Слышал, Сырная Голова? У нее получилось! С помощью твоих же слов. То, что ты тысячу раз пытался сделать. Она это может, а ты нет!

Он снова засмеялся, радуясь, как маленький ребенок, пока не заметил, что Мегги упорно молчит.

– Что с тобой? – спросил он, испуганно показывая на ее рот. – Ты ведь не...

Потеряла голос, как мама? А вдруг и вправду? Язык плохо ее слушался, но Мегги все же выговорила:

– Нет, со мной все в порядке.

⁵ Перевод И. Токмаковой.

Фарид улыбнулся с облегчением. Его хорошее настроение немного успокоило Мегги, и она наконец тоже по-настоящему огляделась. Они оказались в широкой долине, покрытой густым лесом, между холмами, на склонах которых деревья так теснились друг к другу, что их кроны переплелись. На холмах росли каштаны и каменные дубы, ниже – ясени и тополя, к зелени которых местами примешивалась серебристая листва плакучей ивы. Непроходимая Чаща не зря получила такое название. Казалось, у нее нет ни начала, ни конца – зеленое море, в котором так же легко утонуть, как в том, другом, соленом и мокром.

– Невероятно, правда? Невероятно здорово!

Фарид засмеялся так весело, что какой-то зверь, не видный в листве, сердито затаивал на них.

– Сажерук рассказывал про эти места, но на самом деле все еще красивее. Я не представлял, что бывает столько разных листьев. А цветы и ягоды! С голоду мы здесь не умрем!

Фарид сорвал круглую черную ягоду, понюхал и сунул в рот.

– Я знал одного старика, – сказал он, утирая губы, – который ночами у костра рассказывал о рае. Точно так он его и описывал: ковер из мха, прохладные озера, повсюду цветы и сладкие ягоды, деревья, достающие до самого неба, а над головой листья шепчутся с ветром. Ты их слышишь?

Да, Мегги их слышала. И видела эльфов, целые рои крошечных краснокожих созданий. Огненные эльфы. Реза рассказывала ей о них. Как мошки, кружились они над озерцом в нескольких шагах от них. Озерцо окружали кусты с красными цветами, и вода была покрыта увядшими лепестками.

Синекожих фей Мегги не обнаружила, зато мотыльков, пчел, серебристой паутины с еще не просохшей росой, ящериц, кроликов было сколько угодно. Кругом слышались шорохи, хруст, жужжание, стрекот, шипение. Жизнь в этом мире, похоже, была ключом, и все же здесь было тихо, так чудесно тихо, как будто время остановилось, как будто мгновения не имеют начала и конца.

– Как ты думаешь, он тоже был тут? – Фарид озирался по сторонам с такой нетерпеливой надеждой, словно ждал, что Сажерук вот-вот выйдет из-за деревьев. – Ну да, конечно. Орфей ведь должен был вчитать его на то же место, правда? Он рассказывал об этом озерце, о красных эльфах и вон о том дереве со светлой корой, на котором у них гнезда. Надо идти вниз по ручью, говорил он, на север, потому что на юге царствует Змееглав и там тебя повесят раньше, чем ты успеешь назвать свое имя. Погляжу-ка я лучше на все это сверху!

И Фарид проворно, как белка, взлетел вверх по стволу молодого дерева. Не успела Мегги оглянуться, он уже перескочил оттуда по тонкой ветке в крону дуба-великана.

– Что ты делаешь? – крикнула она ему вслед.

– Оттуда лучше видно!

Фарид уже почти скрылся среди ветвей. Мегги сложила листок со словами Орфея и сунула в свой мешок. Ей больше не хотелось видеть эти буквы, они казались ей теперь ядовитыми насекомыми или тем пузырьком с ядом из «Алисы в Стране чудес»: «Выпей меня!» Рука ее натолкнулась на блокнот в мраморной обложке, и она вдруг расплакалась.

– Когда увидишь хижину угольщика, сказал Сажерук, знай, что ты выбрался из Непроходимой Чащи. – Голос Фариды доносился из густой зелени наверху, словно пение неведомой птицы. – Я запомнил все, что он мне говорил, до единого слова. Если я захочу, слова прилипают к моей памяти, как мухи к смоле. Мне не нужна бумага, чтобы удержать их, это уж точно. «Стоит тебе увидеть угольщиков и черные дыры, которые они прожигают в зеленом покрове леса, можешь не сомневаться, что мир людей уже недалеко». Так он сказал. «Двигайся вниз по ручью. Он поведет тебя на север, а тебе и нужно на север, пока ты не увидишь на восточном склоне холма высоко над рекой замок Жирного Герцога, серый, как осиное гнездо, а вокруг него – город, где на рыночной площади можно устроить огненное представление...»

Мегги опустилась на колени среди цветов. Здесь были фиалки и колокольчики, уже увядающие, но пахнувшие так сладко, что у нее закружилась голова. Между ними летала оса – или она только казалась осой? Что перенес сюда Фенолио из своего мира и что выдумал? Все здесь было одновременно знакомым и непривычным.

– Хорошо, что я так подробно расспрашивал Сажерука обо всем, правда?

Мегги увидела босые ступни Фариды. Они мелькали среди листьев на головокружительной высоте.

– Сажеруку часто не хотелось ночами спать, он боялся своих снов. Порой его мучили кошмары, тогда я будил его, мы садились у огня и я расспрашивал его обо всем. Это я умею. Я настоящий мастер расспросов. Да, это у меня получается.

Мегги невольно улыбнулась – столько гордости было в его голосе. Она вглядывалась в лиственный полог над головой. В кронах деревьев мелькали желтые и красные пятна, как и в саду у Элинора. Похоже, оба мира живут в одном времени. Всегда это было так или случилось лишь в тот день, когда Мо неразрывно связал обе истории, переместив Каприкорна, Басту и Сажерука из одной в другую? Ответ она, наверное, никогда не узнает, потому что как его можно узнать?

Под колючим кустом, густо усыпанным темными ягодами, послышался шорох. Волки и медведи, пятнистые кошки – о них Реза тоже рассказывала. Мегги невольно отступила на шаг, но ее платье зацепилось за высокий репейник, покрытый белой пылью.

– Фарид! – позвала она, сердясь на себя за страх, пробивавшийся в голосе. – Фарид!

Но он ее, похоже, не слышал. Он продолжал что-то рассказывать себе под нос, беззаботный, как птичка в солнечный день, оставив Мегги тут внизу, среди теней, шевелящихся, наблюдающих, рычащих... А может быть, это змея? Она так резко дернула платье, что оно порвалось. Мегги попятилась, пока не почувствовала спиной шершавую кору дуба. Змея скользнула прочь так быстро, как будто до смерти перепугалась, увидев девочку, но шевеление под кустом продолжалось, и вдруг из колючих ветвей высунулась пушистая круглая мордочка с крошечными рожками.

– Нет! – прошептала Мегги. – Только не это!

Гвин смотрел на нее почти укоризненно, словно она виновата в том, что у него вся шкурка в колючих шипах.

Сверху снова послышался голос Фариды. Он, видимо, спускался наконец со своего наблюдательного пункта.

– Ни хижины, ни замка, ничего! – крикнул он. – Видно, нам еще несколько дней брести по этому лесу. Но Сажерук так и хотел. Он хотел здесь задержаться. Мне кажется, по деревьям и феям он тосковал даже больше, чем по людям. Деревья, конечно, тут хороши, но не знаю, как тебе, а мне хочется поскорее увидеть крепость, других комедиантов и латников...

Фарид соскочил в траву, запрыгал на одной ножке по ковру из синих цветов и вскрикнул от радости, увидев куницу.

– Гвин! Ну я же знал, что ты меня слышишь. Иди сюда, отродье змея и ведьмы! Представляешь, какие глаза будут у Сажерука, когда мы принесем-таки ему его старого друга, а?

«Да уж! – подумала Мегги. – У него, наверное, колени подогнутся и перехватит дыхание от страха!»

Фарид присел на корточки, и куница прыгнула ему на колено и нежно лизнула в подбородок. Всех остальных Гвин кусал, даже Сажерука, но с Фаридом он вел себя как ласковый котенок.

– Прогони его, Фарид! – Голос Мегги прозвучал резче, чем ей хотелось.

– Прогнать? – Фарид рассмеялся. – Что ты такое говоришь? Что ты ей сделал, Гвин? Положил дохлую мышь на одну из ее драгоценных книг?

– Прогони его, говорю тебе! Он не пропадет, ты это прекрасно знаешь! Пожалуйста! – добавила она, увидев ошеломленный взгляд Фариды.

Он поднялся с куницей на руках. Такого враждебного выражения Мегги никогда еще не видела на его лице. Ну что ж. Придется ему все-таки рассказать. Но как?

– Значит, Сажерук тебе не говорил?

– Чего? – Похоже, Фариду хотелось ее ударить.

Над ними в кронах угрожающе шелестел ветер.

– Если ты не прогонишь Гвина, – каждое слово давалось Мегги с трудом, – это сделает Сажерук. Но тогда он прогонит и тебя вместе с ним.

Куница неотрывно смотрела на нее.

– Но почему? Ты просто не любишь Гвина, вот и все. Ты и Сажерука-то никогда не любила, ну а Гвина и подавно.

– Неправда! Ты ничего не понимаешь! – От досады Мегги почти кричала. – Он погибнет из-за Гвина! Сажерук погибнет, так придумал Фенолио! Может быть, теперь история изменилась, может быть, теперь это совсем новая история и все, что написано в книге, лишь набор мертвых букв, но...

У Мегги не было сил продолжать. Фарид застыл на месте и только потряхивал головой, как будто ее слова вонзались туда, как иглы, причиняя боль.

– Он погибнет? – Мальчик говорил еле слышно. – В книге Сажерук гибнет?

С каким потерянным видом стоит он перед ней, не выпуская из рук куницу! На деревьях кругом Фарид смотрел теперь с ужасом, как будто каждое из них намеревается убить Сажерука.

– Но... если бы я знал, – пробормотал он, – я бы отобрал у Сырной Головы его проклятый листок и разорвал на клочки! Я бы не дал ему вчитать Сажерука обратно!

Мегги молча смотрела на него. Что она могла сказать?

– Кто его убивает? Баста?

Над ними прыгали две белочки со светлыми крапинками, будто их обрызгали белой краской. Куница хотела броситься за ними, но Фарид крепко схватил ее за хвост.

– Один из молодцов Каприкорна, больше у Фенолио ничего не написано.

– Но ведь они все мертвы!

– Этого мы не знаем.

Мегги хотелось его утешить, но она не знала как.

– Что, если в этом мире они все еще живы? Но даже если нет – Мо и Дариус наверняка вычитали не всех, хоть несколько подручных Каприкорна тут осталось. Сажерук хочет спасти от них Гвина, и за это они его убивают. Так написано в книге, и Сажерук об этом знает, поэтому он и не взял куницу с собой.

– Да, он ее не взял.

Фарид оглядывался, словно хотел найти выход, какой-нибудь способ отправить зверька обратно. Гвин ткнулся ему носом в щеку, и Мегги увидела слезы в глазах мальчика.

– Жди здесь! – сказал он, круто повернулся и пошел с куницей прочь.

Через несколько шагов лес поглотил его, как лягушка муху, как сова – мышь, и Мегги осталась одна-одинешенька среди цветов, многие из которых росли и в саду Элинора. Но это был не сад Элинора. Это был вообще другой мир. И на этот раз она не могла просто закрыть книгу, чтобы вернуться назад, в свою комнату, на свой диван, пропитанный запахом Элинора. Мир по ту сторону букв был велик – разве она этого не знала раньше? – достаточно велик, чтобы потеряться в нем на вечные времена... И лишь один человек мог открыть ей путь обратно – старик, о котором Мегги ничего не знала, не знала даже, где его искать в этом им же созданном мире. Она понятия не имела, жив ли он еще. Может ли быть, что мир живет, а его создатель уже умер? Почему бы и нет? Разве книга перестает существовать, когда умирает ее автор?

«Что я натворила? – думала Мегги, дожидаясь Фариды. – Мо, что я натворила? Ты не можешь вернуть меня обратно?»

Ушла

*Я проснулся и понял, что он ушел. Я сразу понял, что он ушел.
Когда любишь, такое понимаешь сразу.
Дэвид Алмонд. Скеллиг*

Мо сразу понял, что Мегги ушла. Понял в ту минуту, когда постучал к ней в комнату и ему ответила тишина. Реза внизу накрывала с Элинон завтрак. Он слышал позвякивание тарелок, но оно до него не доходило, он молча стоял перед закрытой дверью и слушал биение собственного сердца. Как сильно оно колотится, как быстро.

– Мегги!

Он нажал на ручку, но дверь была заперта. Мегги никогда не запиралась, никогда.

Сердце колотилось в горле так, что он задыхался. Тишина за дверью звучала страшно и знакомо. Вот так же она отдавалась в его ушах в тот день, когда он все звал и звал Резу. Отклика ему пришлось ждать десять лет.

Только не это – снова. Господи, только не это. Не Мегги.

Из-за двери ему слышался шепот книги, проклятой книги Фенолио, шелест страниц, хищных, как оскаленные зубы.

– Мортимер! – У него за спиной стояла Элинон. – Яичница остыла. Что это вас никого нет? О Господи!

Она испуганно посмотрела ему в лицо и взяла его за руку:

– Что с тобой? Ты бледный как смерть.

– Элинон, у тебя есть запасной ключ от комнаты Мегги?

Она сразу все поняла. Да, Элинон, как и он, сразу угадала, что произошло за запертой дверью в эту ночь, пока все они спали. Она сжала его руку, молча повернулась и заспешила вниз по лестнице. А Мо прислонился к двери и слушал, как она зовет Дариуса, как, чертыхаясь, ищет ключ, и смотрел на книги, на стеллажи, плотным рядом стоявшие по всему длинному коридору. Реза бегом взлетела по лестнице, в лице у нее не было ни кровинки. Она стала спрашивать, что случилось, ее руки метались, как вспугнутые птицы. Но что он мог ей ответить? «Ты не догадываешься? Разве ты мало ей об этом рассказывала?»

Мо снова нажал ручку двери, как будто она могла вдруг оказаться открытой. Мегги исписала всю дверь цитатами. Теперь они казались ему магическими заклинаниями, начертанными детской рукой на белом лаке: «Перенесите меня в другой мир! Ну пожалуйста! Я знаю, вы это умеете! Мой отец показывал мне, как это делается». Странно, что сердце не останавливается, когда ему так больно. Но ведь оно не остановилось и десять лет назад, когда буквы поглотили Резу.

Элинон потянула его в сторону и дрожащими руками вставила ключ в замочную скважину. При этом она сердито окликала Мегги, как будто не знала уже, что за дверью их ждет лишь одно: тишина, как в ту ночь, когда Мортимер научился бояться собственного голоса.

Он вошел в пустую комнату последним, задержавшись на пороге. На подушке у Мегги лежало письмо. «Милый Мо...» Дальше он читать не стал, не хотел видеть слова, которые будут только терзать его сердце. Пока Реза жадно читала письмо, он оглядывался в поисках другого листка, листка, который принес Фарид, но его нигде не было. «Ну конечно, его здесь нет, идиот! – сказал он себе. – Мегги унесла листок с собой, ведь он был у нее в руках, пока она читала». Лишь годы спустя он узнал от дочери, что листок Орфея все же был в ее комнате, в книге, конечно, где же еще. В учебнике по географии. А если бы Мо его тогда нашел? Смог бы он пойти за Мегги? Наверное, нет. Для него был уготован в эту историю другой путь, темнее, труднее.

– Может быть, она просто сбежала с мальчишкой! Девочки в ее возрасте выкидывают такие штуки. Я, конечно, ничего в этом не понимаю, но...

Голос Элинора доносился до него словно издали. Реза вместо ответа протянула ей письмо, оставленное на подушке.

Ушла. Мегги ушла.

У него больше нет дочери.

Вернется она когда-нибудь, как ее мать? Выудит ее чей-нибудь голос обратно из моря слов? Когда? Через десять лет, как Резу? Но тогда она будет взрослой, и он ее, наверное, даже не узнает. Все расплылось у него перед глазами: тетрадки и учебники Мегги на столе у окна, ее одежда, аккуратно сложенная на спинке стула, словно хозяйка и правда собиралась скоро вернуться, ее плюшевые звери с зацелованными до плешин мордочками, все еще жившие возле кровати, хотя Мегги давно не нуждалась в них, чтобы заснуть. Реза заплакала, беззвучно, прижав руку к немоу рту. Мо хотелось ее утешить, но как он мог это сделать с таким отчаянием в сердце?

Он повернулся, оттолкнул Дариуса, который застыл в дверях, похожий на грустного нахохлившегося филина, и пошел в свой кабинет, где все еще громоздились стопкой на столе проклятые блокноты. Он сбросил их на пол один за другим, как будто хотел заставить замолчать все эти слова, зачаровавшие его дитя, заманившие Мегги, как сказочный Крысолов, прочь от дома – туда, куда он когда-то уже не смог проникнуть вслед за Резой. Мо казалось, что он снова видит один и тот же дурной сон, но только на этот раз у него не было книги, на страницах которой он мог бы искать свою пропажу.

Позже он спрашивал себя, как он пережил этот день и не сошел с ума, и не мог вспомнить. Он помнил только, что много часов бродил по саду Элинора, словно Мегги могла отыскаться там под одним из больших деревьев, где так любила читать. Когда стемнело, он пошел искать Резу и застал ее у Мегги в комнате. Она сидела на пустой кровати и неотрывно смотрела на три крошечных существа, кружившихся под потолком, как будто отыскивая там дверь, через которую пришли. Мегги оставила окно открытым, но они туда не летели. Их, наверное, пугала незнакомая тьма за окном.

– Огненные эльфы, – сказали руки Резы, когда он сел рядом с ней. – Если они на тебя сядут, сгоняй их, а то обожгут.

Огненные эльфы. Мо вспомнил, что читал о них. В той самой книге. Похоже, на всем свете была теперь только одна книга.

– Почему их трое? – спросил он. – Один за Мегги, один за мальчика...

– Куницы, кажется, тоже нет, – сказали ее руки.

Мо чуть не рассмеялся. Бедняга Сажерук! Несчастье, видно, прилипло к нему прочно. Но Мо не чувствовал к нему сострадания. Сейчас, по крайней мере. Без Сажерука не было бы этих букв на листке бумаги, и у него была бы дочь.

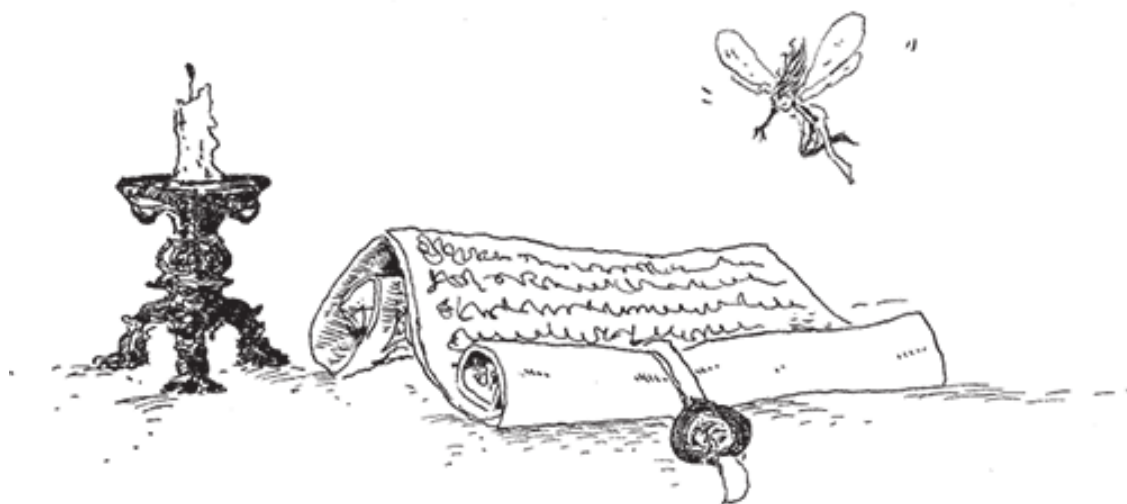
– Как ты думаешь, Мегги там хоть нравится? – спросил он, кладя голову на колени Резы. – Тебе ведь там понравилось, правда? По крайней мере, ты ей без конца об этом рассказывала.

– Прости меня, – сказали ее руки. – Прости.

Но он удержал ее пальцы.

– О чем ты? – тихо сказал он. – Ведь это я принес проклятую книгу в дом, разве ты забыла?

Они сидели молча, смотрели на бедных потерянных эльфов и молчали. В конце концов крошечные существа все же вылетели наружу, в чужую ночь. Когда их крохотные красные тельца исчезли в темноте, как гаснущие искры, Мо спросил себя, не бредет ли и Мегги сейчас через такую же густую тьму. Эта мысль преследовала его в путаных снах.

Незванные гости

– У людей есть сердца, – сказал он, – и они всегда могут прислушаться к их зову и сделать то, что полагается. Но у меня нет сердца, и потому приходится постоянно быть начеку.

Фрэнк Баум.

Великий чародей страны Оз⁶

С того дня, как исчезла Мегги, в доме Элинон снова поселилась тишина, но теперь у нее был другой вкус, чем в ту пору, когда только книги жили здесь вместе с хозяйкой. Тишина, заполнившая теперь комнаты и коридоры, отдавала грустью. Реза все плакала, а Мортимер молчал, как будто бумага и чернила поглотили не только его дочь, но и все слова на свете. Он проводил много времени у себя в мастерской, мало ел, почти не спал, и на третий день к Элинон прибежал встревоженный Дариус рассказать, что Мо складывает в дорожную сумку свои инструменты.

Когда Элинон вошла в мастерскую, запыхавшись, потому что Дариус слишком нетерпеливо тащил ее за собой, Мортимер как раз небрежно бросал в чемодан золотые клейма, за которые обычно брался так осторожно, будто они были стеклянные.

– Что ты, черт побери, делаешь? – резко спросила Элинон.

– Как ты думаешь? – ответил он, разбирая свой переплетный станок. – Я решил сменить профессию. Я не прикоснусь больше ни к одной книге, будь они все прокляты. Пусть другие слушают их истории и делают им новые платья. Я их больше знать не желаю.

Элинон попыталась призвать на помощь Резу, но та только покачала головой.

– Что ж, неудивительно, что от них обоих теперь толку мало, – заявила Элинон, сидя за завтраком вдвоем с Дариусом. – Как Мегги могла так с ними поступить? Чего она добивалась – разбить сердце своим родителям? Или доказать раз и навсегда, что книги – вещь опасная?

Дариус промолчал – его обычный ответ в эти печальные дни.

– О Господи, все молчат, как воды в рот набрали! – набросилась на него Элинон. – Надо же что-то делать, чтобы вернуть эту дуреху! Хоть что-нибудь! Не может быть, чтоб это было так уж сложно. У нас ведь в доме целых два Волшебных Языка!

Дариус с ужасом уставился на нее и подавился чаем. Он так давно не пользовался своим даром, что дар этот, наверное, казался ему страшным сном, о котором совсем не хочется вспоминать.

– Ладно, ладно, читать тебя никто не просит, – ворчливо успокоила его Элинон.

О Господи, это взгляд разбуженной совы! Ей хотелось взять Дариуса за плечи и потрясти.

– Читать может Мортимер. Но что читать? Подумай, Дариус! Если мы хотим вернуть Мегги, надо читать что-то о Чернильном мире или, наоборот, о нашем? Я что-то совсем запуталась. Может быть, надо написать что-нибудь вроде: «Жила-была ворчливая, нелюдимая женщина средних лет по имени Элинон, которая любила только свои книги. Так было до тех пор, пока у нее не поселилась племянница с мужем и дочерью. Элинон это очень понравилось, но однажды дочь отправилась в очень-очень глупое путешествие. Тогда Элинон поклялась, что отдаст все свои книги до единой, лишь бы девочка вернулась. Она стала складывать их в большие ящики, и, когда клала последнюю, Мегги вдруг появилась...» О Господи, да не гляди же на меня с таким сочувствием! – рывкнула она на Дариуса. – Я хоть пытаюсь что-то придумать! И потом, ты сам говорил: Мортимер – настоящий мастер, ему дай всего несколько фраз...

Дариус поправил очки.

⁶ Перевод О. Варшавер, Д. Псурцева, Т. Тульчинской.

– Да, всего несколько фраз, – сказал он своим мягким, неуверенным голосом. – Но это должны быть фразы, в которых отражается целый мир, Элино́р. Они должны быть сплетены так плотно, чтобы голос не проваливался сквозь них.

– Вот еще! – недовольно фыркнула Элино́р, хотя отлично знала, что он прав.

Мортимер как-то пытался почти теми же словами объяснить ей эту загадку: почему не всякая история оживает. Но сейчас ей вовсе не хотелось это слышать. «Провалиться бы тебе, Элино́р! – думала она. – Трижды провалиться за все те вечера, что ты просидела с этой глупышкой, расписывая ей, как чудесно было бы жить в другом мире, с феями, кобольдами и стеклянными человечками. Сколько их было, этих вечеров, и как часто ты смеялась над Мортимером, когда он просовывал голову в дверь и спрашивал, нельзя ли для разнообразия побеседовать о чем-нибудь другом, кроме Непроходимой Чаши и синекожих фей».

«Зато Мегги хотя бы знает об этом мире все, что ей может пригодиться, – думала Элино́р, утирая слезы с ресниц. – Она знает, что нужно опасаться Змееглава и его латников и что нельзя заходить слишком далеко в Непроходимую Чашу, потому что там тебя могут сожрать, разорвать на части или растоптать. Она знает, что, когда мимо проезжает кто-то из знати, нужно поклониться и что ей пока можно не покрывать волосы, потому что она всего лишь девочка... Черт, ну вот опять слезы!» Элино́р утирала их рукавом блузки, когда в дверь позвонили.

Она еще много лет спустя ругала себя за эту глупость – открыть, даже не посмотрев в глазок. Конечно, она была уверена, что это Реза или Мортимер. Ну да. Идиотка Элино́р. Какая же идиотка! Она поняла свою ошибку, только когда перед ней уже стоял в дверях незнакомый человек.

Он был небольшого роста, чуть полноват, с бледной кожей и такими же бесцветными светлыми волосами. Глаза за стеклами очков смотрели слегка удивленно, с невинным детским выражением. Незнакомец открыл было рот, когда Элино́р высунулась в дверь, но она не дала ему слова сказать.

– Как вы сюда попали? – рявкнула она на него. – Это частное владение. Вы что, не видели знак внизу на дороге?

Он приехал на машине. Этот бесстыжий кретин просто заехал наверх по ее личному отрезку дороги. Элино́р увидала его забрызганную грязью темно-синюю машину рядом со своим «комби». Ей показалось, что на переднем сиденье расположилась огромная собака. Этого еще не хватало!

– Нет, конечно, я его видел! – Незнакомец улыбался невиннейшей улыбкой, шедшей к его детскому лицу. – Ваш знак не заметить невозможно, спору нет, и я тысячу раз прошу у Вас извинения, госпожа Лоредан, за свое внезапное появление.

Ах ты Господи! Элино́р просто не нашлась, что ответить. У этого незнакомца с лицом, похожим на луну, голос был почти такой же красивый, как у Мортимера, глубокий и бархатистый, как диванная подушка. Этот голос настолько не вязался с круглым лицом и детскими глазами, что казалось, будто стоявший перед ней человек проглотил его настоящего обладателя и так присвоил себе этот бесценный дар.

– Можете оставить свои извинения при себе! – неприветливо сказала Элино́р, справившись с первым изумлением. – Просто убирайтесь отсюда немедленно, и все.

И она хотела захлопнуть дверь, но незнакомец снова улыбнулся (на этот раз его улыбка уже не казалась такой невинной) и просунул в щель свой башмак. Грязный коричневый башмак.

– Извините, госпожа Лоредан, – сказал он мягко, – но я приехал сюда из-за книги. Из-за уникальной книги. Конечно, я слышал, что у Вас изумительная библиотека, но вот этого экземпляра в Вашем собрании наверняка пока нет.

Элино́р сразу узнала книгу, которую он вытащил из кармана помятого льняного пиджака. Еще бы! Это была единственная книга на свете, при виде которой сердце Элино́р начинало

биться быстрее не из-за ее содержания, не из-за того, что это был особо редкий и ценный экземпляр. Нет. Сердцебиение Элинора было вызвано в данном случае одной-единственной причиной: страхом. Она боялась этой книги, как свирепого хищника.

– Откуда она у вас?

Об ответе она догадалась сама, только, к сожалению, слишком поздно. Внезапно в ее голове всплыло воспоминание о том, что рассказывал мальчик.

– Орфей! – прошептала она и хотела закричать со всей мочи, чтобы Мортимер услышал ее в мастерской, но не успела и пикнуть, как из-за кустов рододендрона быстро, как ящерица, выскользнул человек и зажал ей рот.

– Ну что, Книгожорка? – прошипел он ей в ухо.

Как часто Элинора слышала этот голос в страшных снах и всякий раз начинала задыхаться! Но и среди бела дня он действовал на нее не лучше. Баста грубо втолкнул ее в дом. Конечно, в руке у него был нож. Элинора легче было представить Басту без носа, чем без ножа. Орфей повернулся и замахал рукой в сторону своей машины. Оттуда вышел здоровенный верзила, не спеша обошел вокруг, открыл дверцу и помог выбраться старухе на заднем сиденье.

Мортола.

Еще один постоянный персонаж в кошмарах Элинора. Ноги старухи под темными чулками были сплошь перебинтованы. Ступая под руку с Верзилой к дому Элинора, она другой рукой опиралась на палку. И все же Мортола вошла в прихожую с таким решительным видом, словно собиралась отныне забрать дом в свое распоряжение, и при этом смерила Элинора взглядом, исполненным ненависти, так что у той подкосились колени, хотя она изо всех сил старалась не показать страха. Перед ней проносились тысячи ужасных воспоминаний: клетка, пахнувшая сырым мясом, площадь, освещенная ярким светом прожекторов, и страх, ужасающий страх...

Баста закрыл за Мортолой входную дверь. Он совсем не изменился: то же худое лицо, характерный прищур, и на шее конечно же амулет – защита от несчастья, поджидавшего Басту под каждой лестницей и за каждым кустом.

– Где остальные? – рявкнула Мортола на Элинора.

Верзила в это время с туповатым выражением оглядывался по сторонам. Похоже, он был не на шутку изумлен, увидев такое количество книг. Вероятно, он терзался вопросом, что же можно делать с такой кучей.

– Остальные? Не понимаю, о ком вы! – Элинора казалось, что для женщины, помертвевшей от страха, она говорит удивительно твердым голосом.

Мортола сердито выпятила маленький круглый подбородок.

– Все ты отлично понимаешь. Где Волшебный Язык, его ведьма-дочка и прислуга, которую он называет своей женой? Мне распорядиться, чтобы Баста поджег парочку твоих книжек, или ты их добровольно позовешь?

«Баста? Но Баста же боится огня», – хотела ответить Элинора, но вовремя удержалась. Поднести спичку к книжному корешку совсем не трудно. С этим, наверное, справится даже Баста, как бы он ни боялся огня, а у Верзилы, похоже, мозгов было недостаточно, чтобы бояться чего бы то ни было. «Я должна задержать их здесь, – думала Элинора. – Ведь они не знают ни о мастерской в саду, ни о том, что у нас живет Дариус».

И в ту же минуту услышала голос Дариуса:

– Элинора!

Она не успела ответить – Баста снова зажал ей рот. Она слышала, как Дариус идет по коридору своей обычной семенящей походкой.

– Элинора! – позвал он снова.

И вдруг его шаги стихли так же внезапно, как и голос.

– Какой сюрприз! – проворковал Баста. – Ты рад нас видеть, Запинающийся Язык? Тебя пришли навестить несколько старых друзей.

Левая рука Басты была перевязана. Элинор впервые заметила это, когда он отнял пальцы от ее рта, и вспомнила о фыркающем существе, которое, по словам Фарида, появилось из книги вместо Сажерука. «Какая жалость, что оно не откусило побольше от нашего старого друга с ножиком!» – подумала она.

– Баста! – пробормотал Дариус еле слышно.

– Да, Баста! Я пришел бы пораньше, не сомневайся, но меня на время упрятали в кутузку за одну очень давнюю историю. Едва Каприкорна не стало, они вдруг очень осмелели – все те, кто при нем и пикнуть не решался. Ну и что? В конце концов это пошло мне на пользу, потому что... Угадай, кого они однажды втолкнули ко мне в камеру? Настоящего имени мне так и не удалось из него вытянуть, поэтому назовем его так, как он сам себя называет: Орфей!

Он с такой силой хлопнул Орфея по спине, что тот с трудом удержался на ногах.

– Да, старину Орфея! – Баста обнял его за плечи. – Видно, дьявол и правда обо мне заботится, что сделал именно его моим соседом по камере. А может быть, наша история так тоскует по нас, что послала его ко мне? Как бы то ни было, мы неплохо провели время, правда?

Орфей не поднял на него глаз. Он смущенно теребил свою куртку и разглядывал книжные полки Элинор.

– Черт, ты только посмотри на него! – Баста грубо толкнул его локтем в бок. – Сколько раз я ему объяснял, что тюрьмы нечего стыдиться, тем более такой чистенькой – не то что застенки у нас дома. Ну-ка расскажи им, как я узнал о твоих бесценных талантах. Расскажи, как я застал тебя ночью, когда ты вычитал себе из книжки этого дурацкого пса! Пса! Уж я бы, дьявол ведает, сумел выдумать что-нибудь получше.

Баста ехидно ухмыльнулся, а Орфей нервно поправил галстук.

– Цербер так и сидит в машине, – сказал он Мортале. – Он этого очень не любит. Надо взять его сюда.

Верзила шагнул было к двери – он, видно, любил животных, но Мортала раздраженно позвала его обратно:

– Собака останется в машине. Я не выношу эту тварь.

Она нахмурилась и оглядела прихожую.

– Я-то думала, домик у тебя побольше, – сказала она Элинор с наигранным разочарованием. – Мне говорили, ты богатая.

– Она и правда богатая. – Баста так резко обнял Орфея за шею, что у того сползли на нос очки. – Только все деньги отдает за книжки. Интересно, сколько бы она дала нам за книгу, которую мы отняли у Сажерука? Как ты думаешь? – Он ущипнул Орфея за круглые щеки. – Да, этот наш дружок оказался отличной, жирной приманкой для Огнеглотателя. Он похож на раздувшуюся лягушку, но даже Волшебному Языку буквы не повинуются так, как ему, про Дариуса уж и не говорю. Спросите Сажерука! Орфей отправил его домой как нечего делать! Не то чтобы Огнеглот...

– Помолчи, Баста! – грубо перебила его Мортала. – Уж больно ты любишь распускать язык. Ну так что? – Она нетерпеливо стукнула палкой по мраморной облицовке пола, которой так гордилась Элинор.

«Ну, госпожа Лоредан! – думала Элинор. – Врите что-нибудь! Быстрее!»

Но не успела она и рта открыть, как услышала поворот ключа в замочной скважине. «Нет! Нет, Мортимер! – беззвучно молила она. – Не ходи сюда! Оставайся с Резой в мастерской. Запритесь там и ни за что не ходите сюда!»

Конечно, никакого толка от ее беззвучной мольбы не было. Мортимер открыл дверь, вошел, обнимая Резу за плечи, и застыл как вкопанный, увидев Орфея. Не успел он еще понять, что происходит, как Верзила по знаку Морталы захлопнул дверь.

– Привет, Волшебный Язык! – Баста говорил угрожающе мягко, поигрывая ножом прямо перед лицом Мо. – А это уж не наша ли немая красавица Реза? Вот и отлично. Значит, двое за раз. Остается только маленькая ведьма.

Элинор заметила, как Мортимер на секунду прикрыл глаза, словно надеясь, что Баста и Мортла исчезнут, когда он откроет их снова. Но, разумеется, ничего подобного не произошло.

– Зови ее! – приказала Мортла, глядя на Мо с такой ненавистью, что Элинор стало страшно.

– Кого? – переспросил он, не сводя глаз с Басты.

– Не притворяйся глупее, чем ты есть! – рявкнула Мортла. – Или ты хочешь, чтобы я разрешила Басте вырезать и на лице твоей жены узор, которым он разукрасил Огнеглота?

Баста нежно провел пальцем по сверкающему лезвию своего ножа.

– Если ведьмой ты зовешь мою дочь, – сказал Мортимер глухим голосом, – ее здесь нет.

– Неужто? – Мортла тяжело ступила к нему. – Поберегись. Ноги у меня страшно болят после бесконечной езды, и это мне, знаешь ли, не прибавляет терпения.

– Ее здесь нет! – повторил Мортимер. – Мегги ушла с тем мальчишкой, у которого вы отобрали книгу. Он попросил отправить его к Сажеруку, и она это сделала. И исчезла вместе с ним.

Мортла недоверчиво прищурилась.

– Чушь! – сказала она. – Как они могли это сделать без книги?

Элинор заметила сомнение, мелькнувшее в ее глазах.

Мортимер пожал плечами:

– У мальчишки был с собой исписанный от руки листок бумаги – листок, который якобы перенес туда Сажерука.

– Но этого не может быть! – Орфей ошарашенно уставился на него. – Вы всерьез утверждаете, что ваша дочь сама себя вчитала в книгу с помощью моих слов?

– Ах, так вы и есть тот самый Орфей? – Мортимер смерил его недружелюбным взглядом. – Значит, это вам я обязан тем, что у меня нет больше дочери.

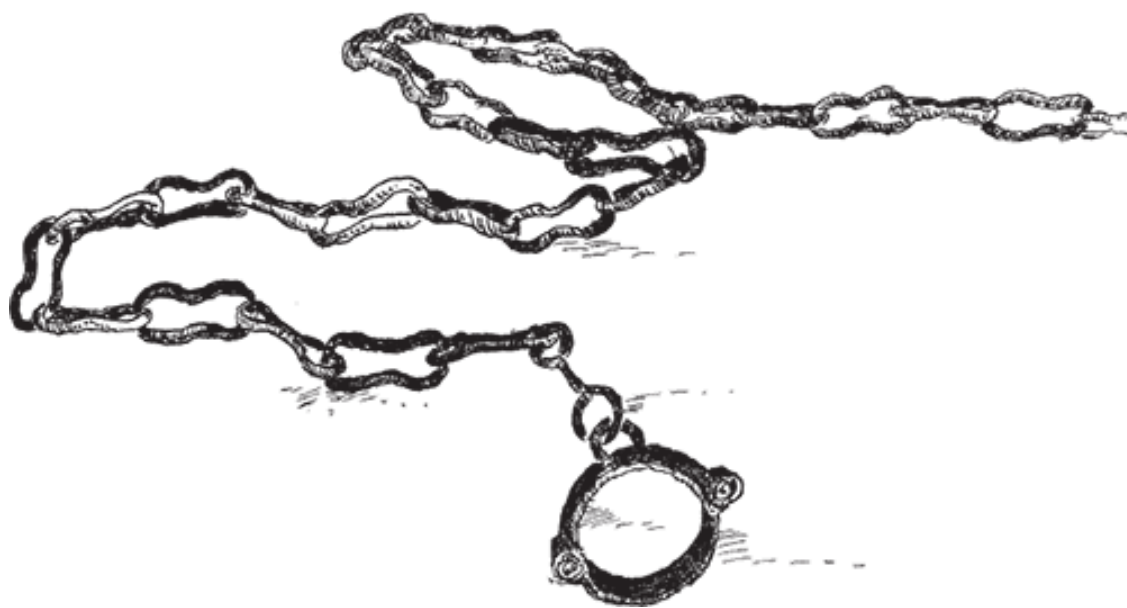
Орфей поправил очки и посмотрел на Мо не менее враждебно. Потом он резко повернулся к Мортле.

– Так это и есть ваш Волшебный Язык? – спросил он. – Он лжет! Я уверен, он лжет! Никто не может самого себя вчитать в книгу, ни он, ни его дочь, ни кто-нибудь еще. Я пробовал сотни раз. Это невозможно.

– Да, – устало сказал Мортимер, – еще четыре дня назад я тоже был в этом убежден.

Мортла пристально посмотрела на него, потом кивнула Басте.

– Запри их в подвале! – приказала она. – А потом принимайтесь искать девчонку. Обыщите весь дом.

Фенолио

– Я упражняюсь во вспоминании, Наин, – сказал я. – В письме, чтении и вспоминании.

– А что тебе еще остается? – резко сказал Наин. – Знаешь, что происходит, когда ты что-то записываешь? Когда даешь чему-то имя? Ты отнимаешь у этой вещи ее силу.

Кевин Кроссли-Холланд.

Артур: зрячий камень

С наступлением темноты нелегко было пройти через охраняемые городские ворота Омбры, но Фенолио был хорошо знаком со всеми караульными. Для грубияна, который в эту ночь загородил ему путь копьем, он не раз сочинял любовные стихи – с большим успехом, как ему рассказывали, – и, судя по внешности этого болвана, помощь ему еще не раз понадобится.

– Только возвращайся до полуночи, писака! – ухмыльнулся некрасивый стражник, пропуская Фенолио. – В полночь меня сменяет Хорек, а ему твои стишки не нужны, хотя его милая даже читать умеет.

– Спасибо за предупреждение!

Фенолио неискренно улыбнулся, проходя мимо караульного. А то он сам не знает, что с Хорьком шутки плохи! У него до сих пор начиналась боль в желудке при одном воспоминании о том, как этот длинноносый воткнул ему в живот острие копья, когда он пытался протиснуться мимо него с вежливыми уговорами. Да, Хорька не подкупишь ни любовными стишками, ни другой какой-нибудь писаниной. Ему нужно только золото, а его у Фенолио было немного, во всяком случае, не столько, чтобы раздавать направо и налево стражникам у городских ворот.

– До полуночи! – тихо ворчал он, спускаясь по крутой тропе. – Да комедианты только к этому времени и разыграются по-настоящему!

Дорогу ему освещал факелом сын его квартирной хозяйки. Иво, девяти лет от роду, был полон ненасытного любопытства ко всем чудесам этого мира. Он каждый раз отчаянно спорил с сестрой за честь нести факел перед Фенолио, когда тот отправлялся к комедиантам. Фенолио снимал у матери Иво комнатку под самой крышей за пару монет в неделю. За это Минерва еще стирала и готовила ему и чинила его одежду. А Фенолио в ответ рассказывал ее детям сказки на ночь и терпеливо выслушивал, каким упрямым чурбаном бывает иногда ее муж. Да, с этим ему повезло.

Мальчик впереди возбужденно подпрыгивал. Ему не терпелось поскорее дойти до пестрых шатров, откуда сквозь ветви деревьев сверкали огни и раздавалась музыка. Он то и дело укоризненно оборачивался, как будто Фенолио нарочно не торопится. Видно, не понимает, что старик уже не может скакать, как кузнечик.

Пестрый Народ разбил шатры на каменистом участке, где ничего не росло, за лачугами крестьян, возделывавших землю Жирного Герцога. С тех пор как правитель Омбры потерял интерес к их шуткам и песням, они стали приходить сюда реже, но, к счастью, внук герцога не хотел отмечать свой день рождения без комедиантов, и поэтому в воскресенье все они снова устремятся к городским воротам: огнеглотатели, канатоходцы, укротители со своими зверями, метатели ножей, актеры, скоморохи и шпильманы, из которых многие пели песни, написанные Фенолио.

Да, Фенолио любил сочинять для Пестрого Народа: дерзкие песни, скорбные песни, смешные и грустные истории – смотря по настроению. Заработать этим можно было разве что пару медных монет. Карманы комедиантов вечно были пусты. Пожелай он продавать свои сочинения за золото, ему бы нужно было писать для герцога или для богатого купца. Но если он

хотел, чтобы его слова плясали и корчили рожи, если хотел рассказывать о крестьянах и разбойниках, о простом народе, который не живет в замках и не ест на золотой посуде, – он писал для комедиантов.

Они не сразу допустили его к своим шатрам. Но бродячие певцы все чаще пели сочиненные Фенолио песни, а дети просили рассказать одну из его историй – и комедианты перестали гнать его от себя. Порой их предводитель даже приглашал его к своему костру. Как в эту ночь.

Предводителя все называли Черный Принц, хотя в его жилах не было ни капли княжеской крови. Принц хорошо заботился о своих пестрых подданных, они уже дважды выбирали его своим главой. Откуда бралось золото, которое он щедро раздавал увечным и больным, лучше было не спрашивать, но одно Фенолио знал точно: Черного Принца придумал он.

«Да, я всех их создал! – думал он, идя навстречу музыке, которая делалась все слышнее. – И Принца, и ручного медведя, следующего за ним, как собака, и Небесного Плясуна, который, к сожалению, упал с каната, и множество других, и даже князя и герцога, воображавших, что правят этим миром». Не все свои создания Фенолио уже успел повидать, но, когда одно из них вдруг возникало перед ним во плоти, у него всякий раз замирало сердце, хотя порой он не мог вспомнить, действительно ли это создание его пера или оно, может быть, взялось еще откуда-нибудь...

Ну вот они наконец – шатры, пестревшие в ночи, как разбросанные цветы. Иво понесся к ним с такой скоростью, что чуть не упал. Навстречу им выскочил на одной ножке чумазый мальчишка, всклокоченный, как бродячая кошка. Он вызывающе ухмыльнулся Иво и побежал обратно на руках. Да уж, дети комедиантов гнулись и извивались так, словно костей у них вовсе нет.

– Беги уж! – буркнул Фенолио в ответ на умоляющий взгляд Иво.

Факел ему все равно был уже не нужен. Сразу несколько костров горело между шатрами, многие из которых представляли собой просто замызганные тряпки на протянутой между деревьями веревке. Иво радостно помчался прочь, а Фенолио удовлетворенно вздохнул. Да, именно так он и представлял себе Чернильный мир, когда писал: пестрым и шумным, полным буйной жизни. В воздухе пахло дымом, жареным мясом, тимьяном и розмарином, лошадьми, собаками, грязной одеждой, сосновой хвоей и костром. Ах, как он все это любил! Любил суматоху и даже грязь, любил жизнь, текущую у него перед носом, а не за запертыми дверьми. В этом мире все можно было увидеть: как кузнец загибает в огне серп, красильщик смешивает краски, кожевник дубит кожу, а сапожник кроит ее на башмаки. Ремесла не прятались здесь за неприступными стенами. Все делалось на улице, на площади, на рынке или прямо здесь, среди убогих шатров, и ему, Фенолио, до сих пор не утратившему мальчишеского любопытства, можно было смотреть на все это! – хотя порой он задыхался от вонь, исходящей от дубильни или красильни. Да, Фенолио нравился созданный им мир, очень нравился, даже после того как он убедился, что многое здесь идет совсем не так, как он задумывал.

«Сам виноват. Надо было написать продолжение! – размышлял Фенолио, пробираясь через толпу. – Я и сейчас мог бы его написать, здесь и сейчас. И мог бы все изменить, найдись только чтец!» Конечно, он попытался и тут отыскать Волшебного Языка, но безуспешно. Здесь не было ни Мегги, ни Мортимера, ни хотя бы такого неумехи, как этот Дариус.

Фенолио оставалась лишь роль поэта, сочиняющего красивые фразы и едва сводящего концы с концами, в то время как созданные им князь и герцог правили его миром как умели – и не очень-то хорошо. Досадно, ох как досадно!

Особенно тревожил его Змееглав.

Он сидел на серебряном троне Дворца Ночи, высоко над морем, к югу от Непроходимой Чащи. Не то чтобы это был неудачный персонаж, отнюдь. Кровопийца, палач, но ведь злодеи во всякой истории как соль в супе, – конечно, если держать их в узде. Именно за этим Фенолио и создал в противовес Змееглаву Жирного Герцога – правителя, предпочитавшего смеяться

шуткам комедиантов, а не воевать, – и его чудесного сына, Козимо Прекрасного. Кто же мог знать, что он безвременно погибнет, а отец его от горя опадет, как пирог, до времени вынутый из печи?

«Я в этом не виноват! – вновь и вновь повторял себе Фенолио. – Это не мой замысел, не моя вина». И все же это случилось. Как будто какой-то дьявольский писака продолжил его историю за него, а ему, Фенолио, оставил лишь роль бедного поэта.

«Да ладно, перестань. Не так уж ты на самом деле беден, Фенолио», – думал он, остановившись рядом со шпильманом, исполнявшим между шатрами одну из его песен. Нет, беден он не был. Жирный Герцог признавал лишь его стихотворные плачи по своему умершему сыну, а истории, сочиненные им для Якопо, внука герцога, были записаны на драгоценнейшем пергаменте и иллюстрированы Бальбулусом, знаменитейшим миниатюристом.

Кроме того, на взгляд Фенолио, его словам куда лучше жилось на языке у шпильмана, чем взаперти под книжным переплетом. Свободные, как птицы, – да, этого он и желал сочиненным им словам. Слишком много было в них силы, чтобы отдавать их напечатанными в руки любого дурака – делай что хочешь! А потому отсутствие печатных книг в этом мире скорее успокаивало. Здесь их переписывали от руки, и ценились они поэтому так высоко, что только высшая знать могла позволить себе обладать ими. Всем же прочим приходилось заучивать их слова наизусть или слушать в исполнении шпильмана.

Маленький мальчик потянул Фенолио за рукав. На нем была рваная рубашонка, из носа текло.

– Чернильный Шелкопряд!

Мальчик вытащил из-за спины маску, какие носят комедианты, и быстро прикрыл ею глаза. На потертый холст были наклеены светло-коричневые и серые перья.

– Кто я?

– Гм-м! – Фенолио нахмурил морщинистый лоб, изображая напряженное раздумье. Рот под маской разочарованно скривился.

– Перепел! Разве не видно?

– Видно! – Фенолио ущипнул его за красный носик.

– Ты расскажешь нам сегодня историю про него? Ну пожалуйста!

– Посмотрим! Сказать по правде, я представлял себе его маску попышнее, чем у тебя. Может, тебе стоит наклеить на нее побольше перышек, как ты думаешь?

Мальчик стянул маску с головы и огорченно посмотрел на нее:

– Перья не так-то легко найти.

– А ты поищи внизу, у реки. Там бродят такие кошки, что от них и перепелам спасения нет.

Фенолио хотел двинуться дальше, но мальчик удержал его. У детей комедиантов цепкие ручонки, хоть и худые.

– Одну историю, всего одну, ну пожалуйста, Чернильный Шелкопряд!

Откуда-то появились еще два карапуза, мальчик и девочка. Они уставились на Фенолио глазами, полными ожидания. Да, истории про Перепела... Сказки про разбойников ему всегда удавались – его внуки в том, другом мире тоже их любили. Но здесь эти истории получались у него еще лучше. Их можно было теперь услышать повсюду: «Невероятные подвиги самого отважного из разбойников, благородного и бесстрашного Перепела». Фенолио хорошо помнил ту ночь, когда сочинил его. Перо у него в руке дрожало тогда от ярости. «Змееглав опять изловил комедианта, – рассказал ему в тот вечер Черный Принц, – на этот раз Горбуна. Вчера в полдень они его повесили».

Горбуна, одного из его персонажей! Безобиднейшего бродягу, который дольше всех умел стоять на голове.

– Что он себе воображает, этот князь! – кричал Фенолио, как будто Змеглав мог его услышать. – В этом мире я господин над жизнью и смертью, я, Фенолио, и никто другой!

И слова полились на бумагу, гневные, неукротимые, как разбойник, которого он придумал в ту ночь. Перепел был таким, каким мечтал быть в своем мире Фенолио: свободным как птица, никому не подвластным, бесстрашным, благородным (а порой – остроумным), отнимающим у богатых, чтобы отдать бедным, защищающим слабых от произвола сильных в мире, где закон этого не делал...

Фенолио почувствовал, что его снова тянут за рукав.

– Ну пожалуйста, Чернильный Шелкопряд! Всего одну историю!

До чего упрям мальчишка – страстный любитель историй.

– Ты рассказывал, что Перепел украл у Змеглава амулет! – прошептал малыш. – Палец повешенного, который оберегал его от Белых Женщин. Ты сказал, что Перепел теперь сам носит его на шее.

– Правда? – Фенолио поднял брови. Это всегда производило впечатление, потому что они у него были очень густые и лохматые. – Я кое-что слышал и о более дерзких его делах, но сейчас мне нужно сперва поговорить с Черным Принцем.

– Ну пожалуйста, Чернильный Шелкопряд!

Дети повисли у него на рукавах и чуть не ободрали дорогую кайму, которую он за пару монет попросил пришить к грубой ткани, чтобы не выглядеть таким оборванцем, как те писаки, что составляют на рынке завещания и письма.

– Нет! – строго сказал он, выдергивая у них рукава. – Попозже! А сейчас пошли вон.

Сопливый мальчишка посмотрел ему вслед такими печальными глазами, что Фенолио на мгновение вспомнил о внуках. Пиппо так же глядел на него, когда приносил книгу и требовательно клал ему на колени.

«Дети! – думал Фенолио, подходя к костру, у которого сидел Черный Принц. – Они везде одинаковы. Ненасытные маленькие бестии – но и самые благодарные слушатели. В любом мире. Самые лучшие».

Черный Принц

*– Значит, медведи могут сами сделать себе душу... – сказала она.
Сколько еще неизвестного в мире.*

Филип Пулман. Северное Сияние⁷

Черный Принц был не один. Разумеется, с ним, как всегда, был его медведь. Зверь сидел у костра позади хозяина, как его косматая тень. Фенолио хорошо помнил фразу, которой создал Черного Принца. В самом начале «Чернильного сердца», вторая глава. Подходя к костру, Фенолио тихо повторял вслух эти слова:

– Бездомный мальчишка, кожа лишь чуть светлее черных кудрей, скор на язык и на ножевую расправу, всегда готов броситься на защиту тех, кого любит, – будь то две его младшие сестрички, медведь, с которым жестоко обращаются, или Сажерук, его лучший, самый близкий друг... «Который тем не менее погиб бы жестокой смертью, если бы все шло по-моему, – добавил про себя Фенолио, махая рукой Принцу. – К счастью, мой смуглый друг этого не знает, а то вряд ли я был бы желанным гостем у его костра».

Принц помахал в ответ. Сам он, наверное, думал, что его зовут Черным Принцем за смуглость кожи, но Фенолио-то знал, в чем дело. Он украл для него имя из учебника истории в своем старом мире. Так звали славного рыцаря, королевского сына, ставшего знаменитым разбойником. «Понравилось бы рыцарю, что его имя носит теперь метатель ножей, принц комедиантов? Даже если и нет, подделать он все равно ничего не может, – подумал Фенолио, – потому что его история давным-давно закончилась».

Слева от Принца сидел тот бестолковый неумеха-цирюльник, что чуть не сломал Фенолио челюсть, вырывая зуб, а справа от него – Коптемаз, незадачливый огнеглотатель, так же плохо владевший своим ремеслом, как цирюльник – своим. Насчет цирюльника Фенолио не был уверен, но Коптемаза он не придумывал точно. Бог знает, откуда он взялся! Глядя, как неумело и робко пытается он жонглировать огнем, каждый неизменно называл другое имя: Сажерук – Огненный Жонглер – Укротитель Пламени...

Медведь зарычал, когда Фенолио подсел к костру рядом с его хозяином, и так посмотрел на пришельца своими желтыми глазками, как будто прикидывал, сколько мяса можно еще содрать с этих старых костей. «Сам виноват, – подумал Фенолио. – Зачем ты дал в спутники Черному Принцу ручного медведя? Мог бы обойтись собакой». Торговцы на рынке рассказывали всякому, кто соглашался слушать, что этот медведь на самом деле человек, заколдованный феями или кобольдами (кем именно, они не могли между собой договориться), но Фенолио опять-таки знал, в чем тут дело. Медведь был самый настоящий, навек благодарный Черному Принцу за то, что тот много лет назад освободил его от кольца в носу и от прежнего хозяина, колотившего зверя колючей дубиной, чтобы заставить танцевать на рынке.

У костра сидело еще шестеро мужчин. Фенолио знал только двоих. Один был актер, Фенолио все время забывал его имя. Другой – силач, зарабатывавший на хлеб тем, что на потеху публике разрывал на себе цепи, поднимал высоко в воздух взрослых мужчин и гнул железные пруты. Когда Фенолио присел к костру, все замолчали. Его присутствие терпели, но своим он для них так и не стал.

Только Принц приветливо улыбнулся ему.

– А, Чернильный Шелкопряд! – сказал он. – Несешь нам новую песню о Перепеле?

Фенолио взял кружку с горячей медовухой, которую протянул ему один из мужчин по знаку Принца, и устроился поудобнее на каменистой земле. Его старые кости ныли от сиде-

⁷ Перевод В. Гольшева.

ния на голой земле, даже в такую теплую ночь, как эта, но у комедиантов не водилось стульев или другой мебели.

– Вообще-то я пришел, чтобы отдать тебе это.

Фенолио сунул руку под куртку, огляделся и протянул Принцу запечатанное письмо. В царившей вокруг суете было не разобрать, есть ли тут наблюдатель, не принадлежащий к Пестрому Народу. Принц взял письмо, кивнул и сунул его за пояс.

– Спасибо тебе! – сказал он.

– Не за что, – ответил Фенолио, стараясь не обращать внимания на зловонное дыхание медведя.

Принц не умел писать, как и большинство его пестрых подданных, и Фенолио охотно оказывал ему подобные услуги, в особенности если речь шла о таком письме, как это. Оно было предназначено одному из лесников Жирного Герцога. Его люди уже трижды нападали на улице на женщин и детей Пестрого Народа. Никому не было до этого дела – ни самому герцогу, погрузившемуся в свое горе, ни тем, кого он назначил отправлять правосудие. Ведь речь шла всего лишь о комедиантах. Поэтому их предводителю пришлось самому заняться этим делом. Уже этой ночью лесник найдет у себя на пороге письмо, написанное Фенолио. После этого он перестанет спать спокойно и, надо надеяться, будет впредь держаться подальше от пестрых юбок. Фенолио гордился своими письмами-угрозами не меньше, чем балладами о разбойниках.

– Слышал последние новости, Чернильный Шелкопряд? – Принц погладил медведя по черной морде. – Змееглав объявил награду тому, кто поймает Перепела.

– Перепела? – Фенолио подавился медовухой.

Цирюльник хлопнул его по спине с такой силой, что медовуха выплеснулась Фенолио на руки.

– Что ж, отлично! – сказал он, переведя дух. – Пусть кто-нибудь теперь попробует сказать, что слова – лишь дым и пустой звук! Но этого разбойника Змееглав будет ловить долго!

Как они все на него смотрят! Похоже, знают что-то, что ему невдомек. Но что?

– Ты, значит, еще ничего не слышал, Чернильный Шелкопряд? – тихо спросил Коптемаз. – Твои песни, похоже, сбываются. Уже два раза на сборщиков налогов, посланных Змееглавом, нападал человек в птичьей маске, а одного его егеря, прославившегося жестокостью, нашли, говорят, в лесу мертвым. Из рта у него торчало перо. Угадай, какой птицы?

Фенолио изумленно посмотрел на Принца, но тот глядел на пламя костра и ворошил палкой угли.

– Но... но это же великолепно! – воскликнул Фенолио и тут же понизил голос, заметив, как тревожно озираются остальные. – Это отличные новости, – продолжил он тихо. – Что бы там ни было, я прямо сейчас сочиню новую песню. Предлагайте тему! Давайте! Что наш Перепел еще учинит?

Принц улыбнулся, но цирюльник смерил Фенолио презрительным взглядом.

– Тебе все игра, Чернильный Шелкопряд! – сказал он. – Ты сидишь в своей теплой комнате и плетешь слова по бумаге. Но человек, играющий твоего разбойника, рискует головой, потому что он, уж конечно, сделан не из слов, а из плоти и крови!

– Да, но никто не знает его в лицо, потому что он носит маску. Это ты умно придумал, Чернильный Шелкопряд. Откуда Змееглав узнает, кого ему искать? Удобная штука эта маска. Ее любой может надеть.

Это сказал один из актеров. Баптиста. Да, так его и зовут. «Это я его придумал?» – спросил себя Фенолио. – Не важно». Никто не умел делать маски лучше, чем Баптиста, – может быть, потому, что его собственное лицо было обезображено оспинами. Многие актеры просили его смастерить для них холщовый смех или плач.

– Но в песнях Перепел довольно хорошо описан. – Коптемаз испытующе посмотрел на Фенолио.

– Верно! – Баптиста вскочил на ноги, положил руку на потертый ремень, будто к нему привешен меч, и оглянулся, словно высматривая врага. – Он высокого роста, сказано там. Это неудивительно, о героях всегда так говорят. – Баптиста прошелся взад-вперед на цыпочках. – Волосы у него, – он провел рукой по голове, – темные, как кротовый мех. Если верить песням. Это необычно. Как правило, герои бывают златовласыми, а там уж представляй себе это как хочешь. О его происхождении мы ничего не знаем, но уж конечно, – Баптиста состроил благородное лицо, – в его жилах течет чистейшая княжеская кровь. Не зря ведь он был так отважен и благороден!

– Это заблуждение, – сказал Фенолио. – Перепел – человек из народа. С какой стати рожденный в замке станет разбойником?

– Вы слышали слова поэта! – Баптиста провел рукой по лицу, как будто стирая с него прежнее выражение. Остальные рассмеялись. – Перейдем к лицу под птичьей маской. – Баптиста ощупал пальцами свое обезображенное лицо. – Конечно, оно прекрасно, благородно и бело, как слоновая кость. В песнях об этом ничего не говорится, но мы знаем, что другого цвета лица у героя быть не может. Извините, ваше высочество! – добавил он, насмешливо кланяясь Черному Принцу.

– Пожалуйста, пожалуйста, я не против, – откликнулся тот, не поморщившись.

– Не забудь о шраме! – сказал Коптемаз. – О шраме на левой руке, в том месте, куда его укусила собака. Он упоминается в каждой песне. Ну-ка давайте закатаем рукава. Может быть, Перепел сидит среди нас?

Он вызывающе обвел глазами присутствующих, но только силач со смехом закатал рукава. Остальные молчали.

Принц откинул с лица длинные волосы. На поясе у него висели три ножа. Комедиантам запрещено было носить оружие, в том числе и тому, кого они звали своим предводителем, но с какой стати Пестрый Народ стал бы соблюдать законы, которые его не защищают? «Он попадает в глаз стрекозе», – говорили о меткости Принца. В точности так, как написал когда-то Фенолио.

– Как бы он ни выглядел, этот храбрец, сделавший мои песни делами, я пью за его здоровье. Пусть Змееглав поищет человека, которого я описал. Он его не найдет! – Фенолио протянул свою кружку, предлагая чокнуться. Он испытывал восторг, почти опьянение – разумеется, не от гадкой медовухи. «Ты только посмотри, Фенолио! – думал он. – Ты пинешь, и твои слова оживают! Даже без чтеца...»

Но силач испортил ему настроение.

– Честно говоря, мне не до здравниц, Чернильный Шелкопряд, – буркнул он. – Говорят, Змееглав объявил, что будет платить звонким серебром за язык каждого шпильмана, который поет о нем насмешливые песни. И у него уже набралась неплохая коллекция.

– Язык? – Фенолио невольно пошевелил своим языком. – А что, мои песни тоже сюда относятся?

Никто не ответил. У костра воцарилось молчание. Из соседнего шатра донеслось женское пение – колыбельная, исполненная такой нежности и покоя, словно раздавалась из другого мира, мира, о котором можно только мечтать.

– Я постоянно говорю моим подданным: не подходите близко к Дворцу Ночи! – Принц отрезал медведю кусок сочащегося жиром мяса, вытер нож о штаны и сунул его обратно за пояс. – Я им все время повторяю, что мы для Змееглава – падаль, вороний корм! Но с тех пор как Жирный Герцог предпочитает слезы забавам, у всех у них пустые карманы и пустое брюхо. И это, конечно, гонит их на ту сторону Чащи. Там много богатых торговцев.

Вот черт! Фенолио потер больное колено. Куда делось его приподнятое настроение? Испарилось, как аромат растоптанного цветка. Он мрачно отхлебнул еще медовухи. Дети снова подошли к нему, упрасывая рассказать историю, но он их прогнал. В дурном настроении он ничего не мог придумать.

– Вот еще что, – сказал Принц. – Силач нашел сегодня в лесу мальчика и девочку. Они рассказывают странные вещи: будто Баста, любимчик Каприкорна, снова появился в наших краях, и они пришли, чтобы предостеречь от него моего старого друга Сажерука. Ты, конечно, слыхал о нем?

– Э-э-э... – Фенолио подавился медовухой. – Сажерук? Ну да, конечно, огнеглотатель.

– Огнеглотатель, которому нет равных. – Принц бросил быстрый взгляд на Коптемаза, но тот как раз показывал цирюльнику воспаленный зуб. – Его считали умершим, – тихо продолжал он. – Вот уже десять лет о нем не было ни слуху ни духу. О том, где и как он умер, рассказывают тысячи историй, к счастью, все это, похоже, выдумки. Но мальчик и девочка ищут не только Сажерука. Девочка спрашивала еще о старике-поэте с лицом черепахи. Это, случаем, не ты?

Фенолио не нашелся что ответить. Принц взял его за локоть и помог встать с земли.

– Пойдем со мной! – сказал он. Медведь за их спинами, рыча, поднялся на лапы. – Они были полумертвые от голода и рассказывали, будто идут из глубины Непроходимой Чащи. Женщины их сейчас кормят.

Мальчик и девочка... Сажерук... Мысли вихрем проносились в голове Фенолио, но, к сожалению, после двух кружек медовухи ему трудно было привести их в порядок.

Под липой на краю табора сидела на траве добрая дюжина ребятишек. Две женщины разливали им суп. Дети жадно хлебали жидкий отвар из деревянных мисок, крепко сжимая их грязными пальцами.

– Ты только посмотри, сколько их опять набралось! – сказал Принц Фенолио. – Мы скоро перемрем с голоду из-за наших добросердечных женщин.

Фенолио молча кивнул, рассматривая худые мордашки. Он знал, как часто Принц сам подбирал голодных детей. Если они оказывались хоть немного способны жонглировать, стоять на голове или проделывать еще какие-нибудь штуки, способные вызвать у людей улыбку и выманить пару монет из их кошелька, Пестрый Народ принимал их к себе, и они кочевали вместе с ним с места на место, от одной ярмарки к другой.

– Вон они. – Принц показал на две головки, особенно низко склонившиеся над мисками.

Когда Фенолио подошел поближе, девочка подняла голову, словно он окликнул ее по имени. Она посмотрела на него во все глаза и опустила ложку.

Мегги!

Фенолио был ошарашен. Он глядел на нее так, что девочка невольно улыбнулась. Да, это она. Ее улыбку он хорошо помнил, хотя там, в доме Каприкорна, ей нечасто случалось улыбаться.

Мегги вскочила, выбралась из толпы ребятишек и бросилась ему на шею.

– Я знала, что ты еще здесь! – бормотала она сквозь смех и слезы. – Зачем ты только сочинил этих волков? И еще этих альбов и осинников? Они швыряли в Фариду камнями и царапали нам когтями лицо. Хорошо, что Фариду удалось разжечь огонь, но...

Фенолио открыл было рот и снова беспомощно закрыл его. В голове у него проносились тысяча вопросов: как она сюда попала? Что случилось с Сажеруком? Где ее отец? И что произошло с Каприкорном – мертв он или нет? Сработал ли их план? Если да, то как мог уцелеть Баста? Эти вопросы звенели у него в мозгу, как рой гудящих насекомых, но ни одного из них Фенолио не решался задать под цепким взглядом Черного Принца.

– Похоже, ты с ними знаком, – заметил тот.

Фенолио молча кивнул. Где он видел мальчика, сидевшего рядом с Мегги? Не он ли был вместе с Сажеруком в тот достопамятный день, когда писатель впервые столкнулся лицом к лицу с одним из своих созданий?

– Да, это мои... мм... родственники, – пролепетал он. Да уж, знаменитый поэт мог бы выдумать что-нибудь получше!

В глазах Принца сверкнули насмешливые искорки.

– Родственники... Вот как! Что-то у вас маловато семейного сходства.

Мегги опустила руки, обвивавшие шею Фенолио, и взглянула на Принца.

– Мегги, позволь тебе представить, – сказал Фенолио. – Черный Принц.

Принц с улыбкой поклонился.

– Черный Принц! – Мегги повторила его имя почти благоговейно. – А это его медведь! Фарид, иди сюда! Ты только посмотри!

Фарид, ну конечно. Теперь Фенолио вспомнил. Мегги много о нем рассказывала. Мальчик поднялся, но прежде торопливо отхлебнул последний глоток супа из своей миски. Он встал за спиной у Мегги на почтительном расстоянии от медведя.

– Мегги сказала, что пойдет со мной, и все тут, – произнес он, утирая губы рукавом. – Правда! Я совсем не хотел брать ее сюда, но она упрямая, как верблюд.

Мегги собиралась достойно ответить на эту наглость, но Фенолио обнял ее за плечи.

– Милый мальчик, – сказал он, – ты даже представить себе не можешь, как я рад, что Мегги здесь. Пожалуй, только ее мне и не хватало в этом мире для полного счастья!

Он поспешно простился с Принцем и потащил Мегги и Фариду за собой.

– Пошли! – сказал он тихо, проводя их между шатрами. – Нам нужно многое обсудить, но лучше сделать это в моей комнате, вдали от чужих ушей. Сейчас уже поздно, а после полуночи стража не пропустит нас через городские ворота.

Мегги рассеянно кивнула, увлеченная зрелищем кипевшей вокруг жизни, зато Фарид резко вырвался.

– Нет, я с вами не пойду. Мне нужно найти Сажерука.

Фенолио изумленно посмотрел на него. Значит, это правда? Сажерук...

– Да, он вернулся, – сказала Мегги. – Женщины говорят, что он, наверное, у той комедиантки, с которой жил раньше. У нее теперь усадьба там, на холме.

– Комедиантка? – Фенолио взглянул в ту сторону, куда показывала Мегги. Холм, о котором она говорила, казался отсюда черным контуром в лунном свете. Ну конечно! Роксана. Он вспомнил. Интересно, она в самом деле так хороша, как он ее описал?

Мальчик нетерпеливо заерзал.

– Я пошел, – сказал он Мегги. – Где я тебя потом найду?

– На улице сапожников и седельщиков, – ответил вместо Мегги Фенолио. – Просто спроси, где тут дом Минервы.

Фарид кивнул и снова посмотрел на Мегги.

– Вообще-то лучше бы не отправляться в путь на ночь глядя, – сказал Фенолио, хотя и чувствовал, что мальчик не собирается спрашивать у него совета. – Дороги тут небезопасные. Особенно ночью. Грабители, разбойники...

– Я им не дам. – Фарид вытащил из-за пояса нож. – Береги себя!

Он сжал руку Мегги, потом резко повернулся и исчез в толпе комедиантов. Фенолио заметил, что Мегги еще несколько раз оборачивалась, ища его глазами.

– Бедняга! – пробурчал он, разгоняя очередную стайку ребятишек, пристававших к нему с просьбой рассказать историю. – Он, похоже, в тебя влюблен?

– Прекрати! – Мегги вытянула руку из его ладони, но при этом невольно улыбнулась.

– Ладно-ладно, молчу! Твой отец знает, что ты здесь?

Этого вопроса задавать не следовало. По лицу Мегги было видно, что ее гложет совесть.

– Ох ты Господи! Ну ладно, сейчас все расскажешь. И как ты сюда попала, и что означают разговоры о Басте и Сажеруке – в общем, все! Какая ты стала большая! Или это я съезжился? Боже мой, Мегги, до чего же я рад, что ты здесь! Теперь уж мы наведем в этой истории порядок. С помощью моих слов и твоего голоса...

– Порядок? Как это понимать? – Мегги недоверчиво взглянула ему в лицо.

Так она порой глядела на него тогда, в пору их заточения в доме Каприкорна – пристально, нахмутив лоб, такими светлыми серьезными глазами, что казалось, они заглядывают прямо в сердце. Но здесь было не место для объяснений.

– Потом! – сказал Фенолио, понизив голос, и потащил ее за собой. – Потом, Мегги. Здесь слишком много лишних ушей. Да где же, черт подери, мой факелоносец?

Чужие шорохи в чужой ночи

*Под сумерек покровом
Мир дивно зачарован
Приветной тишиной —
Родней каморки той,
Где злого дня волненье
Сон предаёт забвенью.*

Маттиас Клаудиус.
Вечерняя песня

Позже, пытаясь вспомнить, как она дошла тогда до жилища Фенолио, Мегги могла вызвать в памяти лишь несколько отрывочных картин: стражник, выставивший им навстречу копье, а потом, узнав Фенолио, с ворчанием пропустивший в город, темные улочки, по которым они пробирались за мальчонкой с факелом, потом крутая лестница, скрипевшая под ногами. У Мегги так кружилась голова от усталости, когда они поднимались по ступенькам, что Фенолио несколько раз заботливо подхватывал ее под локоть.

— Я думаю, все рассказы мы отложим на завтра, — сказал он, пропуская ее в комнату. — Пойду попрошу Минерву найти для тебя мешок с соломой, но сегодня ты лучше выспись на моей кровати. Три дня и три ночи в Непроходимой Чаше! Клянусь чернилами, я бы, наверное, просто умер от страха.

— У Фарида был нож, — пробормотала Мегги.

Этот нож ее и вправду успокаивал, когда они ночью устраивались спать высоко на дереве, а внизу под ними все наполнялось шорохами, сопением, рычанием. Фарид все время держал нож наготове.

— А когда ему виделись духи, — сонно рассказывала она, пока Фенолио возился со светильником, — он зажигал огонь.

— Духи? В этом мире нет духов, во всяком случае, я их не сочинял. А что же вы ели все эти дни?

Мегги побрела к кровати. Постель выглядела очень заманчиво, хотя состояла всего лишь из набитого соломой мешка и пары грубошерстных одеял.

— Ягоды, — пробормотала она. — Много ягод, а еще хлеб, который мы захватили с кухни Элинора, и кролика, которого поймал Фарид.

— Боже ты мой! — изумленный, Фенолио покачал головой.

Увидеть снова его морщинистое лицо было настоящей радостью, но сейчас Мегги хотела только одного — спать. Она сбросила сапоги, залезла под колючие одеяла и вытянула болевшие ноги.

— Как вам только пришла в голову сумасшедшая мысль вчитать себя в Непроходимую Чашу? Почему не прямо сюда? Сажерук ведь наверняка рассказывал мальчику об этом мире.

— Слова Орфея... — Мегги зевнула. — У нас были только слова Орфея, а Сажерук просил вчитать его именно в Непроходимую Чашу.

— Ну да, это очень в его духе.

Она почувствовала, что Фенолио поправляет на ней одеяло.

— Я тебя не буду пока спрашивать, что это за Орфей. Завтра наговоримся. Спокойной ночи! И добро пожаловать в мой мир!

Мегги с трудом заставила себя снова разлепить глаза.

— А ты где будешь спать?

– Об этом не беспокойся. Там внизу у Минервы без конца ночуют какие-то родственники, по несколько на одной кровати. Одним больше, одним меньше. Вот увидишь, к здешним неудобствам быстро привыкаешь. Надеюсь, правда, что муж ее на самом деле храпит не так громко, как она рассказывает.

Фенолио закрыл за собой дверь, и Мегги слышала, как он, чертыхаясь, спускается вниз по крутой лестнице. На потолочных балках шуршали мыши (она надеялась, что это мыши), а сквозь единственное окно доносились голоса стражи с недалекой городской стены. Мегги закрыла глаза. Ноги у нее болели, в ушах все еще звенела музыка из табора комедиантов. «Черный Принц... – думала она, – я видела Черного Принца... и ворота Омбры... и слышала, как шепчутся деревья в Непроходимой Чаше». Если бы только она могла рассказать все это Резе или Элино. Или Мо. Но он теперь уж, конечно, ни слова не захочет слышать о Чернильном мире.

Мегги протерла усталые глаза. Над кроватью к потолочным балкам лепились гнезда фей, как об этом мечтал когда-то Фенолио, но за их темными отверстиями не слышалось никакого шевеления. Каморка Фенолио была чуть поменьше той комнаты, где их с Фенолио заперли когда-то по приказу Каприкорна. Кроме кровати, которую он ей так великодушно уступил, здесь стояли еще деревянный сундук, скамья и конторка для письма из темного дерева, украшенная резьбой и поблескивающая полированной поверхностью. Она не подходила к остальной обстановке – к грубой скамье и простому сундуку. Казалось, она попала сюда из другой истории, как сама Мегги. На конторке стояла глиняная кружка со связкой перьев, две чернильницы...

Фенолио выглядел довольным, да, правда.

Мегги провела рукавом по усталому лицу. Платье, которое сшила ей Реза, все еще хранило мамин запах, даже после трех дней в Непроходимой Чаше. Она сунула руку в кожаный мешок, который дважды чуть не потеряла за время лесных скитаний, и достала подаренный Мо блокнот. Прожилки на мраморной бумаге переплета были темно-синие и зеленые – любимые цвета Мо. «Хорошо иметь при себе в чужом месте свои книги». – Мо часто твердил ей это, но, наверное, не имел в виду настолько чужие места. На второй день в чаше, пока Фарид охотился на кролика, Мегги попыталась заглянуть в книжку, которую взяла с собой, но так и не продвинулась дальше первой страницы. Кончилось тем, что она эту книжку забыла, оставила у ручья, над которым вились рои синих фей. То ли охота читать пропадает, когда сам оказываешься в написанной истории, то ли она просто слишком устала. «Надо хотя бы записать то, что я тут видела, – подумала Мегги и снова провела рукой по корешку блокнота, но голова и все тело были словно ватные от усталости. – Завтра, – решила она. – И еще завтра я скажу Фенолио, чтобы он вписал меня обратно. Я видела фей и даже огненных эльфов, Непроходимую Чашу и Омбру. Да, и ему ведь понадобится еще день-другой, чтобы подыскать нужные слова...» В гнезде фей над ее головой послышался шорох, но синего личика не появилось.

В комнате было прохладно. Все здесь было чужим, таким чужим. Мегги привыкла бывать в чужих местах, ведь Мо всегда брал ее с собой, разъезжая по своим переплетным делам. Но одно оставалось в любом из этих мест неизменным: он всегда был рядом. Всегда. Мегги прижалась щекой к жесткому матрасу. Она скучала по матери, по Элино, по Дариусу, но больше всего по Мо, и у нее щемило сердце. Любовь и нечистая совесть – мучительное сочетание. Если бы он просто отправился с ней! Мо с любовью показывал ей их мир, и ей так хотелось сделать то же самое для него. Ему бы все это наверняка понравилось: огненные эльфы, шепчущие деревья и табор комедиантов...

Да, она скучала по Мо.

Интересно, а Фенолио? Он по кому-нибудь скучает? Неужели его не тянет обратно в свою деревню, к детям, друзьям, соседям? И к внукам, с которыми Мегги столько раз носилась по его дому? «Завтра я тебе все покажу, – шепнул он ей, когда они торопливо шагали за мальчиком,

несшим перед ними догорающий факел, и в голосе Фенолио звучала при этом гордость, как у принца, который обещает гостю показать на следующий день свое королевство. – Стража не любит, чтобы люди шлялись ночами по улицам», – добавил он. Между тесно стоявшими домишками, до того напоминавшими деревню Каприкорна, что Мегги на каждом углу ожидала увидеть чернокурточника с винтовкой, и правда было очень тихо. Навстречу им попались только две похрюкивающие свиньи и оборванец, сметавший в кучу отбросы, а потом лопатой сыпавший их на ручную тележку. «К этой вони ты со временем привыкнешь, – шепнул Фенолио, увидев, как Мегги зажимает нос. – Скажи еще спасибо, что я живу не рядом с красильней или дубильней. К этим запахам даже я так и не привык». Нет, Фенолио никуда отсюда не рвался, это точно. Да и зачем? Это был его мир, вышедший из его головы, знакомый ему, как собственные мысли.

Мегги прислушалась к тишине. К мышинной возне примешивался еще какой-то звук – вроде тихого похрапывания. Он доносился, кажется, от конторки. Мегги скинула одеяло и на цыпочках подошла ближе. У кувшина с перьями спал стеклянный человечек. Его прозрачные ручки были испачканы чернилами. Наверное, он очинивал перья, макал их в пузатые чернильницы, посыпал песком свеженаписанные страницы... как об этом всегда мечтал Фенолио. А гнезда фей над его кроватью – это правда, что они приносят счастье и навевают приятные сны? Мегги заметила на конторке пыльцу фей. Мегги задумчиво провела по ней пальцем, посмотрела на оставшийся на пальце серебристый след и помазала пылью лоб. Интересно, помогает пыльца фей от тоски по дому?

Да, она очень тосковала по дому. Как тут ни красиво, ей вспоминался дом Элинора, мастерская Мо... Что за глупое у нее сердце! Разве не билось оно сильнее каждый раз, когда Реза рассказывала ей о Чернильном мире? А теперь, когда она здесь, на самом деле здесь, оно, похоже, не знает, что ему чувствовать. «Потому что их здесь нет! – шепнуло что-то в ней, словно сердце пыталось оправдаться. – Потому что всех их здесь нет».

Если бы хоть Фарид был рядом...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.